

ПОЧТАМТ

Annotation

Чарльз Буковски – один из крупнейших американских писателей XX века, автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

Свой первый роман «Почтамт», посвященный его работе в означенном заведении и многочисленным трагикомическим эскападам из жизни простого калифорнийского почтальона, Буковски написал в 50 лет. На это ушло двадцать ночей, двадцать пинт виски, тридцать пять упаковок пива и восемьдесят сигар.

- [Чарльз Буковски](#)

-

- [Часть 1](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [Часть 2](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [Часть 3](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [Часть 4](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
- [Часть 5](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [Часть 6](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
-

Чарльз Буковски

Почтамт

Это является художественным произведением и никому не посвящается

ПОЧТАМТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ЛОС-АНДЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ
Отдел Почтмейстера
1 января 1970 г.
Меморандум 742

КОДЕКС НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Настоящим обращаем внимание всех сотрудников на Кодекс Норм Поведения для почтовых служащих, изложенный в Разделе 742 Почтовой Инструкции, и Руководство для Работников, намеченное в Разделе 744 Почтовой Инструкции.

Уже много лет почтовые служащие держатся прекрасной и не превзойденной иными группами государственных служащих традиции верно служить Нации. Каждый служащий должен испытывать чувство большой гордости за эту традицию преданной службы. Каждый из нас должен стремиться сделать достойным свой вклад в непрерывное движение Почтовой Службы к будущему прогрессу в интересах общества.

Весь почтовый персонал обязан действовать с неуклонной порядочностью и безусловной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и блюсти законы Соединенных Штатов, а также правила и политику Почтового Департамента. Требуется не только высоконравственное поведение, но официальные лица и наемные работники должны тщательно избегать действий, которые могут быть истолкованы как препятствующие исполнению обязанностей почтового служащего. Данные обязанности должны выполняться

сознательно и с пользой. Почтовая Служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения с Федеральным Правительством. Таким образом, каждому почтовому работнику представляется особая возможность и ответственность действовать с честью и достоинством, заслуживающими общественного доверия, что отражает ценность и заслуги Почтовой Службы и всего Федерального Правительства.

Все служащие обязаны изучить Раздел 742 Почтовой Инструкции «Основные Нормы Нравственного Поведения, Личное Поведение Служащих, Ограничения Политической Деятельности и т. д.».

Подпись Ответственного Лица

Часть 1

В начале была ошибка.

Стояло Рождество, и от алкаша, жившего на горке, я узнал, что туда берут чуть ли не всех подряд: он проделывал этот финт каждый год, потому я и пошел. И не успел глазом моргнуть, как у меня на горбу оказался кожаный мешок, и я его в свое удовольствие тащу. Вот так работенка, подумал я. Семечки! Дают всего квартал или два, и если удается их закончить, штатный почтальон скажет разнести еще один, или, может, вернешься, и в сортировке сунут еще – никакой спешки, распихиваешь себе поздравительные открытки по ящикам.

Кажется, на второй день рождественской шары за мной письма разносить увязалась эта здоровая тетка. Здоровая в том смысле, что у нее была здоровая задница, здоровые сиськи, и вся она в нужных местах была здоровенной. Вроде как не в себе, но я глаз не мог оторвать от ее тела, и мне было наплевать.

Она трещала, не закрывая рта. Тут-то все и прояснилось. Муж ее служил офицером на острове где-то очень далеко, а ей одиноко стало, понимаете, живет себе в домике на задворках совершенно одна.

– В каком домике? – спросил я.

На клочке бумаги она черкнула адрес.

– Мне тоже одиноко, – сказал я. – Загляну вечером, поговорим.

Я жил тогда с одной, но моей бабы регулярно не бывало дома, шлялась где-то, и я был одинок без базара. Одиноко без такой вот здоровой задницы, что стояла рядом.

– Ладно, – сказала она, – до вечера.

Хороша-то она хороша, тетка что надо, но, как и со всеми тетками, после третьей или четвертой ночи я начал терять интерес и больше к ней не возвращался. Но не давала покоя мысль: боже, у почтальонов других дел нет – только письма разносить да трахаться. Это работа для меня, о да да да.

Поэтому я пошел на экзамен, сдал его, пошел на медкомиссию, прошел ее, и вот я – подменный доставщик. Начиналось легко. Меня отправили на участок Западный Эйвон, и все было совсем как на Рождество, только без траха. Каждый день я ждал, что меня трахнут, но меня не трахали. Бугор же был нормальный, и каждый день я, гуляючи обходил то один квартал, то другой. У меня даже формы не было, одна кепка. Я носил обычную одежду. Мы так с моей Бетти киряли, что на одежду едва ли оставалось.

Затем меня перевели на Оукфордский участок.

Сортировкой заправлял бычина по фамилии Джонстон. Там была текучка, и я понял из-за чего. Джонстон любил носить темно-красные рубашки – они означали опасность и кровь. Сменщиков было семеро: Том Мото, Ник Пеллигрини, Герман Стрэтфорд, Рози Андерсон, Бобби Хансен, Гарольд Уайли и я, Генри Чинаски. Начало – в 5 утра, и я там единственный киряла. Я всегда квасил допоздна, а в 5 утра мы уже сидели, дожидались, чтоб зашли время, вдруг кто из штатных заболеет. Штатные обычно бюллетенили, когда шел дождь или стояла жара, или сразу после праздников, когда почты больше в два раза.

40 или 50 разных маршрутов, может, с верхом, один сложнее другого, ни в жисть не запомнишь, надо забирать почту и к 8 утра быть как штык к развозке, а Джонстону все божья роса. Сменщики развозили журналы по перекресткам, оставались без обеда и подыхали прямо на улицах. Джонстон давал нам паковать ящики по маршрутам на 30 минут позже – знай крутился в красной рубашке на своем кресле:

– Чинаски, берешь пятьсот тридцать девятый!

Начинали мы на полчаса позже, но все равно должны были развезти, доставить, да еще и вернуться вовремя. И раз или два в неделю, уже разбитые, отпидарашенные и выебанные, выходим в ночную сортировку, а расписание, пришпиленное к доске, – хреновее некуда: грузовик с такой скоростью просто не ездил. В первом завозе приходилось четыре-пять ящиков пропускать, а к следующему их уже заваливали почтой, и ты вонял и бегал, потея и распихивая все по мешкам. Нормально меня трахнули. Джонстон позаботился.

3

Джонстону потакали сами сменщики – они повиновались его невозможным приказам. Я не понимал, как такому чудовищу позволено занимать такую должность. Штатным было до лампочки, профсоюзный деятель никуда не годился, поэтому я накропал тридцатистраницный рапорт в один из выходных, отправил копию Джонстону, а вторую взял с собой в Федеральное здание. Ярыжка велел мне обождать. Я ждал, ждал, ждал. Я ждал час и тридцать минут, затем меня ввели, и я увидел седого человечка с глазами, как сигаретный пепел. Он даже не попросил меня присесть. Он заорал, едва я переступил порог:

- Умницаешь, значит, сукин сын, так?
- Вы б не выражались, сэр!
- Вот умник выискался! Сучата, словарей нахватались и вынакиваются!

Он замахал на меня моими бумагами. И завопил:

- МИСТЕР ДЖОНСТОН – ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!
- Глупости. Он – очевидный садист, – ответил я.
- Ты сколько работаешь на почте?
- Три недели.
- МИСТЕР ДЖОНСТОН РАБОТАЕТ НА ПОЧТЕ УЖЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

- А это тут при чем?
- Я сказал: МИСТЕР ДЖОНСТОН – ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Бедняге, наверно, хотелось меня пришибить. Должно быть, они с Джонстоном спали вместе.

– Хорошо, – сказал я, – Джонстон – прекрасный человек. Выкиньте всю эту поеботину из головы.

Я ушел и взял себе назавтра отгул. Без содержания, конечно.

4

Когда Джонстон увидел меня на следующее утро в 5, он крутнулся на кресле – лицо и рубашка у него были одного цвета. Но ничего не сказал. По барабану. До 2 часов ночи я кирял и трахался с Бетти. Я откинулся на стену и закрыл глаза.

В 7 Джонстон развернулся в кресле снова. Остальных сменщиков уже отправили на работу или послали на другие участки, где требовалась помощь.

– Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Он наблюдал за моим лицом. Черт, какая разница. Мне хотелось одного – лечь в постель и задрушлять.

– Ладно, Стон, – ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Стон, но только я называл его так в лицо.

Я вышел, мой драндулет завелся, и вскоре я уже был в постели с Бетти.

– О, Хэнк! Как мило!

– Чертовски верно, крошка! – Я подтянулся к ее теплому хвосту и уснул за 45 секунд.

5

Но на следующее утро произошло то же самое.

– Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Так продолжалось неделю. Я сидел там каждое утро с 5 до 7, и мне не платили. Мое имя даже вычеркнули из ночной сортировки.

Потом Бобби Хансен, один из сменщиков постарше – по выслуге, – сказал мне:

– Он раз мне тоже так сделал. Старался, чтоб я с голоду подох.

– Да плевать. Жопу я ему целовать не собираюсь. Или уволюсь, или с голоду подохну – все равно.

– Не обязательно. Докладывайся каждый вечер на участке Прелл. Скажи в сортировке, что здесь у тебя работы нет и ты можешь сидеть сменщиком особой доставки.

– А так можно? Не запрещают?

– Я раз в две недели зарплату получал.

– Спасибо, Бобби.

6

Забыл, когда начинал. В шесть или 7 вечера. Где-то около.

Я садился с кучкой писем, брал карту улиц, прикидывал свою пробежку – и только. Легко и просто. Все водители на прикидку своих маршрутов тратили гораздо больше времени, чем необходимо, и я тоже не высовывался. Уходил, когда уходили остальные, возвращался вместе со всеми.

Затем делал еще один маршрут. Оставалось время посидеть в кофейне, почитать газеты, почувствовать себя человеком. Даже пообедать успевал. Когда нужен был отгул, я брал отгул. На одном маршруте была такая крупная деваха, она каждый вечер получала заказные письма. Шила сексапильные платья, ночнушки и сама же их носила. Ты взбегал по ее крутым ступенькам около 11 вечера, давил на звонок и вручал ей заказное. Она тихонько ахала, что-то вроде:

– ОOOOOOOOOOOOOОххххххххХХХХ! – а сама стояла близко, очень близко, и не отпускала тебя, пока не прочтет письмо, а затем говорила: – ОOOООооох, спокойной ночи, спасибо ВАМ!

– Да, мэм, – отвечал ты, отваливая трусцой, елда набухла, как у быка.

Но это неминуемо должно было кончиться. Конец пришел по почте недели через полторы свободы.

Уважаемый мистер Чинаски,

Вам надлежит явиться на Оукфордский участок незамедлительно. Отказ повлечет за собой возможные меры дисциплинарного порядка или увольнение.

A. Э. Джонстон, начальник,

Оукфордский участок.

Я снова был на кресте.

– Чинаски! Берешь пятьсот тридцать девятый!

Самый херовый на участке. Многоквартирные дома с ящиками, где имена соскоблены или же их вообще никогда не было, под крошечными лампочками в темных вестибюлях. На лестницах стояли старухи – они встречались по всей улице, задавали один и тот же вопрос, как один человек с одним голосом:

– Почтальон, у вас для меня почта есть?

И хотелось орать: «Бабка, откуда, к чертовой матери, я знаю, кто ты такая, кто я такой и кто вообще тут все?»

Пот капает, бодун, график невозможный, да еще Джонстон сидит в своей красной рубашке и знает про это все, наслаждается, делает вид, что идет на это ради снижения расходов. На самом деле все знали, зачем он так поступает. Ох, какой же он прекрасный человек!

Люди. Люди. И собаки.

Давайте, я расскажу вам о собаках. Стоял такой 100-градусный день,^[1] а я бежал, потея, больной, похмельный, в полубреду. Остановился у небольшого жилого дома, где почтовый ящик внизу, прямо на мостовой. Отщелкнул его своим ключом. Ни звука. Вдругчучувствую – кто-то тычется мне сзади в промежность. И шевелится там. Оборачиваюсь – немецкая овчарка, взрослая, и нос свой мне в очко чуть не наполовину засунула. Щелкнет челюстями разок – и все яйца выдерет. Я решил, что эти люди не получат сегодня свою почту – может, вообще никогда никакой почты не получат. В натуре, мужик, она там носом работала. НЮФ! НЮФ! НЮФ!

Я положил почту обратно в кожаную сумку, а затем очень медленно – очень – сделал полшага. Нос следом. Еще полшажка, другой ногой. Нос не отстает. Затем я делаю медленный, очень медленный полный шаг. За ним еще один. Не шевелюсь. Нос отклеился. Она стоит и на меня смотрит. Может, ей никогда не приходилось ничего подобногонюхать, и она не поняла, что нужно делать.

Я тихонько ушел.

Была и еще одна немецкая овчарка. Стояло жаркое лето, и она ВЫНЕСЛАСЬ со двора и ПРЫГНУЛА в воздух. Зубы ее щелкнули, едва не прокусив мне кадык.

– О БОЖЕ! – заверещал я, – ОХ ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! УБИВАЮТ! УБИВАЮТ! ПОМОГИТЕ! УБИВАЮТ!

Тварь развернулась и прыгнула снова. Я прямо в воздухе впаял ей хорошенько по морде мешком для почты, письма и журналы разлетелись. Тварь готовилась к прыжку еще раз, когда вышли двое парней, хозяева, и оттащили ее. Пока она смотрела на меня и рычала, я нагнулся и собрал письма и журналы – теперь их опять раскладывать по порядку.

– Вы, суки, ополоумели, – сказал я парням. – Это убийца, а не собака. Или усыпите ее, или на улицу не пускайте!

Я бы полез бить им морду, но между ними рычала и кидалась на меня эта собака. Я отошел к соседнему крыльцу и, ползая на четвереньках, переложил почту.

Как обычно, времени на обед не осталось, но я все равно на 40 минут опоздал в сортировку. Стон посмотрел на часы.

– Ты на сорок минут опоздал.

– А ты вообще не приходил, – ответил я.

– Так и запишем.

– Пиши-пиши, Стон.

У него в машинку был заправлен соответствующий бланк – он уже приступил. Я сидел, сортируя почту по ящикам и откладывая возвраты, а он подошел и швырнул бланк мне под нос. Я уже устал читать его докладные и по своему походу в город знал, что любой протест бесполезен. Не глядя, я кинул его ксиву в мусорную корзину.

На каждом маршруте были свои ловушки, и только штатные доставщики о них знали. Каждый день возникала какая-то проклятая засада, и ты всегда был готов к изнасилованию, убийству, собакам или кому-нибудь безумию. Штатные своих маленьких секретов не выдавали. Это было их единственным преимуществом – если не считать того, что свои маршруты они знали наизусть. Сплошной банзай для новичка – особенно такого, кто киряет допоздна, ложится в 2, встает в 4.30, ночь напролет трахается и орет песни, и ему все сходит с рук... ну, почти.

Как-то днем я был на улице, маршрут неплохо продвигался, хоть и новый, и я подумал: господи, может, впервые за два года я смогу пообедать.

Меня мучил ужасный бодун, но все равно шло хорошо, пока я не добрался до этой пачки почты, адресованной церкви. В адресе не было номера улицы – только название церкви и бульвара, на который она выходит. Я поднялся, с похмела, по ступенькам. Ящика отыскать не удалось, а людей внутри не было.

Какие-то свечи горят. Стоят миски, пальцы макать. Пустая кафедра на меня лыбится вместе со статуями: бледно-красными, голубыми, желтыми, фрамуги закрыты, вонюче жаркое утро.

Ох Иисусе, подумал я.

И вышел.

Обогнул церковь и наткнулся на лестницу в подвал. Дверь была открыта, я вошел. Знаете, что я увидел? Унитазы. И душевые кабинки. Но там было темно. Ни одна лампочка не горела. Как, черт побери, человеку в темноте почтовый ящик искать? Тут я увидел выключатель. Дернул, и весь свет в церкви зажегся – и внутри, и снаружи. Захожу в следующую комнату, а там облачения на столе разложены. И стоит бутылка вина.

Боже ты мой, подумал я, кого, к дьяволу, еще, кроме меня, могут застукать в таком положении?

Я взял бутылку, хорошенъко приложился, оставил письма на рясах и вернулся к унитазам с душами. Выключил свет, посрал в темноте и выкурил сигарету. Подумал было принять душ, но мысленно увидел заголовки: ГОЛОГО ПОЧТАЛЬОНА ЗАСТАЮТ ЗА РАСПИТИЕМ КРОВИ ХРИСТА ПОД ДУШЕМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Поэтому в конце концов времени на обед не хватило, и когда я вернулся, Джонстон написал докладную, что я на 23 минуты выбился из

графика.

Позже выяснилось, что почту для церкви доставляют в приходской дом за углом. Но теперь, разумеется, я знаю, где срать и подмываться, когда приспичит.

Начался сезон дождей. Большая часть моих денег уходила на пойло, стало быть, в башмаках подметки проходились, а плащ был старым и рваным. Под любым маломальским ливнем меня изрядно мочило – я имею в виду мочило до костей: аж трусы с носками разбухали. Штатные доставщики начинали бюллетени – они бюллетенили на участках по всему городу, поэтому работы было полно каждый день и на Оукфордском участке, и везде. Даже сменщики оказывались больными. Я бюллетень не брал – слишком уставал и не соображал как надо. В то утро меня отправили на участок Уэнсли. В самом разгаре был один из таких пятидневных ливней, когда вода хлещет сплошной стеной и весь город задирает лапки, всё задирает лапки кверху, канализация не успевает глотать воду, и та захлестывает тротуары, а в некоторых районах – газоны и даже дома.

Меня послали на участок Уэнсли.

– Там сказали, что им нужен хороший человек, – крикнул мне вслед Стон, когда я выходил под водяной саван.

Дверь закрылась. Если мой драндулет заведется, – а он завелся, – поеду в Уэнсли. Но это не важно: если машина не заводилась, тебя кидали в автобус. Ноги у меня уже промокли.

Бугор в Уэнсли поставил меня перед ящиком. В нем почты и так было под завязку, а я стал пихать еще больше вместе с другим подменным. Такого ящика я никогда в жизни не видел! Чья-то гнусная шутка. Я насчитал в нем 12 связок. На полгорода хватит. Мне только предстояло узнать, что весь маршрут идет по крутым холмам. Кто его придумал, совсем, наверное, ёбу дался.

Мы подняли и выволокли его, и только я собрался уходить, как бугор подошел и сказал:

– Я тут не смогу тебе дать никого в помощь.
– Все нормально, – ответил я.

Хрен там, нормально. Только гораздо позже я узнал, что он – первый кореш Джонстона.

Маршрут начинался от участка. Первый из 12 отрезков. Я вышел под стену воды и покандюхал вниз по склону. То был нищий район – домишкы и дворики с почтовыми ящиками на одном гвозде, внутри полно пауков, а за окошками старухи вертят самокрутки, жуют табак, мычат что-то своим канарейкам и смотрят на тебя, приурка, заблудившегося под дождем.

Когда трусы намокают, они сползают вниз, вниз, вниз они сползают, облепляют ягодицы, а мокрую резинку этой дряни поддерживает только промежность штанов. Дождь размыл чернила на некоторых письмах; сигарета гореть не хотела. Нужно постоянно лазить в мешок за журналами. Первый отрезок, а я уже устал. Ботинки облепило грязью, по весу они стали, как сапоги. То и дело я натыкался на что-нибудь скользкое и чуть не падал.

Открылась дверь, и старушка задала мне вопрос, слышанный уже сотню раз:

– А где сегодня мой обычный почтальон?

– Дама, ПРОШУ ВАС, откуда я знаю? Откуда, к чертовой матери, мне знать? Я – здесь, а он – где-то в другом месте!

– О-о, так вы и впрямь хулиган какой-то!

– Хулиган?

– Да.

Я рассмеялся и вложил толстое промокшее письмо ей в руку, перешел к следующей двери. Может, на горке получше будет, подумал я.

Еще одна старая кошелка – хочет казаться милой, спрашивает:

– А вам не хотелось бы зайти и выпить чашечку чаю, подсушиться немножко?

– Леди, неужели вы не понимаете, у нас нет времени даже трусы подтянуть.

– Трусы подтянуть?

– ДА, ТРУСЫ ПОДТЯНУТЬ! – заорал я на нее и ушел под стену дождя.

Закончил я первый отрезок. Он занял у меня около часа. Еще одиннадцать таких – значит, одиннадцать часов. Невозможно, подумал я. Должно быть, они повесили на меня самый поганый маршрут.

На горке оказалось хуже, поскольку туда приходилось тянуть еще и собственную тушу.

Полдень пришел и ушел. Без обеда. Четвертый или пятый отрезок. Даже в сухой день маршрут был бы невозможен. А теперь – невозможен настолько, что нельзя даже подумать о нем.

Наконец я вымок так, что решил: тону. Отыскал крыльцо с козырьком, где капало не очень сильно, встал и умудрился зажечь сигарету. Сделал примерно три спокойные затяжки, когда услышал за спиной голосок еще одной старушечки:

– Почтальон! Почтальон!

– Да, мэм? – спросил я.

– У ВАС ПОЧТА МОКНЕТ!

Я опустил глаза к мешку и точно – кожаный клапан открыт. Капля или две попали туда через дыру в козырьке.

Я ушел. Все, пиздец, подумал я: только идиот станет терпеть то, что приходится терпеть мне. Сейчас найду телефон и скажу им, чтобы приезжали, забирали почту – и в жопу их работу. Джонстон победил.

И вот едва я решил все бросить, мне полегчало. В дожде я разглядел здание у подножия холма: вдруг в нем окажется телефон. Я стоял на склоне. Спустившись, увидел, что это маленькое кафе. Работал обогреватель. Ладно, блин, подумал я, хоть обсушусь. Снял плащ и кепку, швырнул мешок с почтой на пол и заказал чашку кофе.

Кофе был очень черный. Выпаренный из спитой гущи. Хуже я никогда не пробовал, но он был горячий. Я выпил три чашки и просидел там час, пока не высох полностью. Затем выглянул наружу: дождь кончился! Я вышел, поднялся на горку и стал разносить почту снова. Не торопясь закончил маршрут. На 12-м отрезке я уже шел по темноте. К тому времени, как я вернулся в участок, стояла ночь.

Служебный вход был заперт.

Я забарабанил в жестяную дверь.

Появился маленький и теплый ночной дежурный и открыл.

– Ты где шлялся, черт побери? – заорал он.

Я подошел к ящику и сбросил мокрый мешок, полный возвратов, отказов и почты до востребования. Затем снял ключ и жахнул им по ящику. За ключ при выдаче и сдаче надо было расписываться. Этим я морочиться не стал. Дежурный стоял и смотрел на меня.

Я тоже на него взглянул.

– Паря, если ты мне скажешь еще хоть одно слово, если даже чихнешь, помоги мне господи, я тебя убью!

Паря не издал ни звука. Я отметился и ушел.

На следующее утро я все ждал, чтобы Джонстон повернулся ко мне и что-нибудь сказал. Он вел себя как ни в чем не бывало. Дождь закончился, и штатные больше не болели. Стон отправил троих подменных домой без оплаты, меня – в том числе. Я чуть не полюбил его за это.

Я пришел домой и пристроился к теплой заднице Бетти.

Но потом дождь пошел снова. Стон послал меня на так называемую Воскресную Выемку, и если вы думаете про церковь, то не стоит. Берешь грузовик в Западном Гараже и планшет. На планшете написано, какие улицы, во сколько там нужно быть и как проехать к следующему ящику для выемки. Вроде «14.32, угол Бичер и Авалона, ЛЗ П2 (что означает три квартала налево и два направо), 14.35», и не врубаешься, как можно вынуть почту из одного ящика, проехать пять кварталов за три минуты и закончить вычищать следующий. Иногда выемка всей воскресной почты только из одного ящика занимала больше трех минут. К тому же планшеты были неточны. Иногда переулок они считали улицей, а улицу – тупиком. Поди разберись, где ты.

Накрапывал такой затяжной дождик – не лило, но и не прекращалось. Местность, по которой я ехал, была новой, но, по крайней мере, читать планшет света хватало. Однако чем темнее, тем труднее становилось и читать (при свете приборной доски), и замечать ящики. Мало того, на улицах прибывала вода, и несколько раз я ступал в лужу по самые лодыжки.

Потом приборная доска погасла. Планшет не прочтешь. Где я – без понятия. Без планшета – как в пустыне заблудился. Но удача от меня еще не отвернулась – пока. У меня с собою было два коробка спичек, и, отправляясь к новому ящику, я чиркал спичкой, запоминал указания и ехал дальше. В кой-то веки я перехитрил Напасти, этого Джонстона в небесах, который наблюдал за мной сверху.

Тут я свернул за угол, выскоцил разгрузить ящик, а когда вернулся – планшета НЕ БЫЛО!

Джонстон на Небеси, Смилуйся! Потерялся в темноте под дождем. Я что, в самом деле какой-то идиот? Сам на себя навлекаю неприятности? Вполне возможно. Вполне возможно, я недоразвитый, и мне повезло, что я вообще пока жив.

Планшет был прикручен к доске. Я прикинул, что он мог выскользнуть из кабины при последнем резком повороте. Я закатал штаны, вылез из грузовика и побрел по колено в воде. Стояла темень. Никогда мне эту проклятую дрянь не найти! Я шел, чиркая спичками, – но ничего, ничего. Его смыло. На углу мне хватило здравого смысла заметить, куда течет поток, и я пошел по течению. Потом заметил, как что-то плывет, зажег

спичку – ВОТ он! Планшет. Невероятно! Я чуть не расцеловал эту дрянь. Добрел до грузовика, влез, откатал штанины и по-настоящему прикрутил планшет к доске. Разумеется, из графика я уже давно выбился, но, по крайней мере, отыскал этот гадский планшет. Не потерялся на задворках Ебеней. Не придется звонить в двери и спрашивать, как проехать к почтовому гаражу.

У меня в ушах уже рычал голос какого-нибудь мудозвона из теплой гостиной: «Так-так. Вы же почтовый служащий, не правда ли? Вы что, не знаете, как вернуться в собственный гараж?»

И вот я поехал дальше, чиркая спичками, выскакивая прямо в водовороты и опорожня почтовые ящики. Я устал, промок и был с бодуна, но это мое обычное состояние, поэтому я форсировал вброд усталость, как потоки воды. Не переставая думал о горячей ванне, о прекрасных ногах Бетти и – для укрепления духа – представлял себя в кресле-качалке, со стаканом в руке, ко мне подходит собачка, и я треплю ее по голове.

Но до этого еще долго. Остановкам на планшете конца, похоже, не предвиделось, а когда я дошел до низу, там было сказано: «Переверните»; я перевернул планшет, и, естественно, на обороте был еще один список остановок.

С последней спичкой я сделал последнюю остановку, сдал почту на указанный участок – ну и куча же оказалась – и поехал назад в Западный Гараж. На западной окраине, а на западе местность очень плоская, система стоков неправлялась с водой, и когда бы ни шел дождь, сколько бы он ни шел, у них начиналось то, что называется «потопом». Очень точное название.

Ехал я, ехал – а вода все прибывала и прибывала. Вокруг заглохшие и брошенные машины. Херово. А мне хотелось одного – скорее в это кресло, стакан скотча в кулак, и смотреть, как зад Бетти колышется по комнате. Тут на светофоре я увидел Тома Мото, еще одного джонстонского сменщика.

– Ты куда? – спрашивает Мото.

– Кратчайшее расстояние между двумя точками, как меня учили, – это прямая, – отвечаю я.

– Лучше не надо, – говорит он. – Я этот район знаю. Там уже океан просто.

– Ерунда, – говорю, – тут мужиком надо быть, больше ничего. Спичка есть?

Подкурил я и бросил его под светофором.

Бетти, крошка, я еду!

Ага.

Вода поднималась все выше, но почтовые грузовики делают высокими. Я срезал угол по жилому кварталу на полной скорости, вода вокруг так и летела. Лило как из ведра. Вокруг – ни машины. Я – единственный движущийся объект.

Крошка Бетти. Ага.

Какой-то парень заржал с крыльца и заорал мне:

– ПОЧТА ДОЛЖНА ПРИЙТИ!

Я обматерил его и показал средний палец.

Тут я заметил, что вода уже заливает дно кабины и бурлит вокруг ботинок, но гнал дальше. Осталось три квартала!

И грузовик замер.

Ох. Ох. Вот говно.

Я сидел и пытался его раскочегарить. Один раз он завелся, потом снова сдох. Потом совсем перестал дрыгаться. Я сидел и смотрел на воду. Фута два, не меньше. И что мне делать? Сидеть, пока спасателей не пришлют?

Что говорит Почтовая Инструкция? Где она вообще есть? Я не знал ни одного человека, который бы ее видел.

Вот же срань.

Я запер кабину, положил ключи зажигания в карман, шагнул в воду – чуть не по пояс – и побрел к Западному Гаражу. Дождь не переставал. Вдруг вода поднялась еще на три-четыре дюйма. Оказывается, я шел по газону и теперь провалился в кювет. Грузовик остался стоять на чьей-то лужайке.

В какой-то миг я подумал, что вплавь быстрее, потом решил: нет, это будет смешно. Я добрался до гаража и пошел к диспетчеру. Вот он я какой, мокрее уже не бывает, а он на меня уставился.

Я швырнул ему ключи от кабины и зажигания.

Затем на куске бумаги написал: «Маунтвью-плаза, 3435».

– Ваш грузовик – по этому адресу. Поезжайте и забирайте.

– Хотите сказать, вы его там бросили?

– Хочу сказать, я его там бросил.

Я отошел, отмелился, разделся до трусов и встал перед обогревателем. Сверху повесил одежду. Потом поднял голову: в другом углу возле другого обогревателя стоял Том Мото – тоже в одних трусах.

Мы оба заржали.

– Жуть, правда? – спросил он.

– Невероятно.

– Думаешь, Стон это все предусмотрел?

– Черт, конечно! Он даже дождь вызвал!

– Ты тоже застрял?

– Ну да, – ответил я.

– И я.

– Слушай, малыш, – сказал я, – моей машине двенадцать лет. У тебя – новая. Я тут наверняка застрял. Как насчет подтолкнуть, а?

– Ладно.

Мы оделись и вышли наружу. Мото купил машину новой модели недели три назад. Я ждал, пока его двигатель заведется. Ни звука. Ох ты ж господи, подумал я.

Дождем залило весь пол в кабине.

Мото вылез.

– Без толку. Сдохла.

Я попробовал свою безо всякой надежды. Аккумулятор еще как-то шевелился, какая-то искра проскакивала, хоть и слабенько. Я подкачал, дал еще раз. Завелась. Пускай поревет. ПОБЕДА! Я ее хорошенъко разогрел. Потом сдал назад и начал подталкивать новую машину Мото. Я толкал его милю. Эта хренотень даже не перднула. Я впихнул его в гараж, оставил там и, выбирая, где повыше и посуще, добрался до Беттиной задницы.

Любимым доставщиком у Стона был Мэтью Бэттлз. Бэттлз никогда не приходил на работу в мятой рубашке. Вообще все, что он носил, было новеньkim, выглядело новеньkim. Кепка, ботинки, рубашка, брюки. Башмаки его сияли по-настоящему, вся одежда, казалось, ни разу не бывала в стирке. Как только рубашка или пара штанов хоть чуточку пачкались, он их выбрасывал.

Стон часто говорил нам, когда Мэтью проходил мимо:

– Вот это – почтальон!

И он не шутил. Его глаза чуть ли не сияли любовью.

А Мэтью стоял у своего ящика, прямой и чистый, отдраенный и выспавшийся, башмаки победно блестали, и смахивал эти письма внутрь с радостью.

– Ты – настоящий почтальон, Мэтью!

– Благодарю вас, мистер Джонстон!

Однажды утром в 5 я зашел и сел ждать за спиной у Стона. Под красной рубашкой тот как-то обмяк.

Мото сидел рядом. Он-то мне и сказал:

– Вчера забрали Мэтью.

– Забрали?

– Ага, за то, что из почты крал. Открывал письма для храма Некалайлы и вытаскивал деньги. На почте пятнадцать лет.

– А как узнали, как он попался?

– Старухи. Старухи слали Некалайлле письма, полные денег, и не получали в ответ ни спасибочки, ничего. Некалайла сказал на Почтамте, и Почтамт приставил к Мэтью шпика. Его застукали у кипятильника: вскрывал письма и выуживал деньги.

– Без балды?

– Без балды. Средь бела дня влетел. Я откинулся на стенку.

Некалайла построил такой большой храм и выкрасил стены в тошнотно-зеленый цвет – наверно, чтоб бабки напоминал, – и у него работал штат, человек 30–40, которые только распечатывали конверты, вытаскивали чеки и наличку, записывали сумму, отправителя, дату получения и так далее и больше ничем не занимались. Другие рассылали по почте книги и брошюры, написанные Некалайлой, а на стене висела его

фотография, большая такая: Н. в жреческих хламидах и бороде, — и живописный портрет Н., тоже очень большой, надзирал за contadorой, высматривал.

Некалайла утверждал, что как-то раз шел по пустыне и встретил Иисуса Христа, и Христос ему все рассказал. Они вместе посидели на камне, И.Х. ему все и выложил. А теперь уже сам Некалайла делится секретами с теми, кто может себе это позволить. К тому же каждое воскресенье он проводил службу. Его помощники, они же — паства, приходили на работу и уходили по звонку.

И представьте себе Мэтью Бэттлза, который пытается облапошить Некалайлу, повстречавшего в пустыне Христа!

— А Стону кто-нибудь что-нибудь сказал? — спросил я.

— Ты что — смеешься?

Мы посидели так час или около того. На ящик Мэтью назначили сменщика. Другим подменным дали другие задания. Я остался сидеть один за спиной у Стона. Потом встал и подошел к его столу.

— Мистер Джонстон?

— Да, Чинаски?

— А где сегодня Мэтью? Заболел?

Голова Стона поникла. Он смотрел на бумажку — держал ее в руке и делал вид, что читает. Я вернулся на место и сел.

В 7 часов Стон обернулся:

— Сегодня для тебя ничего нет, Чинаски.

Я встал и пошел к дверям. Остановился на пороге.

— Доброго вам утра, мистер Джонстон. И приятного дня.

Он не ответил. Я дошел до винной лавки и купил себе полпинты «Дедушки» на завтрак.

Голоса у людей были одинаковы: куда бы ни носил почту, слышал одно и то же снова и снова.

- Опоздали, правда?
- А где обычный почтальон?
- Привет, Дядя Сэм!
- Почтальон! Почтальон! Это не нам!

На улицах было полно безумных и тупых. Большинство жило в красивых домах и, казалось, на работу не ходило – непонятно, как им это удавалось. Был один парень, который не разрешал опускать почту в ящик. Он стоял в проезде и наблюдал, как ты подходишь, за два или три квартала – стоял себе и протягивал руку.

Я спрашивал у других, кто разносил почту по этому маршруту:

- А что с тем парнем, который стоит и руку протягивает?
- С каким парнем, который стоит и руку протягивает?

У них у всех тоже был тот голос.

Однажды, когда мне достался этот маршрут, человек-который-стоит-и-протягивает-руку был в полуквартале от дома. Разговаривал с соседом, оглянулся, когда мне оставалось пройти квартал, и понял, что еще успеет дойти до дома и меня встретить. Едва он повернулся ко мне спиной, я рванул. Наверное, так быстро я почту никогда не доставлял: в едином порыве, весь движенье, не останавливаясь, без передышки, я был готов его убить. Письмо уже наполовину пролезло в щель его ящика, и тут он обернулся и увидел меня.

– О НЕТ НЕТ НЕТ! – завопил он. – НЕ КЛАДИТЕ ЕГО В ЯЩИК!

И дернул ко мне по улице. Я видел только сплошной мазок на месте его ног. Должно быть, он сделал сто ярдов за 9,2.

Я вложил письмо ему в руку. Посмотрел, как распечатывает, идет по веранде, открывает дверь и уходит в дом. Что это значило, пусть мне расскажет кто-нибудь другой.

Опять я попал на новый маршрут. Стон всегда ставил меня на трудные, но время от времени, в связи с обстоятельствами вещей, был вынужден давать мне маршруты не такие убийственные. Номер 511 шебуршился довольно славно, и там я даже стал подумывать про обед – обед, который никогда не наступал.

Средний жилой район. Многоквартирных зданий нет. Просто один дом за другим, с ухоженными лужайками. Но это был новый маршрут, и я ходил и думал: где же тут ловушка? Даже погода стояла хорошая.

Ей-богу, думал я, у меня получится! Обед, назад – по графику! Жизнь наконец стала сносной.

Эти люди даже собак не держали. Никто не стоял снаружи, дожидаясь писем. Я часами не слышал человеческого голоса. Может, я достиг своей почтовой зрелости, что бы она ни значила. Я шагал дальше, полезный, чуть ли не преданный своему делу.

Помню, один почтальон – из тех, что постарше, – ткнул себя в сердце и сказал:

- Чинаски, когда-нибудь и до тебя дойдет, прямо вот сюда проникнет!
- Что, инфаркт?
- Преданность службе. Вот увидишь. Будешь еще гордиться.
- Чушь!

Но он был искренен. Я думал о нем, пока шел.

Тут мне попалось заказное письмо с квитанцией. Я подошел и позвонил в дверь. Открылось окошечко. Лица не видно.

– Заказное письмо!
– Отойдите! – произнес женский голос. – Отойдите от двери, чтобы я лицо увидела.

Ну вот, пожал ста, еще одна ненормальная.

– Послушайте, дамочка, зачем вам мое лицо? Я могу оставить квитанцию в ящике, придете и заберете свое письмо на почте. Документы не забудьте.

Я сунул квитанцию в ящик и начал спускаться с крыльца.

Дверь открылась, и она выскочила. В таком прозрачном неглиже и без всякого лифчика. Одни темно-синие трусики. Непричесана, волосы дыбом, будто пытаются от нее сбежать. На физиономии что-то вроде крема, в основном – под глазами. Кожа на теле белая, будто никогда не видела

солнца, нездоровий цвет лица. Рот раззярен. На нем осталось чуток помады; сложена же она была вся...

Отметил я это, пока она ко мне неслась. Как раз ее письмо засовывал обратно в сумку.

Она заорала:

– Отдайте мое письмо! Я сказал:

– Дама, вам придется...

Она выхватила у меня письмо и побежала к двери, открыла и заскочила внутрь.

Черт возьми! Возвращаться без заказного письма или без подписи нельзя! Там за все расписываться нужно!

– ЭЙ!

Я погнался за ней и всунул ногу в щель как раз вовремя.

– ЭЙ, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ!

– Уходите! Уходите! Вы злой человек!

– Слушайте, дамочка! Постарайтесь понять! Вам нужно за это письмо расписаться! Я не могу его просто так вам отдать! Вы грабите почту Соединенных Штатов!

– Уходите, злой человек!

Я налег на дверь всем весом и ввалился в комнату. Внутри было темно. Жалюзи опущены. Все жалюзи в доме были опущены.

– ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ВХОДИТЬ КО МНЕ В ДОМ! ВОН!

– А вы не имеете права грабить почту! Или отдавайте мне письмо, или распишитесь. Тогда я уйду.

– Хорошо. Хорошо. Распишусь.

Я показал ей, где расписываться, и дал ручку. Я смотрел на ее груди и на нее остальную и думал: какая жалость, что она чокнутая, какая жалость, какая жалость.

Она вернула мне ручку и подпись – сплошь каракули. Открыла письмо, начала читать, а я повернулся к выходу.

Тут она оказалась в дверях, расставила руки. Письмо валялось на полу.

– Злой злой злой человек! Вы пришли сюда меня изнасиловать!

– Послушайте, дама, дайте пройти.

– У ВАС ЗЛО НА ЛБУ НАПИСАНО!

– Тоже мне, новость. А теперь пропустите!

Одной рукой я попытался ее оттолкнуть. Она вцепилась ногтями мне в щеку, хорошенько так. Сумку я уронил, кепка скатилась, а когда я иромакивал кровь платком, дамочка дотянулась и гребнула другую щеку.

– АХ ТЫ ПИЗДА! ЧТО, БЛЯДЬ, НЕ ВСЕ ДОМА?

– Вот видите? Видите? Вы злой!

Она прямо вся прижалась ко мне. Я схватил ее за жопу и впился ртом в ее губы. Эти груди ко мне прижимались, она вся ко мне приклеилась. Закинула голову, чтоб подальше от меня...

– Насильник! Насильник! Злой насильник!

Я нагнулся, ртом захватил одну сиську, переключился на другую.

– Насилуют! Насилуют! Меня насилуют!

Она была права. Я спустил ей трусы, расстегнул ширинку, вставил, довел ее задом до кушетки. Мы оба на нее рухнули.

Она задрала ноги повыше.

– НАСИЛУЮТ! – вопила она.

Я ее кончил, застегнул «молнию», подобрал сумку с почтой и вышел, оставив ее спокойно таращиться в потолок...

Обед я пропустил, но все равно в график не уложился.

– Ты опоздал на пятнадцать минут, – сказал Стон.

Я ничего не ответил. Стон взглянул на меня.

– Бож всемогущий, что у тебя с лицом? – спросил он.

– А у тебя? – спросил я.

– Ты о чем?

– Не грузись.

Я опять был с похмелья, опять жара – всю неделю 100 градусов. Каждую ночь происходило пьянство, а с раннего утра и каждый день – Стон и невозможность всего.

Некоторые парни носили африканские шлемы от солнца и темные очки, а я – я был примерно одинаков, дождь ли, солнце: в драной одежде, а башмаки такие древние, что гвозди постоянно впивались мне в подошвы. В ботинки я подкладывал куски картона. Но помогало это лишь временно – скоро гвозди снова вгрызались мне в пятки.

Виски и пиво из меня просто вытекали, фонтанировали из подмышек, а я гнал себе дальше с этой тяжестью на спине, будто с крестом, вытягивал журналы, доставлял тысячи писем, шатаясь, приваренный к щеке солнца.

Какая-то тетка на меня заорала:

– ПОЧТАЛЬОН! ПОЧТАЛЬОН! ЭТО НЕ СЮДА!

Я оглянулся. Она стояла в квартале от меня вниз по склону, а я уже и так отставал от графика.

– Послушайте, дама, положите это письмо на ящик сверху! Завтра заберем!

– НЕТ! НЕТ! Я ХОЧУ, ЧТОБ ВЫ ЕГО ЗАБРАЛИ СЕЙЧАС!

Она размахивала этой сранью до самых небес.

– Дама!

– ЗАБЕРИТЕ! ЭТО НЕ НАМ! О боже мой.

Я уронил мешок. Затем снял кепку и швырнул ее на траву. Кепка скатилась на мостовую. Я ее бросил и пошел к тетке. Полквартала.

Я подошел и выхватил эту дрянь у нее из рук, повернулся, пошел.

Реклама! Почтовое отправление третьего класса. Что-то насчет распродажи одежды за полцены.

Я подобрал с дороги кепку, натянул на голову. Взгромоздил мешок на хребет слева, зашагал опять. 100 градусов.

Проходил мимо одного дома, и за мной выскочила женщина.

– Почтальон! Почтальон! У вас для меня разве нет письма?

– Дама, если я не положил его вам в ящик, это значит, что почты для вас нет.

– Но я же знаю, что у вас для меня письмо!

– С чего вы взяли?

– Потому что мне позвонила сестра и сказала, что напишет.

– Дама, у меня нет для вас письма.

– Я знаю, что есть! Я знаю, что есть! Я знаю, что оно там!

Она потянулась к пачке писем у меня в руке.

– НЕ ТРОЖЬТЕ ПОЧТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ДАМА! ДЛЯ ВАС СЕГОДНЯ НИЧЕГО НЕТ!

Я повернулся и пошел.

На крыльце стояла еще одна тетка.

– Вы сегодня поздно.

– Да, мэм.

– А где обычный почтальон?

– Он умирает от рака.

– Умирает от рака? Гарольд умирает от рака?

– Ну да, – сказал я. Я вручил ей почту.

– СЧЕТА! СЧЕТА! СЧЕТА! – завопила она. – И ЭТО ВСЕ, ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ПРИНЕСТИ? ЭТИ СЧЕТА?

– Да, мэм, это все, что я могу вам принести.

Я повернулся и ушел.

Я же не виноват, что у них телефоны, и газ, и свет, и что все свои вещи они покупают в кредит. Однако если я приношу им счета, они на меня орут – как будто я просил их устанавливать себе телефон или заказывать на дом телик за 350 баксов без начального платежа.

Следующая остановка – небольшое двухэтажное строение, довольно новое, с 10 или 12 квартирами. Почтовый ящик с замком стоял спереди, под козырьком крыльца. Наконец-то, хоть чуточку тени. Вставляю в замок ключ, открываю.

– ПРИВЕТ, ДЯДЯ СЭМ! КАК ДЕЛА?

Это было громко. Я не ожидал услышать голос этого мужика из-за спины. Он просто заорал на меня, а с бодуна я нервный. Я аж подскочил от неожиданности. Это слишком. Я вытащил ключ из замка и обернулся. Кроме сетчатой двери, ничего не видно. Кто-то стоял там. Под кондиционером и невидимый.

– Черт бы вас побрал! – сказал я. – Не называйте меня Дядей Сэмом! Я вам не Дядя Сэм!

– О, так ты умник, э? За пару центов я б вышел и тебе по заднице надавал!

Я поднял сумку и грохнул ею об пол. Журналы и письма разлетелись. Придется весь отрезок перекладывать. Я сорвал с головы кепку и шваркнул о цемент.

– А ну, ВЫХОДИ, СУКИН СЫН! ОХ, ГОСПОДИ ВСЕМОГУЩИЙ, А

НУ ВЫХОДИ! ВЫХОДИ, ВЫХОДИ, КОМУ ГОВОРЯТ!

Я был готов его прикончить.

Никто не вышел. Ни звука. Я посмотрел на сетчатую дверь. Ничего. Как будто квартира пуста. На какой-то миг я подумал зайти. Затем повернулся, опустился на колени и стал собирать письма и журналы. Та еще работка без сортировочного ящика. Через двадцать минут я все разложил. Засунул несколько писем в ящик, кинул журналы прямо на крыльце, закрыл дверцу, повернулся и снова посмотрел на сетчатую дверь. По-прежнему ни звука.

Я заканчивал маршрут, ходил и думал: ну что ж, он позвонит и скажет Джонстону, что я ему угрожал. Когда вернусь, лучше подготовиться к худшему.

Я распахнул дверь: Стон сидел за столом, что-то читал.

Я стоял, глядя на него сверху вниз, ждал.

Стон глянул на меня, перевел взгляд на то, что читал.

Я стоял, дожинаясь, и дальше. Стон читал.

– Ну, – наконец вымолвил я, – что там с этим?

– Что там с чем? – Стон поднял голову.

– СО ЗВОНКОМ? ГОВОРИ, ЧТО ТАМ СО ЗВОНКОМ! НЕ СИДИ ПРОСТО ТАК!

– С каким звонком?

– Тебе что, насчет меня не звонили?

– Звонили? Что случилось? Ты что там делал? Что ты натворил?

– Ничего.

Я пошел и сдал свое барахло.

Парень не позвонил. Никакая не милость с его стороны. Он, вероятно, подумал, что, если позвонит, я вернусь.

По пути к ящику я прошел мимо Стона.

– Что ты там натворил, Чинаски?

– Ничего.

Мои действия так заморочили Стона, что он забыл мне сообщить, что я задержался на 30 минут, и не записал опоздание.

Как-то ранним утром я раскладывал почту рядом с Дэ-Гэ. Так его все и называли: Дэ-Гэ. На самом деле его звали Джордж Грин. Но уже очень много лет его звали просто Дэ-Гэ, и со временем он стал похож на Дэ-Гэ. Он работал почтальоном с двадцати лет, а сейчас ему было под семьдесят. Голоса у него уже не было. Он не разговаривал. Он кряхтел. Но даже когда он кряхтел, произносил он немного. Его и не любили, и не презирали. Он просто был. Все лицо его изрыли морщины: странные овраги и курганы непривлекательной плоти. Никакого света оно не излучало. Просто задубевший старикан, который делает свое дело: Дэ-Гэ. Глаза – как пустые комочки глины, оброненные в глазницы. Лучше всего о нем не думать и не смотреть на него.

Но Дэ-Гэ, со всем своим старшинством, работал на одном из самых легких маршрутов, на самом краешке богатого района. Вообще район можно было считать богатым. Дома хоть и старые, но большие, в основном – в два этажа. Широкие газоны стриглись и освежались садовниками-японцами. Там жили какие-то кинозвезды. Знаменитый карикатурист. Автор бестселлеров. Два бывших губернатора. Никто никогда с тобой не заговаривал. Ты никогда никого не видел. Единственное – в самом начале маршрута, где стояли дома подешевле, тебя доставали дети. В смысле, сам Дэ-Гэ был холостяком. И у него имелся такой свисток. В начале маршрута он становился, высокий и прямой, вытаскивал большой свисток и дул в него, а слюна летела во все стороны. Сообщал детям, что он пришел. Для детей он носил конфеты. И дети выбегали, и он раздавал им конфеты, идя по улице. Старый добрый Дэ-Гэ.

Я узнал про конфеты в первый раз, когда получил его маршрут. Стону не хотелось мне его давать – слишком легкий, – но иногда ничего другого не оставалось. И вот я шел, а этот малец выскочил и спрашивает:

– Эй, а где моя конфетка? И я ответил:

– Какая конфетка, малец? И малец сказал:

– Моя конфетка! Я хочу свою конфетку!

– Слушай, малец, – сказал я, – ты, небось, сумасшедший. Тебя что, мама просто так на улицу отпускает?

Малец посмотрел на меня очень странно.

Но однажды Дэ-Гэ попал в беду. Старый добрый Дэ-Гэ. Он встретил в

своем квартале новую маленькую девочку. И дал ей конфетку. И сказал:

– Ох какая же ты хорошенъкая девочка! Вот бы мне такую!

А ее мать сидела у окошка, все слышала и выскоцила с воплями, обвиняя Дэ-Гэ в приставании к малолетним. Она ничего про Дэ-Гэ не знала, поэтому когда увидела, как он дал девочке конфетку, и услышала, что он сказал, решила, что это чересчур.

Старый добрый Дэ-Гэ. Обвиненный в приставании к малолетним.

Когда я зашел, Стон по телефону пытался объяснить матери, что Дэ-Гэ – уважаемый человек. Дэ-Гэ просто сидел перед ящиком, ошеломленный.

Когда Стон закончил и повесил трубку, я сказал ему:

– Не следовало отсасывать у этой бабы. У нее грязные мозги. У половины матерей в Америке, с их драгоценными пиздищами и драгоценными дочурками, у половины матерей в Америке – грязные мозги. Велел бы ей засунуть себе в жопу. Дэ-Гэ и пипиську свою уже поднять не сможет, сам знаешь.

Стон покачал головой:

– Нет, общественность – это динамит! Просто динамит!

Больше он ничего сказать не мог. Я уже видел Стона таким раньше – когда он прогибался, и упрашивал, и объяснял каждому психу, который звонил по любому поводу...

Я раскладывал почту рядом с Дэ-Гэ на маршруте 501, не очень плохом. Мешок я поднимал с трудом, но это было возможно и давало хоть какую-то надежду.

Хоть Дэ-Гэ и знал, что у него в ящике все пока вверх тормашками, руки его шевелились все медленней. Он просто-напросто разложил слишком много писем в своей жизни – и даже его омертвевшее к ощущениям тело наконец взбунтовалось. Несколько раз за утро я замечал, как он сбивается. Он останавливался и покачивался, впадал в транс, встряхивался и впихивал в мешок еще несколько писем. Мне этот человек был не особо симпатичен. Он прожил отнюдь не храбрую жизнь и оказался более или менее порядочным куском деръма. Но всякий раз, когда он сбивался, что-то во мне шевелилось. Будто верный конь, который больше не может идти. Или старая машина, что как-то утром просто-напросто сдалась.

Почта была тяжелой, и, пока я наблюдал за Дэ-Гэ, меня охватил смертный озноб. Впервые за 40 с лишним лет он может пропустить утреннюю развозку! Если человек так гордится своей работой и профессией, это же целая трагедия. Я пропустил множество утренних

развозок, и мне приходилось возить мешки к ящикам в собственной машине, но мое отношение было несколько иным.

Он снова сбылся.

Боже всемогущий, подумал я, неужели больше никто не замечает?

Я оглянулся: всем трын-трава. Все они время от времени признавались в любви к нему: «Дэ-Гэ – хороший мужик». Но теперь «хороший мужик» тонул, и никому никакого дела. Наконец передо мной осталось меньше почты, чем перед Дэ-Гэ.

Может, помочь ему разобраться хотя бы с журналами, подумал я. Но подошел сортировщик и накидал мне еще больше, и я снова почти сравнялся с Дэ-Гэ. Обоим придется круто. Я на миг запнулся, потом стиснул зубы, расставил ноги пошире, пригнулся, будто мне по мозгам только что дали, и шуранул внутрь массу писем.

За две минуты до готовности к отправке и Дэ-Гэ, и я разобрали все письма, разложили и упаковали журналы, проверили авиапочту. У нас обоих получится. Я волновался напрасно. Тут подошел Стон. Он нес две связки рекламы. Одну дал Дэ-Гэ, вторую – мне.

– Их надо включить, – сказал он и отошел.

Стон знал, что мы не сможем включить эту рекламу, вытащить мешки и встретить грузовик вовремя. Я устало обрезал шнурки на пачке и начал раскладывать. Дэ-Гэ просто сидел и смотрел на связку.

Потом опустил голову, положил ее на руки и тихо заплакал.

Я не верил своим глазам.

Я оглянулся.

Остальные почтальоны даже не смотрели на Дэ-Гэ. Они снимали свои письма, сортировали их, смеялись и болтали.

– Эй, – окликнул я их пару раз, – эй! Но они даже не взглянули на Дэ-Гэ.

Я подошел к нему. Тронул его за руку.

– Дэ-Гэ, – сказал я, – может, тебе помочь?

Он отскочил от своего ящика и побежал по лестнице наверх, в мужскую раздевалку. Я смотрел, как он убегает. Никто вроде бы не заметил. Я засунул еще несколько писем, затем побежал вверх по лестнице сам.

Он сидел за одним из столов, уронив голову на руки. Только теперь он не плакал тихонько. Он всхлипывал и подывал. Все его тело сотрясалось в конвульсиях. И успокоиться он не мог.

Я сбежал вниз, мимо остальных почтальонов, к столу Стона.

– Эй, эй, Стон! Господи боже, Стон!

– Что такое? – спросил он.

– Дэ-Гэ поехал! А всем плевать! Он наверху плачет! Ему помочь надо!

– Кто на его маршруте?

– Какая, к черту, разница? Говорю тебе, он заболел! Ему помочь нужна!

– Надо поставить кого-то на его маршрут!

Стон поднялся из-за стола, обошел комнату, глядя на своих почтальонов, будто где-то мог завалиться один лишний. Затем шмыгнул за свой стол.

– Слушай, Стон, кто-то должен отвезти его домой. Скажи мне, где он живет, и я сам его отвезу – во внебиржевое время. Потом разнесу твой чертов маршрут.

Стон поднял голову:

– Кто у тебя на ящике?

– Ох, да к чертям этот ящик!

– ИДИ К СВОЕМУ ЯЩИКУ!

Потом заговорил с другим начальником участка по телефону:

– Алло, Эдди? Слушай, мне тут человек нужен...

Не будет сегодня детям конфет. Я пошел на место. Все почтальоны разошлись. Я начал рассовывать рекламу. На ящике Дэ-Гэ лежала связка нерассортированной. Я снова отставал от графика. И без грузовика остался. Когда в тот день я вернулся поздно, Стон записал мне опоздание.

Я никогда больше не видел Дэ-Гэ. Никто не знал, что с ним случилось. И никто больше его не упоминал. «Хорошего мужика». Преданного своему делу. Ножом по горлу за пачку рекламок местного рынка с его гвоздем сезона – бесплатной коробкой фирменного стирального мыла и купоном на любую покупку свыше 3 долларов.

Через три года меня сделали «штатным». Это означало оплаченный отпуск (подменным за отпуск не платили) и 40-часовую неделю с двумя выходными. Стон также вынужден был поставить меня сменщиком на пять разных маршрутов. Вот и все, что мне придется носить, – пять разных маршрутов. Со временем я их неплохо выучу, плюс выучу ловушки на каждом и как срезать углы. С каждым днем будет все легче и легче. Можно начать вырабатывать в себе этот уютный внешний вид.

Почему-то чересчур счастлив я не был. Я не тот человек, кто намеренно ищет себе геморроя, работа по-прежнему тяжела, но старого блеска моих подменных дней ей как-то не хватало – не-знать-что-к-чертовой-матери произойдет дальше.

Несколько штатных подошли и пожали мне руку.

– Поздравляем, – сказали они.

– Ага, – ответил я.

Поздравляем с чем? Я ничего не сделал. Теперь я стал членом клуба. Одним из парней. Я мог остаться в нем на много лет, в конечном итоге заработать собственный маршрут. Принимать подарки на Рождество от своих получателей. А если бы забюллетенил, они бы выговаривали какому-нибудь несчастному ублюдку-подменному: «А где сегодня наш обычный? Вы опоздали. Наш обычный никогда не опаздывает».

В общем, приехали. А потом вышел циркуляр, запрещавший держать форменные кепки или оборудование на доставочных ящиках. Большинство народу их туда складывало. Это ничему не мешало, и не нужно было всякий раз бегать в раздевалку. Теперь, после того как три года я клал сюда свою кепку, мне запретили это делать.

Ну а я по-прежнему являлся на работу с бодуна и совершенно не задумывался о таких вещах, как кепки. И моя лежала там и на следующий день после выхода приказа.

Подбежал Стон со своей докладной. Он сказал, что держать любое оборудование на доставочном ящике – против правил и инструкций. Я положил докладную в карман и продолжал рассовывать письма. Стон повертелся в своем кресле, наблюдая за мной. Остальные почтальоны убрали кепки в шкафчики. Кроме меня и еще одного – некоего Марти. А Стон подходит к Марти и говорит:

– Так, Марти, ты читал приказ. Твоей кепки на ящике быть не должно.

– Ой, простите, сэр. Привычка, знаете ли. Извините. – Марти убрал кепку с ящика и побежал с нею наверх, в раздевалку.

На следующее утро я снова забыл. Стон снова подошел с докладной.

В ней говорилось, что хранить любое оборудование на доставочном ящике противоречит правилам и инструкциям.

Я положил докладную в карман и продолжал распихивать письма.

На следующее утро я, как только вошел, сразу увидел, что Стон за мной наблюдает. Он очень тщательно относился к наблюдениям за мной. Он ждал, что я стану делать с кепкой. Я дал ему немного подождать. Потом снял кепку с головы и положил на ящик.

Стон побежал с докладной.

Я не стал ее читать. Я отшвырнул ее в мусорную корзину, оставил кепку на месте и продолжал сортировать письма.

Я слышал, как Стон колотит по машинке. В трескe клавиш слышался гнев.

Интересно, как он научился печатать, подумал я.

Он опять подошел. Протянул мне вторую докладную.

Я посмотрел на него:

– Мне не нужно ее читать. Я знаю, что там написано. Там написано, что я не прочел первую докладную.

Я кинул вторую докладную в корзину. Стон побежал назад к машинке. Вручил мне третью докладную.

– Слушай, – сказал я, – я знаю, о чем говорится в них всех. Первая была про то, что я держал кепку на ящике. Вторая – про то, что я не прочел первую. Третья – что не прочел либо первую, либо вторую.

Я посмотрел на него и уронил докладную в мусор, не прочитав.

– Ну вот – я могу их выбрасывать так же быстро, как ты их печатаешь. Это может длиться часами, и вскоре один из нас будет выглядеть идиотом. Тебе решать.

Стон вернулся к своему креслу и сел. Больше он не печатал. Просто смотрел на меня.

Назавтра я не пришел. Проспал до полудня. Звонить не стал. Потом пошел в Федеральное здание. Рассказал им о своей цели. Меня поставили перед столом худенькой старушонки. Волосы у нее были седыми, а шейка – очень тоненькой и посередине изгибалась под неожиданным углом. Шея толкала ее голову вперед, и она смотрела на меня поверх очков.

– Да?

– Я хочу уволиться.

– Уволиться?

– Да, уволиться.

– И вы – штатный доставщик?

– Да, – ответил я.

– Ц, ц, ц, ц, ц, ц, – зацокала она сухоньким язычком.

Она дала мне положенные бумаги, и я сел их заполнять.

– Сколько вы проработали на почте?

– Три с половиной года.

– Ц, ц, ц, ц, ц, ц, – зацокала она, – ц, ц, ц, ц.

Вот так вот. Я поехал домой к Бетти, и мы раскупорили бутылочку.

Я ведать не ведал, что через пару лет вернусь сортировщиком и просортирую, весь сгорбившись на табурете, почти 12 лет.

Часть 2

1

Тем временем дела шли. У меня случилась длинная цепочка удач на скачках. Мне там стало увереннее. Каждый день я нацеливался на определенную прибыль, где-то от пятнадцати до сорока баксов. Слишком многое не просил. Если не выигрывал вначале, ставил еще чуть-чуть – если бы лошадь пришла, еще остался бы запас прибыли. Возвращался домой, день за днем в выигрыше, показывая Бетти большой палец еще с улицы.

Затем Бетти нашла работу машинистки, а когда баба находит работу, сразу же замечаешь разницу. Мы киряли ночи напролет, и она уходила по утрам раньше меня, вся с перепоя. Теперь она поняла, что это значит. Я вставал около 10.30, выпивал лениво кофе и съедал пару яиц, играл с собакой, заигрывал с молоденькой женой механика, жившего на задворках, подружился со стриптизершей, жившей в доме впереди. К часу дня я был на бегах, возвращался с выигрышем и выходил с собакой к автобусной остановке встречать Бетти с работы. Хорошая житуха.

Потом однажды вечером Бетти, любовь моя, все и выложила после первого стакана:

- Хэнк, это невыносимо!
- Что невыносимо, детка?
- Ситуация.
- Какая ситуация, детка?
- Я пашу, а ты валяешься. Все соседи думают, что я тебя содержжу.
- Черт, а когда я работал, а ты валялась?
- Это по-другому. Ты – мужик, а я – женщина.
- О, а я и не знал. Я думал, что вы, суки, всегда орете за равные права.
- Я знаю, что происходит с этой пампушкой на задворках, разгуливает перед тобой, сиськи нараспашку...
- У нее сиськи нараспашку?
- Да, СИСЬКИ! Ее здоровенное белое вымя!
- Хммм... Действительно большие.
- Вот видишь! Заметил-таки!
- Ну и какого черта?
- У меня тут подруги есть. Они видят, что происходит!
- Это не подруги. Это сплетницы поганые.
- А та б лядина спереди, что танцоркой выступает?

– Она что – блядина?
– Да она же на что угодно вскочит, лишь бы хуй торчал.
– Ты совсем сбрендила.
– Я просто не хочу, чтобы все эти люди считали, будто я тебя содержу.
Все соседи...

– К черту соседей! Какая нам разница, что они думают? Нам же раньше было плевать. А кроме того, я плачу за квартиру. Я покупаю еду! Я выигрываю на скачках. Твои деньги – это твои деньги. Раньше тебе так никогда не фартило.

– Нет, Хэнк, все кончено. Я так больше не могу! Я встал и подошел к ней.

– Ладно, ну хватит, детка, ты сегодня просто немного расстроена.
Я попытался ее облапать. Она меня оттолкнула.

– Ладно, черт возьми! – сказал я. Вернулся к своему креслу, допил, налил еще.

– Все кончено, – сказала она, – больше ни единой ночи с тобой не сплю.

– Хорошо. Оставь себе свою пизду. Не такая уж она и замечательная.

– Дом себе возьмешь или съедешь? – спросила она.

– Бери себе.

– А собаку?

– И собаку бери, – ответил я.

– Она будет по тебе скучать.

– Я рад, что хоть кто-то будет по мне скучать.

Я встал, вышел к машине и снял первую же квартиру, где висела табличка. Переехал я в тот же вечер.

Я только что потерял трех баб и собаку.

Не успел я опомниться, как у меня на коленях сидела молоденькая девчонка из Техаса. Не буду вдаваться в подробности, как мы с ней познакомились. Короче, она возникла. Ей 23, мне – 36.

У нее были длинные светлые волосы и хорошее плотное мясо. Я еще не знал в то время, что денег у нее тоже много. Она не пила – пил я. Поначалу мы много смеялись. И вместе ездили на скачки. Она была красоткой, и всякий раз, когда я возвращался на место, какой-нибудь обсос придвигался к ней поближе. Их там водились десятки. Они всё подползали и подползали. А Джойс просто сидела. Разбираться с ними приходилось двумя способами. Либо брать Джойс и отваливать, либо говорить парню:

– Слыши, приятель, эта уже занята. Хиляй отсюда.

Но сражаться с волками и лошадьми одновременно – это слишком. Я проигрывал. Профессионал ходит на бега один. Я это знал. Но думал, что, может, я – исключение. И пришел к выводу, что все я никакое не исключение. Деньги терять получалось так же быстро, как и у любого другого.

Затем Джойс потребовала, чтобы мы поженились.

Какого черта? – подумал я, все равно я спекся.

Я отвез ее в Вегас жениться подешевле, затем сразу же привез обратно.

Продал машину за десять долларов и не успел очухаться, как мы оказались в техасском автобусе, а когда приземлились, в кармане у меня оставалось семьдесят пять центов. То был очень маленький городок, все население где-то под 2000. Экспертами этот городок был признан, как писали в одном большом журнале, последним городом в США, на который враги захотят сбросить атомную бомбу. Ясно почему.

А все это время, сам того не ведая, я пробирался назад к почтамту. Мать его.

У Джойс в городе был домик, где мы валялись, еблись и жрали. Кормила она меня до отвала, я от нее растолстел и ослаб одновременно. Ей все было мало. Джойс, жена моя, была нимфой.

Я ходил гулять по городку в одиночестве, чтобы от нее сбежать, со следами зубов по всей груди, шее и плечам – и кое-где еще, что беспокоило меня больше и было довольно болезненно. Она пожирала меня живьем.

Я хромал по городу, а они на меня таращились, зная и про Джойс, и про ее сексуальные позывы, а также про то, что у ее деда и отца денег,

земли, озер, охотничьих угодий больше, чем у них всех вместе взятых. Они жалели и ненавидели меня одновременно.

Однажды утром прислали карлика – он поднял меня с постели и начал возить по округе, показывая то и это, мистер Такой-то-и-такой-то, отец Джойс, владеет вон тем, а мистер Такой-то-и-такой-то, дедушка Джойс, – вот этим...

Мы ездили все утро. Кто-то пытался меня напугать. Мне было скучно. Я сидел на заднем сиденье, а карлик думал, что я – пройдоха и вкрадся в доверие к их миллионам. Он не знал, что я – несчастный случай, бывший почтальон с семьюдесятью пятью центами в кармане.

Карлик, бедолага, болел чем-то нервным и ехал очень быстро, время от времени весь трясясь и терял управление машиной. Ее шкивало с одной обочины на другую, и один раз мы прошкрябали 100 ярдов по забору, прежде чем он снова взял себя в руки.

– ЭЙ! ПОЛЕГЧЕ, КОЗЕЛ! – заорал я с заднего сиденья.

Все, хана. Они пытались меня прикончить. Это очевидно. Карлик был женат на очень красивой девчонке. Когда она была подростком, у нее в пизде застряла бутылка из-под кока-колы, и пришлось идти к врачу, чтобы ее извлечь. Как и во всех маленьких городишках, про бутылку пошли слухи, от бедной девчонки все стали шарахаться, и карлик оказался единственным претендентом. Отхватил лучшую пушину в городе.

Я зажег сигару, которую дала мне Джойс, и сказал карлику:

– Все, хватит, козел. Теперь доставь меня обратно. И поезжай медленно. Я не хочу портить игру.

Я играл пройдоху, чтоб доставить ему удовольствие.

– Есть, сэр, мистер Чинаски. Есть, сэр!

Он мною восхищался. Он думал, что я – редкий сукин сын.

Когда я вошел в дом, Джойс спросила:

– Ну, ты все посмотрел?

– Я увидел достаточно, – ответил я. Имея в виду, что меня хотели прикончить. Я не знал, участвует Джойс в этом или нет.

Тогда она принялась сдирать с меня одежду и подталкивать к кровати.

– Секундочку, детка! Мы уже два раза трахнулись, а еще двух часов нет!

Она только хихикнула и толкнула меня сильнее.

3

Ее отец меня терпеть не мог так, что туши свет. Думал, мне нужны его деньги. Не нужны мне его проклятые деньги. Мне даже его проклятая драгоценная доченька ни к чему.

Единственный раз я видел его, когда он вошел к нам в спальню как-то утром, часов около 10. Мы с Джойс лежали в постели, отдыхали. К счастью, только что закончили.

Я выглянул из-под простыни. И тут не смог сдержаться. Я ему улыбнулся и мощно подмигнул.

Он выскочил из дома, рыча и матерясь.

Если б меня можно было убрать, он определенно бы за этим проследил.

Дедуля был покруче. Мы ходили к нему в гости, я глушил с ним виски и слушал его ковбойские пластинки. Его старухе все было просто пофиг. Она и не любила меня, и не ненавидела. Она много ссорилась с Джойс, и я пару раз становился на старухину сторону. Это ее как бы покорило. Но дедуля был крут. Думаю, он в заговоре тоже участвовал.

Мы сидели как-то в кафе, закусывали, а все заискивали и на нас пялились. Там были дедуля, бабуля, Джойс и я.

Потом мы сели в машину и поехали.

– Ты когда-нибудь видел бизона, Хэнк? – спросил меня дедуля.

– Нет, Уолли, не видел.

Я называл его Уолли. Старые кореша по вискачу. Черта лысого.

– У нас они тут водятся.

– А я думал, они повымирали все.

– О нет, у нас их тут десятки.

– Что-то не верится.

– Покажи ему, Папа Уолли, – сказала Джойс.

Сучка глупая. Зовет его Папа Уолли, хотя какой он ей папа.

– Хорошо.

Мы поехали по дороге, пока не уперлись в пустое огороженное поле. Оно шло под уклон, и другого конца не разглядеть. Много миль в длину и ширину. Там не росло ничего, кроме короткой зеленой травки.

– Не вижу я никаких бизонов, – сказал я.

– Ветер что надо, – сказал Уолли. – Перелезай туда и пройди немногого. Чтоб их увидеть, всегда надо немногого пройти.

На поле ничего не было. Они думают, что хорошо пошутили, разыграв городского пижона. Я перелез через ограду и пошел.

– Ну и где же бизоны? – крикнул им я.

– Они там. Иди дальше.

Ох черт, старый трюк – сейчас возьмут и уедут. Деревенщина клятая. Дождутся, пока я дальше отойду, и отчалият с хохотом. Ну и пусть. И пешком доберусь. Хоть от Джойс отдохну немного.

Я очень быстро шагал по полю, ожидая, что они сейчас уедут. Но мотора я не слышал. Я прошел еще дальше, повернулся, сложил руки рупором и заорал им:

– НУ И ГДЕ ВАШИ БИЗОНЫ?

Ответ пришел из-за спины. Я услышал гром их копыт по земле. Трои, здоровенные, как в кино, – и они бежали, они надвигались на меня ОЧЕНЬ БЫСТРО! Один немного опережал остальных. Чего тут думать, к кому они направляются.

– Ой блядь! – сказал я.

Я повернулся и дал деру. Ограда виднелась очень далеко. Она казалась невозможной. Времени оглядываться не было. Может, тогда все вышло бы иначе. Я несся, широко распахнув глаза. Вот я двигался так уж двигался! Но они меня нагоняли! Я уже чувствовал, как вокруг сотрясается земля, сейчас они вобьют меня в почву. Слышал, как они фыркают, как они пыхтят. Из последних сил я поднатужился и прыгнул через ограду. Я ее не перелазил. Я над нею проплыл. И приземлился на спину в канаву, а одна из этих тварей высунула голову над оградой и смотрела сверху на меня.

В машине все ржали. Они решили, что смешнее на свете ничего не бывало. Джойс гоготала громче всех.

Глупые звери походили немного кругами, потом куда-то увалили.

Я вылез из канавы и сел в машину.

– Бизонов я увидел, – сказал я, – теперь пора выпить.

Они хохотали всю дорогу в город. Переставали, а потом кто-нибудь опять закатывался, и все ржали снова. Уолли даже пришлось машину один раз остановить. Он вести больше не мог. Открыл дверцу и с хохотом выкатился на землю. Даже бабуля икать начала, на пару с Джойс.

Позже история разнеслась по городу, и в моей походке убавилось самодовольства. Мне нужно было подстричься. Я сказал об этом Джойс.

Она ответила:

– Сходи в парикмахерскую. А я сказал:

– Не могу. Бизоны.

– Ты что, боишься людей в парикмахерской?

– Бизоны, – ответил я. Меня подстригla Джойс. Надо сказать, ужасно.

4

Потом Джойс захотелось вернуться в город. Несмотря на все недостатки, этот городишко, со стрижками или без, убирал городскую жизнь. Тут было тихо. Собственный дом. Кормила меня Джойс хорошо. Много мяса. Сочного, хорошего, отлично приготовленного мяса. За эту сучку одно могу сказать: готовить она умела. Она готовила лучше любой другой бабы, что я знал. Еда полезна для нервов и состояния духа. Мужество происходит из живота, а все остальное – от отчаянья.

Так нет же, приспичило ей ехать. Бабуля постоянно до нее докапывалась, и Джойс свирепела. Мне же довольно-таки нравилось изображать негодяя. Я дал отпор ее двоюродному братцу, городскому забияке. Такого тут раньше не было. В джинсовый день всем в городе полагалось носить джинсы – или народ кидали в озеро. Я надел свой единственный костюм с галстуком и неторопливо, словно Малыш Билли,^[2] прошелся по городку, заглядывая в окна, остановился купить сигар, а все не спускали с меня глаз. Я разломил этот городишко пополам, как деревянную спичку.

Позже я встретил на улице городского врача. Мне он нравился. Вечно торчал на какой-то наркоте. Я сам не торчок, но случись так, что захочется спрятаться от себя на несколько дней, я знал: у него я смогу получить все, что нужно.

– Нам надо уезжать, – сказал я ему.

– Лучше останьтесь, – ответил он, – жизнь тут неплохая. Охота, рыбалка. Воздух хороший. И никакого давления. Вы в этом городе – хозяева, – сказал он.

– Я знаю, док, но у нас команда у она.

5

Поэтому дедуля выписал Джойс большой чек, с тем мы и остались. Сняли домик на холме, и тут Джойс взбрела в голову эта дурацкая морализаторская мысль.

– Нам обоим нужно найти работу, – сказала она, – чтоб доказать им, что тебе их деньги нафиг не нужны. Чтоб доказать, что мы самостоятельны.

– Крошка, это детский сад какой-то. Любой дурак может выхарить себе какую-нибудь работу; наоборот, только мудрый человек может без нее обойтись. Тут у нас мы называем это «заработками». Я бы хотел зарабатывать хорошо.

Такое ей не нравилось.

Потом я объяснил, что человек не может найти себе работу, если у него нет машины ездить ее искать. Джойс села на телефон, и дедуля прислал ей денег на машину. Я опомниться не успел, как уже залазил в новенький «плимут». Джойс выставила меня на улицу в отличном новом костюме, ботинках за сорок долларов, и я подумал: какого черта, попробую время потянуть. Экспедитор – вот я кто. Когда не умеешь ничего делать, таким и становишься – экспедитором, приемщиком, кладовщиком. Я съездил по двум объявлениям, зашел в оба места, и оба меня взяли. Первое пахло работой, поэтому я выбрал второе.

И вот я со своим рулончиком клейкой ленты работаю в художественной лавке. Раз плюнуть. Работы на час-два в день. Я слушал радио, построил себе из фанеры кабинет, поставил туда старый письменный стол, телефон и сидел, читал программы скачек. Иногда мне становилось скучно, и я ходил по переулку в кофейню, сидел там, прихлебывал кофе, жевал пирожные и флиртовал с официантками.

Приходили водители.

– Где Чинаски?

– В кофейне.

Они шли туда, пили кофе, потом мы вместе возвращались, делали, что нужно – скидывали несколько коробок с грузовика или закидывали в кузов. Еще чего-то с накладными.

Меня не хотели увольнять. Даже продавцам я нравился. Они грабили босса с черного хода, но я ничего не говорил. То была их маленькая игра. Меня она не интересовала. Мелкий воришко из меня никакой. Мне нужен весь мир или ничего.

6

В домике на холме жила смерть. Я понял это, как только вышел через сетчатую дверь на задний двор. На меня обрушился зудящий, звенящий, воющий грохот: 10 000 мух поднялись в воздух одновременно. Такие мухи живут на всех задних дворах – там растет высокая зеленая трава, и они в ней гнезда вьют, они ее обожают.

Господи ты боже мой, подумал я, и ни единого паука в радиусе пяти миль!

Пока я там стоял, эти 10 000 мух начали спускаться с небес, усаживаться на траву, на забор, на землю, мне на волосы, на руки, везде. Одна из тех, что посмелее, меня укусила.

Я выматерился, выскочил из дома и купил самый большой баллон от мух, какой только бывает. Я сражался с ними часами, в неистовстве были и мухи, и я, – и через несколько часов, кашляя и тошня от того, что надышался этой гадостью, огляделся: мух было столько же, сколько и раньше. Наверное, на каждую, что я убил, они залегали в траву и рожали двух. Я сдался.

В спальне у нас вокруг кровати, перегораживая комнату, стояла такая низенькая стеночка. На ней располагались горшки, а в горшках располагалась герань. Когда мы с Джойс впервые легли в постель и заработали, я заметил: доски начали прогибаться и дрожать.

Затем – плюх.

– О-о! – сказал я.

– Ну что еще? – спросила Джойс. – Не останавливайся! Не останавливайся!

– Детка, мне на задницу горшок герани свалился.

– Не останавливайся! Продолжай!

– Ладно, ладно!

Я снова расшуровался, все шло сносно, и тут...

– Ох блядь!

– Что такое? Что такое?

– Еще один горшок с геранью, детка, трахнул меня по копчику, скатился в жопу и упал.

– К черту герань! Дальше! Дальше!

– А, ну ладно...

Через все наше упражнение горшки все падали и падали. Как ебаться

под бомбеккой. Наконец мне удалось.

Позже я сказал:

– Слушай, детка, надо что-то сделать с этой геранью.

– Нет, пускай стоит!

– Но почему, детка, почему?

– Остроты придает.

– Остроты придает?

– Да.

Она только хихикнула. Но горшки оставались на месте. Большую часть времени.

Затем я стал возвращаться домой несчастным.

– В чем дело, Хэнк? Приходилось каждый вечер напиваться.

– В управляющем – Фредди. Он начал свистеть эту песенку. Он ее насвистывает, когда я прихожу по утрам, и не останавливается. Когда я ухожу вечером домой, он ее по-прежнему свистит. И так уже две недели!

– А как песня называется?

– «Вокруг света в восемьдесят дней». [3] Мне она никогда не нравилась.

– Так найди себе другую работу.

– Найду.

– Только с этой не увольняйся, пока новую не найдешь. Надо им доказать, что...

– Ладно. Ладно!

Как-то днем я встретил на улице одного забулдыгу. Я его знал и раньше – в те дни, когда мы с Бетти гуляли по барам. Он мне рассказал, что работает сортировщиком на почте и что это не работа, а пшик.

Самое большое и жирное вранье столетия. Я ищу этого парня уже много лет, но боюсь, до него кто-нибудь другой уже добрался.

И вот я снова держал экзамен на гражданскую службу. Только в этот раз пометил свои бумаги «сортировщик», а не «доставщик».

К тому времени, как я получил уведомление, что должен явиться на присягу, Фредди перестал насвистывать «Вокруг света в восемьдесят дней», но мне уже не терпелось заполучить шаровую работенку у «Дяди Сэма».

Фредди я сказал:

– Мне тут отлучиться по одному делу нужно, можно я полтора часа на обед возьму?

– О'кей, Хэнк.

Кабы знать, каким длинным окажется этот обед.

9

Нас собралась целая банда. Человек 150 или 200. Надо было заполнить скучные бумаги. Затем все повернулись к флагу. Присягу принимал тот же парень, что и раньше.

Приняв у нас присягу, он сказал:

– Так, ладно, вы получили хорошую работу. Рыльца не пачкайте, и уверенность в завтрашнем дне до конца жизни вам обеспечена.

Уверенность? Такая уверенность только при пожизненном и бывает: три квадрата, за квартиру платить не нужно, ни удобств, ни подоходного налога, ни алиментов. Ни подати за номер на машину. Ни штрафов на дороге. Ни вождения в нетрезвом виде. Ни проигрышей на скачках. Бесплатное медицинское обслуживание. Товарищи со сходными интересами. Церковь. Жопа. Бесплатные похороны.

Почти 12 лет спустя из тех 150 или 200 нас осталось лишь двое. Как некоторые не могут водить такси, или шлюхами торговать, или толкать наркоту, большинство парней – да и девчонок тоже – не могут быть почтовыми сортировщиками. И я их не виню. Шли годы, и я видел, как они маршируют своими отрядами по 150–200 человек, и из каждой группы оставалось двое, трое, четверо – в аккурат столько, чтобы заменить тех, кто уходит на пенсию.

10

Сопровождающий провел нас по всему зданию. Нас было так много, что всех пришлось поделить на группы. Мы ездили на лифте по очереди. Нам показали столовую для служащих, подвалы, всю эту скотину.

Боже праведный, подумал я, побыстрей бы он, что ли. Я с обеда уже на два часа задерживаюсь.

Затем сопровождающий вручил нам карточки табельного учета. Показал часы.

– Вот так вы отмечаетесь.

Он показал нам как. Потом сказал:

– Теперь отмечайтесь.

Двенадцать с половиной часов спустя мы отметились на выходе. Ни хера себе присяга получилась.

Через девять или десять часов людей морил сон, и они падали в свои ящики, умудряясь в последний момент схватиться за что-то и не рухнуть туда совсем. Мы раскладывали зонированную почту. Если на письме стояло «зона 28», сунешь его в дырку под номером 28. Просто.

Один здоровенный черный парень вскочил с места и замахал руками, чтобы проснуться. Его мотало по всему залу.

– Вот черт! Не могу я так! – говорил он.

При том, что был он здоровым и мощным кабаном. Работать одними и теми же мышцами очень утомляет. У меня все болело. В конце прохода стоял надзиратель, еще один Стон, и на роже у него было написано такое – должно быть, они специально перед зеркалом репетируют, у всех надзирателей такое выражение на мордах: смотрят так, словно ты – кусок человечьего говна. Однако входили они сюда через те же самые двери. Когда-то были сортировщиками или доставщиками. Уму непостижимо. Вертухай ручной выборки.

Одну ногу всегда следовало держать на полу. Вторую – на подставке для отдыха. То, что они называли «подставкой для отдыха», было маленькой круглой подушечкой на каблучке. Разговаривать запрещено. Два 10-минутных перерыва за восемь часов. Время, когда уходил и когда возвращался, записывалось. Если сидел в сортире 12 или 13 минут, тебе за это втыкали.

Но платили лучше, чем в художественной лавке. И я подумал: тут можно будет привыкнуть.

Не привык я тут никогда.

Затем надзиратель перевел нас на новый проход. Мы уже 10 часов проработали.

– Прежде чем начнете, – сказал бугор, – я хочу вам кое-что сказать. Каждый поднос отправлений этого типа должен быть рассортирован за двадцать три минуты. Таков производственный график. А теперь, ради, давайте посмотрим, сможете ли вы уложиться в производственный график! Итак, раз, два, три... ВПЕРЕД!

Что это, к дьяволу, такое? – подумал я. Я устал.

Каждый поднос был фута два в длину. Но на каждом – разное количество писем. На некоторых почты в два-три раза больше, чем на других, в зависимости от размера писем.

Руки замелькали. Проиграть страшно.

Я не торопился.

– Когда закончите первый поднос, хватайте следующий!

Они в самом деле работали. Потом подскакивали и хватались за следующий.

Надзиратель подошел ко мне сзади.

– Вот, – сказал он, показывая на меня, – этот человек в самом деле выполняет план. Он уже наполовину закончил свой второй поднос!

Поднос у меня был первым. Не знаю, подкалывал он меня или нет, но я, поскольку так сильно оторвался, еще немного притормозил.

13

В 3.30 утра мои 12 часов истекли. В то время подменным не платили за время полностью и половину за сверхурочные. Ты получал как за одно время. А брали тебя как «временного подменного сортировщика с неограниченным рабочим днем».

Я поставил будильник с тем, чтобы к 8 утра быть в художественной лавке.

– Что случилось, Хэнк? Мы уж подумали, ты в аварию попал. Мы ждали, что ты вернешься.

– Я увольняюсь.

– Увольняешься?

– Да, нельзя же обвинять человека в том, что он ищет для себя лучшей жизни.

Я зашел в контору и получил расчет. Я опять вернулся на почту.

А тем временем рядом по-прежнему была Джойс со своей геранью и парой миллионов, если я протяну еще хоть немного. Джойс, мухи и герань. Я работал в ночную смену, 12 часов, а она мацала меня днем, пытаясь заставить исполнять супружеский долг. Сплю я, как вдруг просыпаюсь от того, что меня ее рука поглаживает. Тогда приходилось это делать. Бедняжка совсем спятила.

Затем однажды утром я прихожу, а она говорит:

– Хэнк, только не злись.

Я слишком устал, чтобы злиться.

– Чё такое, детка?

– Я завела нам собачку. Щеночка.

– Ладно. Это мило. С собаками все в порядке. Где он?

– На кухне. Я назвала его Пикассо.

Я зашел туда и взглянул на пса. Он ничего не видел. Шерсть лезла ему в глаза. Я посмотрел, как он ходит. Затем взял на руки и заглянул в глаза. Бедный Пикассо!

– Детка, ты знаешь, что ты натворила?

– Он тебе не нравится?

– Я не сказал, что он мне не нравится. Но он недоразвитый. У него коэффициент интеллекта около двенадцати. Ты взяла и притащила нам идиота, а не собаку.

– Откуда ты знаешь?

– Это видно, ты только посмотри на него.

И тут Пикассо начал писать. Пикассо был полон ссак. Они бежали длинными, толстыми и желтыми ручейками по кухонному полу. Потом он закончил и подбежал посмотреть.

Я взял его на руки.

– Вытри.

Так Пикассо стал еще одной проблемой. Я просыпался после 12-часовой смены от того, что Джойс надрачивала меня под геранью, и спрашивал:

– Где Пикассо?

– Пошел к черту этот Пикассо! – отвечала она.

Я вылезал из постели голый, с огромной елдой, торчавшей спереди.

– Слушай, ты его опять во дворе оставила! Я же говорил тебе не оставлять его днем во дворе!

Затем я выходил во двор, голый, одеваться ломы, я и так устал. Двор был неплохо прикрыт со всех сторон. А во дворе сидел бедный Пикассо, одолеваемый 500 мухами: мухи ползали по нему кругами. Я выбегал с этой штукой (уже начинавшей к тому времени обмякать) и материли мух. Они лезли к нему в глаза, в шерсть, в уши, в причинные места, в пасть... везде. А он просто сидел и улыбался мне. Смеялся надо мной, а мухи ели его поедом. Может, он знал больше всех нас. Я брал его на руки и вносил в дом.

...Щенок на заборе заржал;
Корова подпрыгнула
Выше луны,
А чайник с тарелкой сбежал.^[4]

– Черт возьми, Джойс! Я ведь говорил тебе, говорил тебе, говорил тебе!

– Так это ведь ты его от дома отлучил. Ему теперь нужно выходить туда покакать!

– Да, но когда он закончит, вноси его обратно. У него мозгов не хватает самому в дом возвращаться. И смывай деръмо, когда он закончит. Ты там рай мушиный развела.

Стоило мне после такого заснуть, как Джойс снова начинала меня гладить. До пары миллионов было еще очень и очень далеко.

Я полудремал в кресле, дожинаясь еды.

Потом встал налить себе воды и, заходя в кухню, увидел, как Пикассо подошел к Джойс и лизнул ее в лодыжку. Я шел босиком, и Джойс меня не слышала. На ней были высокие каблуки. Она взглянула на Пикассо, и на лице ее вспыхнула чистая mestечковая ненависть, раскаленная добела. Она изо всех сил пнула его в бок острым носком туфли. Бедняга лишь забегал маленьными кругами, повизгивая. Моча закапала из его пузыря. А я просто зашел попить. Стакан я держал в руке и, не успев налить воды, швырнул им в буфет слева от раковины. Осколки разлетелись повсюду. У Джойс было время прикрыть лицо руками. Плевать. Я взял собачку на руки и вышел. Сел в кресло и стал гладить маленького засранца. Он посмотрел на меня снизу, язык из пасти вывалился, и он лизнул меня в запястье. Хвост его вилял и бился, как рыбка, умирающая в мешке.

Я увидел, как Джойс опустилась на колени с бумажным пакетом, принялась собирать стекло. Затем начала всхлипывать. Она пыталась не показывать слез. Повернулась ко мне спиной, но я видел, как ходят ее плечи, как она вся тряется и разрывается.

Я положил Пикассо на пол и зашел в кухню.

– Детка. Детка, не надо!

Я обнял ее сзади. Она была вялой.

– Детка, ну прости меня... Прости.

Я прижал ее к себе, обхватив рукой живот. Я поглаживал его легко и нежно, пытаясь остановить конвульсии.

– Легче, детка, ну, легче. Тише...

Она немного успокоилась. Я отодвинул ей волосы и поцеловал за ухом. Там было тепло. Она отдернула голову. Когда я поцеловал ее туда в следующий раз, голову она отдергивать не стала. Я услышал, как она втянула в себя воздух, тихонько застонала. Я взял ее на руки и вынес в другую комнату, сел в кресло, усадил ее на колени. Она не хотела на меня смотреть. Я целовал ей горло и уши. Одна рука на плечах, другая – на бедре. Я стал водить рукой по бедру вверх и вниз, в ритме ее дыхания, стараясь снять плохое электричество.

Наконец со слабейшей из улыбок она на меня взглянула. Я дотянулся и куснул ее в подбородок.

– Сучка сумасшедшая! – сказал я.

Она рассмеялась, и мы поцеловались, головы наши задвигались взад и вперед. Она опять начала всхлипывать.

Я отодвинулся и сказал:

– НЕ НАДО!

Мы опять поцеловались. Потом я снова взял ее на руки и донес до спальни, положил на кровать, быстро скинул штаны, трусы и ботинки, стянул ей трусики до туфель, сорвал одну и так, с одной ногой в туфле, а с другой – без, устроил ей лучшую скачку за много месяцев. Ни одна герань не устояла. Закончив, я медленно понянчился с ней, играя ее длинными волосами, шепча разные разности. Она мурлыкала. В конце концов встала и ушла в ванную.

Оттуда она не вернулась. Она ушла в кухню и начала мыть тарелки и петь.

Господи, да самому Стиву Маккуину^[5] это лучше бы не удалось.

У меня на шее было два Пикассо.

После ужина, или обеда, или что еще я там ел – с моими безумными 12-часовыми сменами я уже не разбирал, что есть что, – я сказал:

– Послушай, детка, прости, конечно, но неужели ты не понимаешь, что эта работа сводит меня с ума? Слушай, давай все бросим. Давай просто валяться на кровати, заниматься любовью, ходить гулять и разговоры разговаривать. Давай сходим в зоопарк. На зверюшек посмотрим. Давай съездим посмотрим на океан. Сорок пять минут всего от нас ехать. Пошли посражаемся на игральных автоматах. Поехали на скачки, в Художественный музей, на бокс. Давай заведем друзей. Давай смеяться. Такая жизнь – как у всех: она убивает нас.

– Нет, Хэнк, мы должны им показать, мы должны им показать...

Это говорила маленькая девочка из техасского захолустья. Я сдался.

Каждый вечер, перед тем как мне уходить на смену, Джойс раскладывала для меня на постели одежду. Все было самым дорогим, что лишь можно купить за деньги. Я никогда не надевал одни и те же брюки, одну и ту же рубашку, одни и те же ботинки два раза подряд. У меня были десятки разных нарядов. Я надевал все, что бы она для меня ни выложила. Совсем как мама, бывало.

Не очень я далеко ушел, думал я и надевал на себя это барахло.

У них была такая штука, которая называлась Тренировочным Классом, поэтому как ни верти, а каждую ночь нам можно было не распихивать почту минут по 30.

Здоровый итальяно вознесся на трибуну растолковать нам все, как есть.

— ...так, нет ничего лучше аромата хорошего чистого пота, но нет ничего хуже вони застоявшегося пота...

Боже святый, думал я, мне померещилось? И такая дрянь наверняка санкционирована правительством. Этот олух велит мне мыть под мышками. Инженеру или концертмейстеру они бы такое сказать не посмели. Он нас унижает.

— ...поэтому ванну принимайте каждый день. Вас будут оценивать и по внешнему виду, не только по производительности труда.

Мне кажется, он хотел где-то употребить слово «гигиена», но такого слова в нем просто не было.

Затем он отошел в глубину лекционного помоста и развернул большую карту. Большую без шуток. Она половину сцены закрывала. На карту направили фонарь. А здоровый итальяно взял указку с маленьким резиновым соском на кончике, вроде той, что используют в первом классе, и ткнул ею в карту.

— Вот, видите все это ЗЕЛЕНОЕ? Так вот, его тут до черта. Смотрите!

Он поднял указку и повозил ею по зеленому.

В то время антирусские настроения были намного сильнее, чем сейчас. Китай еще не начал поигрывать мускулами. Вьетнам пока оставался балёхой с фейерверком. Но я все равно думал, уж не спятил ли я? Наверняка у меня что-то со слухом! Однако никто в классе не возмущался. Им нужна работа. И мне, по мнению Джойса, тоже нужна работа.

Потом он сказал:

— Смотрите сюда. Вот это — Аляска! А вот тут — они! Похоже, они тут даже перепрыгнуть к нам могут, правда?

— Ага, — ответил с первого ряда какой-то тип с промытыми мозгами.

Итальяно свернулся карту. Она хрустко скрутилась сама в себя, потрескивая от праведного гнева войны.

Затем он перешел на край сцены и ткнул своей резиновой титькой в нас.

– Я хочу, чтобы вы поняли: мы обязаны сдерживать рост бюджета! Я хочу, чтобы вы поняли: КАЖДОЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ ВЫ СОРТИРУЕТЕ – КАЖДУЮ СЕКУНДУ, КАЖДУЮ МИНУТУ, КАЖДЫЙ ЧАС, КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ, – КАЖДОЕ ЛИШНЕЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ ВЫ СОРТИРУЕТЕ ВО ВНЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ, ПОМОГАЕТ НАМ РАЗГРОМИТЬ РУССКИХ! Так, на сегодня все. Перед тем как уйти, каждый из вас получит свое плановое задание.

Плановое задание. Это еще что?

Кто-то прошел по классу, раздавая листы бумаги.

– Чинаски? – спросил он.

– Ну?

– У вас зона девять.

– Спасибо, – ответил я.

Это я ляпнул не подумав. Зона 9 была самым здоровым участком в городе. Некоторые парни получили крошечные зоны. То же самое, что и с двухфутовым подносом за 23 минуты, – в тебя их просто засаживали.

На следующую ночь, когда нашу группу переводили из главного корпуса в учебный, я остановился поговорить с Гасом, старым разносчиком газет. Гас некогда был третьим претендентом на звание чемпиона во втором полусреднем весе, но чемпионства так и не увидел. Он замахивался слева, а, как вы хорошо знаете, никому не в кайф драться с левшой – мальчика нужно с самого начала переучивать. Кому охота? Гас завел меня внутрь, и мы слегка приложились к его бутылочке. Потом я пошел догонять остальную группу.

Итальяно ждал нас в дверях. Увидел, как я подхожу, и вышел мне навстречу во двор.

– Чинаски?

– Ну.

– Вы опоздали.

Я ничего не ответил. Мы пошли к зданию вместе.

– Я уже почти надумал шлепнуть вас по рукам первым предупреждением, – сказал он.

– О, пожалуйста, не делайте этого, сэр! Не надо, пожалуйста! – ответил я на ходу.

– Хорошо, – сказал он, – на первый раз прощаю.

– Благодарю вас, сэр, – сказал я, и мы вошли внутрь вместе.

Хотите, кое-что скажу? У этого мерзавца воняло из подмышек.

Наши 30 минут теперь были посвящены плановой тренировке. Каждому раздали по колоде карт, чтобы мы учились рассортировать их по своим ячейкам. Чтобы сдать план, требовалось рассортировать 100 карт за восемь минут или меньше, по крайней мере с 95 процентами точности. Сдавать разрешалось три раза, и если заваливался в третий – отпускали. Я имею в виду – увольняли.

– У некоторых из вас не получится, – сказал итальяно. – Значит, видимо, вам на роду написано что-то другое. Может, вы в конце концов станете президентом «Дженерал моторе».

Потом нас избавили от итальяно и дали славного маленького планового инструктора, который начал нас поощрять:

– У вас получится, парни, это не так сложно, как кажется.

У каждой группы был свой плановый инструктор, им тоже ставили оценки в зависимости от процента сданных экзаменов. Нам достался крендель с самым низким процентом. Он беспокоился.

– Тут ничего такого нет, парни, просто не отвлекайтесь, и все.

У некоторых колоды были тощими. У меня же – толще всех.

Я встал и стоял в своем новом пижонском прикиде. Стоял, засунув руки в карманы.

– Чинаски, в чем дело? – спросил инструктор. – Я знаю, что у вас получится.

– Угу. Угу. Я сейчас думаю.

– О чем же это вы думаете?

– Ни о чем.

С тем я и ушел.

Прошла неделя, а я по-прежнему стоял, руки в карманы, – и тут ко мне подошел один из подменных.

– Сэр, мне кажется, я уже готов раскидать этот план.

– Вы уверены? – спросил я.

– Я раскидывал на тренировках девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять и пару сотен.

– Вы должны понимать, что мы на ваше обучение тратим огромные деньги. Мы хотим, чтобы вы разбрасывали их до последнего тузя!

– Сэр, я действительно считаю, что готов!

– Хорошо, – я пожал ему руку, – тогда ступайте, мальчик мой, и удачи вам.

– Благодарю вас, сэр!

Он побежал к экзаменационной – застекленному аквариуму, куда тебя швыряют проверить, как ты плаваешь в их водах. Бедная рыбка. Какой облом после того, как побывал местечковым негодяйчиком. Я зашел в тренировочную комнату, снял резинку с колоды и посмотрел на карты впервые в жизни.

– Вот говно! – сказал я.

Парочка парней рассмеялась. Затем плановый инструктор произнес:

– Ваши полчаса истекли. Возвращайтесь на рабочие места.

Что означало – к новым 12 часам.

Им не хватало рук рассыпать почту, поэтому тем, кто оставался, приходилось вкалывать за всех. По графику мы обязаны были пахать две недели без перерыва, зато потом получали сразу четыре выходных. Чтобы не сломались. Четыре дня отдыха. В последнюю перед выходными ночь заговорил интерком:

– ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ПОДМЕННЫМ В ГРУППЕ ЧЕТЫРЕСТА ДЕВЯТЬ!..

В группе 409 был я.

– ...ВАШИ ЧЕТЫРЕ ВЫХОДНЫХ ДНЯ ОТМЕНЕНЫ. ВАМ НАДЛЕЖИТ В ЭТИ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ЯВЛЯТЬСЯ НА РАБОТУ!

Джойс нашла себе работу в 'округе, и не где-нибудь, а в Полицейском департаменте округа. Я живу с легавой! Но работа по крайней мере была дневной, что давало мне чутка передохнуть от этих ее ласковых рук. Если не считать того, что Джойс купила двух попугаев, и чертовы твари не разговаривали – они денно и нощно чирикали.

Мы с Джойс встречались за завтраком и ужином – весьма поспешно, и получалось очень мило. Хотя ей и удавалось меня по-прежнему время от времени сношать, все же лучше, чем раньше. Но попугай...

– Послушай, детка...

– Ну что еще?

– Ладно. Я уже привык к герани, к мухам и к Пикассо, но ты должна понять, что я работаю по двенадцать часов в ночь, а помимо этого изучаю план, а ты насилишь остатки моей энергии...

– Насилую?

– Ладно. Я не так выразился. Прости.

– Что ты имеешь в виду – «насилию»?

– Я же сказал – выкинь из головы! Но смотри, все дело в попугаях.

– Так значит, теперь попугай! Они тебя тоже насилиют?

– Да, насилиют.

– Кто же сверху?

– Слушай, не остри. Не надо пошлостей. Я пытаюсь тебе кое-что сказать.

– Теперь ты мне пытаешься сказать, какой мне быть!

– Хорошо! Блядь! Ты у нас – при деньгах! Ты дашь мне сказать или нет? Отвечай: да или нет?

– Ладно, сосунок: да.

– Ладно. Сосунок вот что хочет сказать: «Мама! Мама! Эти ебаные попугай сводят меня с ума!»

– Ладно, теперь расскажи маме, как именно эти попугай сводят тебя с ума.

– А вот так, мама: эти твари целыми днями трещат, ни на минуту не останавливаются, а я все жду, когда они что-нибудь скажут, но они никогда ничего не говорят, а я целый день не могу заснуть, слушая этих идиотов!

– Ладно, сосунок. Если они не дают тебе спать, выставь их.

– Выставить, мама?

– Да, выстави.

– Хорошо, мама.

Она поцеловала меня и провиляла жопой вниз по лестнице на свою легавую работу.

Я забрался в постель и попробовал уснуть. Как же они трещали! Болела каждая мышца. Если я лежал на этом боку, если я лежал на том боку, если я лежал на спине – все болело. Я обнаружил, что легче всего лежать на животе, но от этого уставал. Чтобы из одного положения перевернуться в другое, требовалось добрых две-три минуты.

Я ворочался и вертелся, матерясь, постанывая, да и немного похочатывая над нелепостью положения. А те все трещали. Они меня достали уже. Что они знают о боли в этой своей клетушке? Трепачи яйцеголовые! Одни перья – мозгов-то с булавочную головку.

Я умудрился вылезти из постели, сходить в кухню, набрать в чашку воды, а потом подошел к клетке и окатил их обоих.

– Ебанутые твари! – выматерил их я.

Они злобно посмотрели на меня из-под мокрых перьев. Но замолчали! Нет лучше средства, чем старое доброе водолечение. Я позаимствовал страничку у мозгоправов.

Потом зеленый с желтой грудкой изогнулся и цапнул себя за живот. Затем поднял голову и зачирикал красному с зеленою грудкой – и пошло-поехало.

Я сидел на кровати и слушал их. Подошел Пикассо и куснул меня в лодыжку.

Это меня доконало. Я вынес клетку наружу. Пикассо шел за мной. В воздух поднялись 10 000 мух. Я поставил клетку на землю, открыл дверцу и присел на ступеньки.

Обе птички посмотрели на дверцу. Они не могли этого понять и одновременно могли. Я слышал, как у них пытаются работать крохотные мозги. Тут есть пища и вода, а что означает это открытое пространство?

Зеленый с желтой грудкой пошел первым. Соскочил в проем дверцы со своей жердочки. Сел, цепляясь за проволоку. Посмотрел на мух. Постоял 15 секунд, стараясь принять решение. Затем у него в маленькой башке что-то щелкнуло. Или у нее. Он не полетел. Он взмыл прямо в небо. Выше, выше, выше. Прямо вверх! Стрелой! Мы с Пикассо сидели и смотрели. Чертова тварь исчезла.

Настала очередь красного с зеленою грудкой.

Красный оказался гораздо нерешительнее. Он нервно походил по дну клетки. Дьявольски сложное решение. Людям, птицам, всем приходится его

принимать. Трудная игра.

Поэтому красный ходил и обдумывал. Желтый свет солнца. Мухи жужжат. Человек и собака наблюдают. И столько неба, столько неба.

Это было чересчур. Старина красный подскочил к проволоке. Три секунды.

ВЖЖИК!

Птицы не стало.

Мы с Пикассо взяли пустую клетку и вернулись в дом.

Я хорошо выспался впервые за много недель. Я даже забыл завести будильник. Я скакал на белом коне по Бродвею в городе Нью-Йорке. Меня только что выбрали мэром. У меня здорово стоял, а потом кто-то швырнул в меня комком грязи... и Джойс меня растолкала.

– Что случилось с птичками?

– К чертям птичек! Я – мэр Нью-Йорка!

– Я тебя спрашиваю, где птички? Я вижу пустую клетку!

– Птички? Птички? Какие птички?

– Да просыпайся же, черт тебя побери!

– Трудный день в конторе, дорогуша? Ты что-то резковата.

– ГДЕ ПТИЧКИ?

– Ты мне сама сказала выставить их наружу, если будут мешать мне спать.

– Я имела в виду выставить их на заднюю веранду или во двор, дурак.

– Дурак?

– Да, ты дурак! Ты что, хочешь сказать, что выставил птичек из клетки? Ты правда хочешь сказать, что выпустил их?

– Ну, я могу сказать только, что они не заперты в ванной, и в буфете их тоже нет.

– Они же там умрут с голода!

– Они могут ловить червей, есть ягоды и все такое.

– Они не могут, не могут. Они не умеют! Они умрут!

– Пусть учатся или сдохнут, – ответил я, медленно повернулся на другой бок и снова начал засыпать. Смутно слышал, как она готовит ужин, роняя крышки и ложки на пол, ругаясь. Но Пикассо лежал со мной на постели, Пикассо не грозили ее острые туфли. Я вытянул руку, он ее полизал, и я уснул.

То есть ненадолго. В следующее мгновение я почувствовал, как меня мацают. Я открыл глаза – Джойс пялилась на меня как ненормальная. Голая, груди болтаются у меня перед самым носом. Волосы мне ноздри

щекочут. Я много чего про нее подумал, затем обхватил руками, перевернул на спину и засадил.

Легавой на самом деле она не была, она была легавой канцеляристкой. И как-то начала приходить домой и рассказывать мне про парня, который носит лиловую булавку для галстука и «настоящий джентльмен».

– Ох, он такой добрый!

Я слушал истории про него каждый вечер.

– Ну, – спрашивал я, – как сегодня поживает наша старая-добрая Лиловая Булавка?

– О, – отвечала она, – знаешь, что произошло?

– Нет, крошка, потому и спрашиваю.

– Ох, он ТАКОЙ джентльмен!

– Ладно. Ладно. Что произошло?

– Знаешь, он так много страдал!

– Конечно.

– Знаешь, у него жена умерла.

– Нет, не знал.

– Какой ты развязный. Я тебе говорю, у него умерла жена, и он истратил пятнадцать тысяч долларов на ее лечение и похороны.

– Хорошо. И?

– Иду я по коридору. А он навстречу. Едва не столкнулись. Он посмотрел на меня и говорит со своим турецким акцентом: «Ah, вы такая прекрасная!» И знаешь, что он сделал?

– Нет, крошка, расскажи. Рассказывай скорее.

– Он поцеловал меня в лоб, слегка, этак легонько. И пошел дальше.

– Я могу тебе про него кое-что рассказать, крошка. Он слишком кино насмотрелся.

– Откуда ты знаешь?

– То есть как?

– Он владелец кинотеатра для автомобилистов. Он им управляет каждый вечер после работы.

– Оно и видно, – сказал я.

– Но он такой джентльмен! – сказала она.

– Слушай, детка, я не хочу делать тебе больно, но...

– Но что?

– Слушай, у вас в захолустье так не принято. А я в пятидесяти местах работал, может, в ста. И нигде надолго не задерживался. Я вот о чем: в

конторах по всей Америке играют в определенную игру. Людям скучно, они не знают, чем заняться, поэтому играют в конторскую романтику. В большинстве случаев это ничего не значит, кроме препровождения времени. Иногда им удается выхарить поебку-другую на стороне. Но даже так это просто легкое развлечение, вроде кегельбана, телевизора или новогодней вечеринки. Ты должна понять, что это ничего не означает, и тогда тебе не будет больно. Понимаешь?

– Я считаю, что мистер Партизян искренен.

– Ты на эту булавку наколешься, крошка, попомнишь мои слова. Осторожнее с этими пройдохами. Это такая же туфта, как свинцовая монетка.

– Он не туфта. Он джентльмен. Настоящий джентльмен. Если б только ты тоже был джентльменом.

Я махнул рукой. Сел на кушетку, взял свой листок с планом и попытался выучить наизусть бульвар Бэбкок. Бэбкок делился на 14, 39, 51, 62. Какого черта? Я что, не смогу это запомнить?

Наконец мне дали выходной, и знаете, что я сделал? Я встал пораньше, пока Джойс не вернулась, и пошел на рынок немного подзатариться, и, может быть, я спятил. Я прошел рынок насквозь, и, вместо того чтобы купить славный красный бифштекс или даже кусок курицы для жарки, знаете, что я сделал? Я выкинул два очка и зашел в восточную секцию, где начал набивать корзинку осьминогами, морскими пауками, улитками, морской капустой и так далее. Кассир странно на меня посмотрел и стал выбивать чек.

Когда Джойс вернулась вечером домой, у меня все уже стояло на столе. Морская капуста, в ней чуть паука и кучки маленьких, золотистых, жареных в масле улиток.

Я завел Джойс в кухню и показал добро на столе.

— Я приготовил это в твою честь, — сказал я, — как посвящение нашей любви.

— Что это за говно? — спросила она.

— Улитки.

— Улитки?

— Да, неужели ты не понимаешь, что многие века люди на Востоке жили только этим и подобным? Давай отдадим им дань и отдадим дань себе. Они поджарены в масле.

Джойс вошла и села.

Я начал закидывать улиток в рот.

— Черт побери, да они вкусные, детка! ПОПРОБУЙ!

Джойс протянула руку и вилкой наколола одну, разглядывая оставшихся на тарелке.

Я чавкал аппетитной морской капустой.

— Вкусно, а, детка?

Она пережевывала улитку.

— Поджарены в золотом масле!

Я подхватил несколько улиток рукой и отправил в рот.

— Столетия на нашей стороне, детка. Мы не можем пролететь!

Наконец она проглотила свою. Потом обследовала оставшихся на тарелке.

— У них у всех крохотные жопки! Это кошмар! Кошмар!

— Что кошмарного в жопках, детка?

Она прижала ко рту салфетку. Вскочила и понеслась в ванную. Ее начало рвать. Я верещал ей из кухни:

– ЧЕМ ТЕБЕ НЕ НРАВЯТСЯ ЖОПЫ, ДЕТКА? У ТЕБЯ ЕСТЬ ЖОПА, У МЕНЯ ЕСТЬ ЖОПА! ТЫ ИДЕШЬ В МАГАЗИН И ПОКУПАЕШЬ ЗДОРОВЕННЫЙ БИФШТЕКС, У КОТОРОГО ТОЖЕ БЫЛА ЖОПА! ЖОПЫ ПОКРЫВАЮТ ВСЮ ЗЕМЛЮ! У ДЕРЕВЬЕВ В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ТОЖЕ ЕСТЬ ЖОПЫ, НО ТЫ ИХ НЕ НАЙДЕШЬ, ОНИ ПРОСТО СБРАСЫВАЮТ ЛИСТВУ ТВОЯ ЖОПА, МОЯ ЖОПА, МИР ПОЛОН МИЛЛИАРДОВ ЖОП. У ПРЕЗИДЕНТА ЕСТЬ ЖОПА, У МАЛЬЧИШКИ С АВТОМОЙКИ ТОЖЕ ЕСТЬ ЖОПА, И У СУДЬИ, И У УБИЙЦЫ ЕСТЬ ПО ЖОПЕ... ДАЖЕ У ЛИЛОВОЙ БУЛАВКИ ЕСТЬ ЖОПА!

– Ох, прекрати! ПРЕКРАТИ!

Она траванула снова. Провинциалка. Я открыл бутылку сакэ и хлебнул.

Это случилось примерно неделю спустя, около 7 утра. Мне обломился еще один выходной, и после двойной смены я прижимался к заднице Джойс, к ее жопе, спал, поистине спал, как вдруг затренькали в дверь, я встал и пошел открывать эту дрянь.

Там стоял человечек при галстуке. Он сунул мне в руку какие-то бумаги и убежал.

То была повестка на развод. Тю-тю мои миллионы. Но я не рассердился, поскольку на ее денежки все равно никогда не рассчитывал.

Я разбудил Джойс.

– Что?

– Ты не могла устроить мне подъем в более пристойное время?

Я показал ей бумаги.

– Прости меня, Хэнк.

– Все в порядке. Надо было просто мне сказать. Я бы согласился. Мы только что пару раз потрахались, посмеялись – в общем, нам же здорово. Я такого не понимаю. А ты всю дорогу знала. Будь я проклят, если понимаю баб.

– Слушай, я подала на развод, когда мы с тобой поссорились. Я подумала, что никогда этого не сделаю, если буду ждать, пока остыну.

– Ладно, крошка, честная женщина достойна восхищения. Лиловая Булавка?

– Лиловая Булавка, – ответила она.

Я рассмеялся. Довольно печальным смехом, надо признать. Но он прозвучал.

– Чего уж тут гадать. Однако у тебя с ним будут хлопоты. Я желаю тебе удачи, детка. Знаешь, я многое в тебе любил, не только твои деньги.

Она заплакала в подушку, лежа на животе, вся сотрясаясь. Просто девочка из захолустья, избалованная и замороченная. Вот она трясется, плачет, ничего в этом фальшивого. Ужасно.

Одеяла сползли и упали на пол, и я смотрел на ее белую спину, лопатки торчали, будто хотели вырасти в крылья, протыкали кожу изнутри. Маленькие лопаточки. Она была беспомощна.

Я забрался в постель, погладил ее по спине, ласкал ее, ласкал, успокоил – и тут она разрыдалась снова:

– О, Хэнк, я люблю тебя, люблю тебя, мне так жаль, прости меня

прости меня прости!

Ее и впрямь на дыбу вздернули.

Через некоторое время я почувствовал себя так, словно это я с ней развозжусь.

Затем мы хорошенъко трахнулись в честь старых добрых времен.

Ей остались домик, собака, мухи и герань.

Она даже помогла мне собрать вещи. Аккуратно сложила мне в чемоданы штаны. Упаковала трусы и бритву. Когда я собрался уходить, она снова расплакалась. Я укусил ее в ухо, правое, и спустился по лестнице вместе с барахлом. Залез в машину и начал кататься по улицам в поисках вывески «Сдается».

Будто всю жизнь этим занимался.

Часть 3

1

Я не стал оспаривать развод, не пошел в суд. Джойс отдала мне машину. Водить она не умела. Потерял я всего каких-то три-четыре миллиона. Но у меня по-прежнему оставался почтамт. Бетти я встретил на улице.

– Я видела тебя с этой сукой некоторое время назад. Она баба не твоего типа.

– Они все не моего типа.

Я рассказал ей, что все кончено. Мы сходили выпили пива. Бетти постарела, и очень быстро. Потяжелела. Морщины прорезались. Шея обвисла. Печально. Но и я постарел.

Бетти потеряла работу. Собаку переехала машина. Бетти устроилась официанткой, затем и эту работу потеряла, когда кафе снесли, чтобы построить административное здание. Теперь она жила в ночлежке для неудачников. Меняла там простыни и мыла сортиры. Бухала вино. Она предложила нам съехаться снова. Я предложил немножко обождать. Я только-только пытался оклематься после своей передряги.

Она вернулась к себе в комнатенку и надела лучшее платье, высокие каблуки, попыталась примарафетиться. Но в ней была какая-то ужасная печаль.

Мы взяли квинту виски и немного пива, поднялись ко мне на четвертый этаж старого многоквартирного дома. Я снял трубку и сказал, что заболел. Сел напротив Бетти. Она скрестила ноги, скинула туфли, немного посмеялась. Как в былые времена. Почти. Чего-то не хватало.

А в то время, когда сказывался больным, почтамт присыпал медсестру проверить больного на месте: не в ночном ли ты клубе, не режешься ли в покер. Квартира близко от центрального участка, поэтому проверять меня им было удобно. Мы с Бетти просидели часа два, когда в дверь постучали.

– Это что?

– Все нормально, – прошептал я, – закрой рот! Снимай эти свои каблуки, иди на кухню и ни звука. МИНУТОЧКУ! – ответил я стучальщику.

Я зажег сигарету, духан перебить, подошел к двери и приоткрыл ее на щелочку. Там стояла медсестра. Та же самая. Она меня знала.

– Ну, так что с вами? – спросила она. Я выпустил облачко дыма:

– Расстройство желудка.

– Вы уверены?

– Мой ведь желудок.

– Распишитесь вот здесь, чтобы видно было – я заходила и вы были дома.

– Конечно.

Сестра боком втолкнула форму в щелочку. Я подписал. Протолкнул обратно.

– Завтра на работу выйдете?

– Откуда мне знать? Если поправлюсь – выйду, если нет – останусь.

Она гадко на меня взглянула и ушла. Я знал, что она унюхала вискач. Хватило ли крепости? Возможно, нет, слишком технично для доказательства, а может, она и смеялась, залезая в машину со своим черным саквояжиком.

– Ладно, – сказал я, – обувайся и выходи.

– Кто это был?

– Медсестра с почтамта.

– Ушла?

– Ага.

– Они так все время делают?

– До сих пор ни разу не пропустили. Давай теперь нальем по полной и хорошенько отпразднуем!

Я зашел на кухню и налил два полных. Вышел и протянул Бетти ее стакан.

– Салуд! – сказал я.

Мы подняли стаканы повыше, чокнулись.

И тут зазвонил будильник, причем громко.

Я дернулся, будто мне выстрелили в спину. Бетти подскочила на фут, прямо вверх. Я подбежал к часам и заткнул звонок.

– Господи, – сказала она, – я чуть не уделалась со страху!

Мы оба расхохотались. Потом сели. Хорошенько выпили.

– У меня был парень, на округ работал, – сказала она. – Так там тоже инспектора отправляли, мужика, но не каждый раз, а, может, один из пяти. И вот в тот вечер пьем мы с Гарри – так его звали: Гарри. В тот вечер пью я с Гарри, и тут стук в дверь. Гарри сидит на кушетке, весь одетый. «Ох, господи Иисусе!» – говорит он и прыгает в постель как есть, прямо в одежде, и натягивает покрывало. Я сую стаканы с бутылками под кровать и открываю дверь. Заходит этот мужик и садится на кушетку. А Гарри даже башмаков с носками не снял, но он весь под покрывалом. Мужик говорит: «Как ты себя чувствуешь, Гарри?» А Гарри отвечает: «Да не очень. Она вот пришла за мной ухаживать». И на меня показывает. А я там сижу пьяная

такая. «Что ж, надеюсь, ты поправишься, Гарри», – говорит инспектор и уходит. Я уверена, он заметил эти бутылки и стаканы под кроватью, и я уверена – он понял, что ноги у Гарри не настолько большие. Перетрухали мы.

– Черт, мужику житья вообще нет, правда? Вечно им надо, чтоб он за штурвалом стоял.

– Точно.

Мы еще немного покиляли, а затем отправились в постель, но как раньше уже не было, так никогда не бывает: теперь между нами было пространство, много разного произошло. Я смотрел, как она уходит в ванную, видел складки и морщины у нее под ягодицами. Бедняжка. Бедная, бедная бедняжка. Джойс была гладкой и твердой – хватал ее пятерней, и хорошо. Бетти же на ощупь была не так хороша. Грустно, грустно, грустно. Когда Бетти вернулась, мы не пели, не смеялись, мы даже не спорили. Мы сидели и пили в темноте, курили сигареты, а когда засыпали, ни я на нее ноги не складывал, как встарь, ни она на меня. Мы спали, не прикасаясь.

Нас обоих ограбили.

Я позвонил Джойс.

– Как там с Лиловой Булавкой?

– Я ничего не понимаю, – ответила она.

– Что он сделал, когда ты сказала, что развелась?

– Мы сидели друг напротив друга в кафетерии для сотрудников, когда я ему сказала.

– И что?

– Он уронил вилку. У него открылся рот. Он сказал: «Что?»

– Значит, он понял, что ты не шутила.

– Я не врубаюсь. С тех пор он меня избегает. Когда я вижу его в коридоре, удирает. Больше не садится за мой столик в перерыв. Он кажется... ну, почти... холодным.

– Детка, есть и другие мужики. Забудь ты про этого парня. Поднимай паруса к кому-нибудь новому.

– Его трудно забыть. В смысле, каким он был.

– А он знает, что у тебя есть деньги?

– Нет, я ему никогда не рассказывала, он не знает.

– Ну, если ты его хочешь...

– Нет, нет! Я не хочу его так!

– Ну тогда ладно. До свиданья, Джойс.

– До свиданья, Хэнк.

Вскоре я получил от нее письмо. Она вернулась в Техас. Бабуля совсем плоха, долго не протянет. Люди про меня спрашивают. И так далее. Целую, Джойс.

Я отложил письмо. Я мысленно видел того карлика: он недоумевал, где же это я облажался. Бедный трясущийся уродец, ведь он считал меня таким умным мерзавцем. Тяжело вот так вот его обломать.

3

Потом меня вызвали в отдел кадров в старое Федеральное здание. Продержали в приемной обычные 45 минут или полтора часа. Затем:

– Мистер Чинаски? – осведомился голос.

– Ну, – ответил я.

– Пройдите.

Человек подвел меня к столу. Там сидела эта женщина. Немного сексуальная на вид, годам к 38–39 плавится, но похоже, что ее половые амбиции либо отложены ради более важных дел, либо просто забыты.

– Садитесь, мистер Чинаски. Я сел.

Малышка, подумал я, вот бы я покатал тебя верхом.

– Мистер Чинаски, – сказала она, – нам неясно, должным ли образом вы заполнили бланк заявления о приеме на работу.

– А?

– Мы имеем в виду судимости.

Она протянула мне листок. В ее глазах не былоекса.

Я перечислил там восемь или десять обычных пьяных приводов. То была приблизительная оценка. О точных датах я понятия не имел.

– Итак, вы всё здесь перечислили? – спросила она.

– Хммм, хммм, дайте подумать...

Я знал, чего ей хотелось. Ей хотелось, чтобы я ответил «да», и тогда бы она взяла меня в оборот.

– Сейчас-сейчас... Хммм. Хммм.

– Так? – спросила она.

– О, о! Господи!

– Что такое?

– Был еще привод либо за пьянство в автомобиле, либо за пьяное вождение. Года четыре назад или около того. Не помню точной даты.

– И вы этого просто не припомнили?

– Да, в самом деле, я не собирался утаивать.

– Хорошо. Внесите. Я вписал.

– Мистер Чинаски. У вас ужасная биография. Я хочу, чтобы вы объяснили выдвинутые против вас обвинения и, если возможно, оправдали свой настоящий найм у нас.

– Хорошо.

– На ответ вам дается десять дней.

Не так уж и нужна мне эта работа. Но баба меня раздражала.

В тот вечер я взял больничный, купил разлинованной и пронумерованной бумаги юридического формата и синюю, официальную на вид папку. Еще купил квинту виски и шестерик пива, сел и все напечатал. Под локтем у меня лежал словарь. То и дело я отслонивал страницу, находил крупное невнятное слово и строил предложение или целый абзац на его значении. Получилось 42 страницы. Закончил я такими словами: «Копии этого заявления сохранены для распространения в прессе, на телевидении и в других средствах массовой информации».

Трепаться – так уж трепаться.

Она поднялась из-за стола и лично приняла папку.

– Мистер Чинаски?

– Да?

Было 9 утра. На следующий день после ее требования.

– Минуточку.

Она отнесла все 42 страницы к себе за стол. Она всё читала, читала и читала. Кто-то еще читал у нее из-за плеча. Потом их стало 2, 3, 4, 5. И все читали. 6, 7, 8, 9. Все читали.

Что за чертовщина? – подумал я.

Потом из толпы раздался голос:

– Что ж, все гении – пьяницы! – Как будто это что-то объясняло. Снова перебор с кино.

Она встала из-за стола, держа в руке мои 42 страницы.

– Мистер Чинаски?

– Да?

– Ваше дело будет продлено. Мы вас известим.

– А пока продолжать работать?

– А пока продолжайте работать.

– Доброго вам утра, – сказал я.

4

Однажды ночью меня перевели на табурет рядом с Бучнером. Он почту не рассовывал. Он просто сидел. И тряпиндел.

Вошла молоденькая девчонка и села в конце прохода. Я услышал Бучнера:

— Ага, пиздявочка! Хочешь моего хуя себе в пизду, правда? Вот чего ты хочешь, мокрощелка, правда?

Я продолжал распихивать почту. Мимо прошел бугор. Бучнер сказал:

— Ты у меня в списке, мамаша! Я тебя достану, грязная мамка! Сволочь гнилая! Хуесоска!

Надзиратели Бучнера никогда не трогали. Никто никогда не трогал Бучнера. Потом я услышал его снова:

— Ладно, детка! Мне не нравится твоя рожа! Ты у меня в списке, мамка! Ты у меня вот тут, прямо первым номером! Я тебя за жопу ухвачу! Эй, я с тобой разговариваю! Ты меня слышишь?

Это уже было слишком. Я отшвырнул свою почту.

— Ладно, — сказал я, — я вызываю твою карту! Я вызываю всю твою вонючую колоду! Здесь хочешь или выйдем?

Я посмотрел на Бучнера. Тот разговаривал с потолком, безумный:

— Я же сказал тебе, ты первый номер в моем списке! Ты мне попадешься, и попадешься мне как следует!

Ох, ради всего святого, подумал я, тут я, кажется, влип по-настоящему! Сортировщики притихли. Они-то тут при чем? Я встал, сходил попить воды. Потом вернулся. Через двадцать минут поднялся на свой 10-минутный перерыв. Когда я вернулся, надзиратель меня уже ждал. Жирный негр чуть за пятьдесят. Он заорал на меня:

— ЧИНАСКИ!

— В чем дело, мужик? — спросил я.

— Вы покинули свое место дважды за тридцать минут!

— Да, в первый раз я сходил попить. Тридцать секунд. А потом я ходил на перерыв.

— А если бы вы работали у машины? От машины дважды за тридцать минут отходить нельзя!

Вся его харя блестела от злобы. Поразительно. Непостижимо.

— Я ЗАПИСЫВАЮ ВАМ ЗАМЕЧАНИЕ!

— Ладно, — сказал я.

Я пошел и сел рядом с Бучнером. Надзиратель подбежал со своим замечанием. Оно было написано от руки. Я даже не смог его прочесть. Он писал в такой ярости, что вышли одни кляксы и царапины.

Я свернул замечание в аккуратный конвертик и засунул в задний карман.

– Я убью этого сукина сына! – сказал Бучнер.

– Было бы неплохо, толстяк, – согласился я, – было бы неплохо.

5

Так и шло – 12 часов в ночь, плюс надзиратели, плюс сортировщики, плюс тот факт, что в этой банке с плотью нечем дышать, плюс черствая печеная еда в «неприбыльном» кафетерии.

Плюс ГР1. Городской Район 1. Тот мой план участка был семечками по сравнению с Городским Районом 1. Который содержал примерно треть всех городских улиц и как они разбивались на зоны по номерам. Я жил в одном из крупнейших городов в Штатах. А там улиц очень много. После него был ГР2. И ГР3. Каждый экзамен нужно было сдавать за 90 дней, три попытки на каждый, 95 процентов или лучше, 100 карточек в стеклянном ящике, восемь минут, не сдашь – и тебя отправят пробоваться на президента «Дженерал Моторс», как выразился тот мудак. Для тех, кто проходил, планы становились немножко легче – на второй или на третий раз. Но с 12-часовой ночной сменой и отмененными выходными для большинства это было чересчур. Уже из первоначальной группы в 150–200 человек нас оставалось 17 или 18.

– Как я могу работать по двенадцать часов в ночь, спать, есть, мыться, ездить туда и обратно, забирать стирку и покупать бензин, платить за квартиру, менять шины, делать все эти мелочи, без которых нельзя, и все-таки изучать план? – спросил я одного из инструкторов в плановом классе.

– Обходитесь без сна, – сказал он.

Я взглянул на него. Он не «Дикси» на гармошке играл. Проклятый олух говорил серьезно.

Я понял, что единственное время для занятий у меня – перед сном. Я всегда слишком уставал, чтобы готовить и есть завтрак, поэтому выходил и покупал высокую упаковку пива, ставил на стул у кровати, оттирал с банки крышку, хорошенько прикладывался и открывал листок с планом. К тому времени, как я приступал к третьей банке, лист выпадал у меня из рук. Больше в себя уже не вольешь. Затем я допивал пиво, сидя на кровати и разглядывая стены. С последней банкой я засыпал. А когда просыпался, времени оставалось ровно на туалет, ванну, еду – и пора ехать обратно.

И ведь ни фига не приспособливался, только все больше и больше уставал. Я всегда покупал свой шестерик на пути домой, а однажды утром меня по-настоящему перемкнуло. Я взобрался по лестнице (лифта в доме не было) и вставил ключ в замок. Дверь распахнулась. Кто-то сменил всю обстановку в квартире, постелил новый ковер. Нет, мебель тоже новая.

На тахте лежала женщина. Выглядела нормально. Молодая. Хорошие ноги. Блондинка.

- Здор'ово, – сказал я. – Пива хочешь?
- Привет! – ответила она. – Ладно, одно возьму.
- Мне нравится, как тут все обставили, – сказал я.
- Я сама это сделала.
- Но зачем?
- Просто мне так захотелось, – сказала она. Мы оба глотнули пива.
- Ты ничего, – сказал я. Я поставил свою банку на пол и поцеловал девку. Положил ладонь ей на колено. Хорошее у нее колено.

Потом глотнул пива еще.

– Да, – сказал я, – мне действительно нравится, как тут все стало. Мне это здорово поднимет дух.

– Это хорошо. Моему мужу тоже нравится.
– А чего ради твоему мужу... Что? Твоему мужу? Постойте, у вас какой номер квартиры?

- Триста девять.
 - Триста девять? Боже святый! Я не на своем этаже! Я живу в четыреста девятой. Ваша дверь моим ключом открылась.
 - Сядь, дорогуша, – сказала она.
 - Нет, нет...
- Я собрал четыре оставшихся пива.

– Зачем сразу срываться? – спросила она.

– Бывают ненормальные мужики, – ответил я, передвигаясь к двери.

– Это ты к чему?

– К тому, что некоторые влюблены в своих жен.

Она рассмеялась:

– Не забывай, где я.

Я закрыл дверь и поднялся еще на один пролет. Открыл свою дверь. Внутри никого. Старая и драная мебель, ковер уже почти лишился цвета. Пустые пивные банки на полу. Попал, куда нужно.

Я разделся, залез в постель один и отщелкнул следующую банку.

Работая на участке Дорси, я слышал, как некоторые старики подкалывают Большого Папу Грейстона по части того, как ему пришлось купить себе магнитофон, чтобы выучить свои планы. Большой Папа начитал разбивку планов на пленку, прокручивал и слушал. Большого Папу называли Большим Папой по вполне очевидным причинам. Он трех теток в больницу отправил этой своей штукой. Теперь нашел себе плашкета. Педика по фамилии Картер. Он Картера чуть не надвое раскурочил. Картера отправили лечиться в Бостон. Мужики ржали, что Картеру пришлось отправиться аж в Бостон, поскольку на всем Западном побережье не нашлось ниток, чтоб его залатать после того, как Большой Папа его кончил. Так или иначе, я решил попробовать магнитофон. Беды мои закончились. Я могу включать его и ложиться спать. Я где-то читал, что можно учиться подсознанием во сне. Простейший вроде бы способ. Я купил машинку и пленки.

Начитал план на пленку, забрался в постель с пивом и стал слушать:

– ИТАК, ХИГГИНС ДЕЛИТСЯ НА ХАНТЕР СОРОК ДВА, МАРКЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ, ХАДСОН СЕМЬДЕСЯТ ОДИН, ЭВЕРГЛЭИДС ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ! А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙ, СЛУШАЙ, ЧИНАСКИ, ПИТТСФИЛД ДЕЛИТСЯ НА ЭШГРОУВ ДВАДЦАТЬ ОДИН, СИММОНС ТРИДЦАТЬ ТРИ, НИДЛЗ СОРОК ШЕСТЬ! СЛУШАЙ, ЧИНАСКИ, СЛУШАЙ, УЭСТХЭЙВЕН ДЕЛИТСЯ НА ЭВЕРГРИН ОДИННАДЦАТЬ, МАРКЭМ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ, ВУДТРИ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ! ЧИНАСКИ, ВНИМАНИЕ, ЧИНАСКИ! ПАРЧБЛЕЙК ДЕЛИТСЯ...

Бесполезняк. Собственный голос меня убаюкивал. Я не мог продержаться дальше третьего пива.

Через некоторое время я уже ни магнитофона не слушал, ни планов не учил. Я просто выпивал свои шесть высоких банок пива и засыпал. Я ничего не понимал. Даже подумывал показаться психиатру. И уже мысленно представлял себе нашу встречу:

- Да, мой мальчик?
- Ну, вот так вот.
- Продолжайте. Вам нужна кушетка?
- Нет, спасибо. Я засну.
- Продолжайте, пожалуйста.
- Ну, мне нужна работа.

– Это разумно.

– Но я должен выучить и сдать еще три плана, чтобы ее сохранить.

– Планы? Что это такое – «планы»?

– Это когда люди не указывают номера зон. Кто-то должен это письмо рассортировать. Значит, мы вынуждены учить листы с планами наизусть после двенадцатичасовой смены.

– И?

– Я не могу лист в руки взять. Если беру, он у меня из рук валится.

– Вы не можете выучить эти планы?

– Нет. И еще я должен раскидать сто карточек в стеклянный ящик за восемь минут, по крайней мере с точностью девяносто пять процентов, иначе меня вышибут. А работа мне нужна.

– Почему вы не можете выучить эти планы?

– Я за этим к вам и пришел. Спросить у вас. Наверное, я спятил. Но в планах все эти улицы, и делятся они совершенно по-разному. Вот посмотрите.

И протягиваю ему план, шесть страниц, сколотых сверху вместе, мелким шрифтом с обеих сторон. Он его пролистывает.

– И от вас требуется все это выучить?

– Да, доктор.

– Что ж, мальчик мой, – протягивая мне листки, – вы не сумасшедший из-за того, что вам не хочется этого учить. Я бы сказал, что вы были бы ненормальным, если бы вам хотелось это выучить. С вас двадцать пять долларов.

Поэтому я проанализировал себя сам и сэкономил деньги.

Но что-то нужно было делать.

И тут я понял. На часах было 9.10 утра. Я набрал номер Федерального здания, отдел кадров.

– Мисс Грейвз. Я бы хотел поговорить с мисс Грейвз, пожалуйста.

– Алло?

Она. Сука. Я оглаживал себя, пока с ней разговаривал.

– Мисс Грейвз. Это Чинаски. Я подавал вам объяснительную по поводу обвинений в том, что у меня плохая биография. Не знаю, помните ли вы меня.

– Мы вас помним, мистер Чинаски.

– Вы что-нибудь решили?

– Пока нет. Мы вам сообщим.

– Тогда ладно. Но у меня проблема.

– Да, мистер Чинаски?

– Я сейчас изучаю гэ-эр-один. – Я сделал паузу.

– Да? – спросила она.

– И он очень сложный, я нахожу почти невозможным выучить этот план, тратить столько времени дополнительно, когда все может оказаться напрасно. В смысле, меня могут в любой момент убрать из почтовой службы. Нечестно просить меня учить этот план при таких условиях.

– Хорошо, мистер Чинаски. Я позвоню в плановый класс и отдаю распоряжение снять вас с плана, пока мы не придем к решению.

– Благодарю вас, мисс Грейвз.

– Всего хорошего, – ответила она и повесила трубку.

День в самом деле был ничего. И, поласкав себя за беседой по телефону, я уже почти решил спуститься в 309-ю. Но рисковать не хотелось. Поэтому я поставил жариться яичницу с беконом и отпраздновал лишней квартирой пива.

Потом нас осталось всего шесть или семь. Остальным ГР1 оказался не под силу.

– Как у тебя с планом продвигается, Чинаски? – спрашивали меня.
– Без особых хлопот, – отвечал я.
– Ладно, как делится Вудберн-авеню?
– Вудберн?
– Да, Вудберн.
– Слушайте, мне не нравится, когда меня достают этим барахлом, пока я работаю. Мне скучно. Не гони коней.

На Рождество пришла Бетти. Она запекла индюшку, и мы выпили. Бетти всегда нравились здоровые елки. Елка должна быть семи футов в высоту, половину этого в ширину и вся покрыта огоньками, лампочками, блестками, всевозможной парашей. Мы приложились к паре квинт вискача, позанимались любовью, съели индюшку, попили еще. Гвоздь в подставке для елки шатался, а сама подставка была слишком маленькой. Я все время елку поправлял. Бетти растянулась на постели, отрубилась. Я сидел на полу в одних трусах и пил. Потом вытянулся во весь рост. Закрыл глаза. Что-то меня разбудило. Я открыл глаза. Как раз в тот момент, когда громадная елка, вся в горячих лампочках, стала медленно клониться ко мне, а острые звезды на верхушке целила в меня, словно кинжал. Я не совсем понял, что это было. Но походило на конец света. Я не мог пошевельнуться. Ветви елки обхватили меня. Я оказался под ней. Лампочки были раскалены докрасна.

– Ох, ОХ ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ! БОЖЕ МОЙ, НА ПОМОЩЬ!
ГОСПОДИ! БОЖЕ! НА ПОМОЩЬ!

Меня жгли лампочки. Я перекатился влево, выбраться не смог, перекатился вправо.

– Ф-ФУХ!

Наконец я из-под нее вылез. Бетти проснулась и вскочила.

– Что такое? В чем дело?

– ЧТО, НЕ ВИДИШЬ? ТВОЯ ПРОКЛЯТАЯ ЕЛКА ПЫТАЛАСЬ МЕНЯ УКОКОШИТЬ!

– Что?

– ДА РАЗУЙ ГЛАЗА!

По всему телу у меня шли красные пятна.

– Ох, бедняжечка!

Я подошел и выдернул штепсель из розетки. Огоньки погасли. Елка умерла.

– Ох, моя бедная елочка!

– Твоя бедная елочка?

– Да, она такая красивая была!

– Утром поставлю снова. Сейчас я ей не доверяю. Я ей даю отгул до утра.

Бетти это не понравилось. Я уже видел, как назревает скора, стало

быть, подпер эту дрянь стулом и снова зажег лампочки. Если б елка обожгла ей сиськи или сраку, она б ее сразу в окно хуйнула. Наверно, я очень хороший.

Через несколько дней после Рождества я заглянул проводить Бетти. Она сидела у себя в комнате, пьяная в 8.45 утра. Выглядела не очень хорошо, да и сам я был не красавец. Похоже, чуть ли не каждый из ее постояльцев надавал ей мерзавчиков. Вино, водка, виски, скотч. Самые дешевые. В комнате было полно бутылок.

– Остолопы проклятые! Они что, совсем ни черта не соображают? Если ты всю эту дрянь выпьешь – сдохнешь!

Бетти лишь посмотрела на меня. В ее взгляде я увидел все.

У нее было двое детей, которые никогда ее не навещали, никогда не писали. Она работала уборщицей в дешевых меблирашках. Когда мы только с ней познакомились, у нее была дорогая одежда, стройные лодыжки входили в дорогие туфельки. Она раньше была тверд отел ой, почти прекрасной. Дикоглазой. Смеялась. Сбегала от богатого мужа, потом развелась с ним, а ему суждено было погибнуть в автокатастрофе, пьяному, сгореть заживо в Коннектикуте. «Ты ее никогда не укротишь», – говорили мне.

И вот теперь… Но мне помогали другие.

– Слушай, – сказал я, – я должен забрать у тебя все это. Я хочу сказать, что я тебе буду отдавать по бутылке время от времени. Я их сам пить не стану.

– Оставь бутылки, – произнесла Бетти. Она не взглянула на меня. Комната ее находилась на самом верхнем этаже, и она сидела в кресле у окна, смотрела, как по утренней улице едут машины.

Я подошел:

– Послушай, я с ног валюсь. Мне надо ехать. Но ради бога, полегче ты с этой дрянью!

– Конечно, – ответила она.

Я нагнулся и поцеловал ее на прощанье.

Недели полторы спустя я снова заехал. На мой стук никто не ответил.

– Бетти! Бетти! Ты как?

Я повернул ручку. Дверь была незаперта. Развороченная постель. На простыне ржало громадное кровавое пятно.

– Ох, блядь! – сказал я и огляделся. Все бутылки пропали.

Я обернулся. Пожилая француженка, владелица меблирашек. Стоит в дверях.

– Она в окружной больнице. Ей было очень плохо. Вчера ночью я вызвала «скорую помощь».

– Она выпила всю эту дрянь?

– Ей помогли.

Я сбежал вниз по лестнице и прыгнул в машину. Оказался в больнице. Я хорошо знал это место. Мне сказали номер палаты.

В крошечной комнатке стояло три или четыре кровати. На одной напротив меня сидела женщина, жевала яблоко и смеялась с двумя посетительницами. Я задернул шторку вокруг кровати Бетти, сел на табурет, склонился над ней.

– Бетти! Бетти!

Я дотронулся до ее руки.

– Бетти!

Ее глаза открылись. Они снова были прекрасны. Ярко, спокойно синие.

– Я знала, что это будешь ты, – проговорила она. И закрыла глаза снова. Губы у нее потрескались.

В левом уголке рта запеклась желтоватая слюна. Я взял влажную салфетку и вытер. Я умыл ей лицо, руки и шею. Взял еще одну салфетку и выжал капельку воды ей на язык. Потом еще чуть-чуть. Смочил ей губы. Поправил волосы. Я слышал, как за шторками смеялись женщины.

– Бетти, Бетти, Бетти. Прошу тебя, попей водички, всего один глоточек, не очень много, один глоточек.

Она не отвечала. Я пытался напоить ее 10 минут. Никак.

В уголках рта снова выступила слюна. Я ее стер.

Потом поднялся и отодвинул шторку. Посмотрел на трех женщин.

Я вышел и обратился к сестре за конторкой.

– Послушайте, почему ничего не делают той женщине в сорок пять-вэ? Бетти Уильяме?

– Мы делаем все, что можем, сэр.

– Но там никого нет.

– Мы проводим регулярные обходы.

– Но где же врачи? Я не вижу ваших врачей.

– Врач ее看了, сэр.

– Почему вы просто бросили ее там?

– Мы делаем все, что можем, сэр.

– СЭР! СЭР! СЭР! ХВАТИТЬ МНЕ СЭРКАТЬ, А? Да спорим, если бы на ее месте был президент, или губернатор, или мэр, или какой другой богатый ублюдок, в палате от докторов бы не прдохнуть было, и они бы что-нибудь делали! Почему вы просто даете им умереть? Разве грех быть

бедным?

- Я уже сказала вам, сэр, мы сделали ВСЕ, что могли.
- Я вернусь через два часа.
- Вы ее муж?
- Я раньше был ее гражданским мужем.
- Можно записать ваше имя и номер телефона? Я продиктовал и поспешил наружу.

Похороны назначили на 10.30 утра, но уже припекало. На мне был дешевый черный костюм, купленный и подогнанный в спешке. Мой первый новый костюм за много лет. Я отыскал сына. Мы ехали в его новом «мерседес-бенце». Я вышел на его след по клочку бумаги с адресом его тестя. Два междугородных звонка – и он у меня в руках. К тому времени, как он приехал, его мать умерла. Она умерла, пока я звонил. Этот парень, Ларри, никогда не вписывался в общество. У него была привычка угонять машины друзей, но в промежутке между друзьями и судьей ему все сходило с рук. Потом его зацепала армия, и ему как-то удалось пролезть в учебную программу, поэтому он, когда демобилизовался, попал на хорошо оплачиваемую работу. И тут-то перестал навещать мать – когда получил хорошую работу.

– Где твоя сестра? – спросил я.

– Не знаю.

– Хорошая у тебя машина. Даже мотора не слышно.

Ларри улыбнулся. Ему понравилось.

На похоронах нас было всего трое: сын, любовник и недоразвитая сестра хозяйки меблирашек. Ее звали Марша. Марша никогда не раскрывала рта. Она просто сидела с бессмысленной улыбкой на губах. Кожа у нее была белая, как эмаль. На голове – копна мертвых желтых волос и плохо сидящая шляпка. Маршу сюда вместо себя отправила хозяйка. Самой ей нужно было присматривать за меблирашками.

Разумеется, я был с очень мерзкого похмелья. Мы остановились хлебнуть кофе.

Похороны уже шли не так, как полагалось. Ларри поругался с католическим священником. Тот сомневался, была ли Бетти ревностной католичкой, и не хотел проводить службу. Наконец решили, что он отслужит половину. Ладно, полслужбы лучше, чем вообще никакой.

Даже с цветами получился косяк. Я купил венок из роз, из разных роз, и их сплели в венок. Цветочная лавка полдня его плела. Барышня из цветочной лавки знала Бетти. Они вместе пили несколько лет назад, когда у нас с Бетти были дом и собака. Делси звали барышню. Мне всегда хотелось забраться к Делси в трусики, но так и не удалось.

Делси позвонила мне.

– Хэнк, да что там такое с этими гадами?

– С какими гадами?

– С этими, в похоронном бюро?

– В чем дело?

– Ну, я отправила мальчишку на грузовике отвезти твой венок, а они не хотели его впускать. Сказали, что закрыто. Сам знаешь, туда путь не близкий.

– И что, Делси?

– Наконец они разрешили ему занести венок, но не дали положить его в холодильник. Поэтому мальчишке пришлось оставить венок внутри. Что за херня творится с этими людьми?

– Не знаю. Что за херня с людьми повсюду?

– Я не смогу приехать на похороны. У тебя все нормально, Хэнк?

– А может, приедешь меня утешить?

– Придется Поля взять с собой. Пол был ее мужем.

– Ладно, не стоит.

И вот мы ехали на половину похорон. Ларри поднял голову от кофе.

– Я напишу вам про памятник попозже. У меня сейчас больше денег нет.

– Хорошо, – ответил я.

Ларри расплатился за кофе, мы вышли и влезли в «мерседес-бенц».

– Постой минутку, – сказал я.

– Что такое? – спросил Ларри.

– Мне кажется, мы кое-что забыли. Я вернулся в кафе.

– Марша.

Та по-прежнему сидела за столиком.

– Мы уезжаем, Марша.

Она поднялась и пошла за мной к выходу.

Священник читал свою мурку. Я не слушал. Стоял гроб. В гробу лежало то, что раньше было Бетти. Стояла жара. Солнце опускалось одной желтой пристыней. Вокруг летала муха. На половине полупохорон явились двое парней в робах. Они несли мой венок. Розы завяли, завяли и умерли на жаре, и парни прислонили эту штуку к ближнему дереву. Под конец службы мой венок наклонился и упал лицом вниз. Никто его не поднял. Затем все кончилось. Я подошел к священнику и пожал ему руку:

– Спасибо.

Тот улыбнулся. Улыбались теперь двое: священник и Марша.

На въезде в город Ларри снова сказал:

– Я напишу вам про памятник. Я до сих пор жду этого письма.

Я поднялся к себе в 409-ю, выпил скотча пополам с водой, вытащил из верхнего ящика немного денег, спустился по лестнице, сел в машину и поехал на бега. Подъехал как раз к первому заезду, но играть не стал, поскольку не успел почитать программу.

Я пошел в бар выпить и увидел, как мимо проходит эта высокая квартиронка в старом плаще. Одета неважно, да я и сам не лучше – вот и позвал ее, негромко, но так, чтоб услышала:

– Ви, малышка.

Она остановилась, подошла.

– Привет, Хэнк. Как дела?

Я знал ее по центральному почтамту. Она работала на другом участке, возле поилки, но казалась дружелюбнее прочих.

– Тоска. Третья похороны за два года. Сначала мама, потом отец. Сегодня – одна старая подруга.

Она что-то себе заказала. Я открыл программу.

– Давай посмотрим второй заезд.

Она подошла и оперлась на меня кучей ноги и груди. Под этим плащом что-то было. Я всегда ищу непубличную лошадь, которая может обставить фаворита. Если же нахожу, что фаворита обойти никто не может, ставлю на фаворита.

После тех двух похорон я приходил на бега и выигрывал. Что-то есть такое в похоронах. От них лучше разные вещи видишь. Каждый день бы похороны – глядишь, и разбогател бы.

6-я лошадь на голову уступила фавориту в забеге на милю. Фаворит обошел 6-ю после форы в два корпуса на начале отрезка. 6-я котировалась 35/1. Фаворит в этом забеге шел 9/2. Оба оплачивались в одном классе. Фаворит набрал 2 фунта, 118 вместо 116. 6-я по-прежнему несла 116, но они поменяли жокея на менее популярного, к тому же дистанция – миля и одна 16-я. Толпа прикинула, что если фаворит нагонит 6-ю на милю, то на оставшейся 1/16-й мили уж точно поймает. Логично, кажется. Но бега не подчиняются логике. Тренеры вводят своих лошадей в неблагоприятных, казалось бы, условиях, чтобы деньги публики на лошади не залипали. Смена дистанции плюс замена на менее популярного жокея – все указывало на галоп к хорошей цене. Я посмотрел на табло. Утренняя строка была 5. Сейчас табло гласило 7 к 1.

– Шестая лошадь, – сказал я Ви.

– Не-а, вылетит, – ответила та.

– Ага, – сказал я, пошел и поставил 10 на победителя, на 6-ю.

6-я взяла форы от самых ворот, впритирку прошла заграждение на первом повороте, а потом под легким поводом ушла вперед на корпус с четвертью на обратном отрезке. Весь табун – за ней. Они думали, что 6-я поведет их на повороте, затем откроется в начале отрезка и тут они наступят ей на пятки. Стандартная процедура. Но тренер дал жокею совершенно другие инструкции. В начале поворота парень отпустил тетиву, и лошадь прыгнула вперед. Другие жокеи не успели еще и в седла сесть, а 6-я уже гнала на четыре корпуса впереди. В начале отрезка этот дал лошадке чуть-чуть продышаться, оглянулся, а затем снова вжарил. Вроде вылезаю. Тут фаворит, 9/5, оторвался от стаи – ну и двигался же этот сукин сын. Корпуса просто пожирал, гнал и гнал вперед. Похоже, он собирался и мою лошадку проскочить. Фаворитом была 2-я лошадь. На середине отрезка 2-я отставала от 6-й всего на полкорпуса, и тут парень на 6-й пустил в дело хлыст. А мальчишка на 2-й пустил его в ход уже давно. Так они и прошли остаток отрезка, в полкорпусе друг от друга, так и пришли к финишу. Я посмотрел на табло. Моя лошадь поднялась до 8 к 1. Мы снова пошли в бар.

– Лучшая лошадь этот заезд не выиграла, – сказала Ви.

– А мне все равно, кто лучший. Мне нужен только передний номер. Заказывай.

Мы заказали.

– Ладно, грамотей. Посмотрим, как ты следующую получишь.

– Говорю же тебе, малышка, я после похорон – сам дьявол.

Она прислонила ко мне всю свою ногу с грудью. Я пригубил скотча и развернул программу. Третий заезд.

Я просмотрел весь список. В тот день они просто собирались прикончить толпу. Торопыжка только что выиграла, поэтому теперь толпа просекла, какая лошадь скоростная, и плевать хотела на остальных бегунов на отрезке. Памяти у толпы хватает только на один заезд. Отчасти из-за 25-минутного перерыва. Они умеют думать лишь о том, что произошло только что.

Третий заезд был на 6 фарлонгов.^[6] Теперь скоростная лошадь, торопыжка, стала фаворитом. Она на волосок проиграла свой последний заезд на семь фарлонгов, держась впереди весь отрезок и сдав только в последнем рывке. 8-я лошадь финишировала резко. Пришла третьей, в полутора корпусах позади фаворита, замыкая два корпуса на отрезке. Толпа

прикинула, что если 8-я не нагнала фаворита на семи фарлонгах, то как, к чертям собачьим, она сможет его нагнать, если фарлонгов будет на один меньше? Толпа всегда уходила домой, продуввшись в пух и прах. Лошади, выигравшей заезд на семь фарлонгов, в сегодняшних скачках не было.

– Восьмая лошадь, – сказал я Ви.

– Слишком маленькая дистанция. Не успеет разогнаться, – ответила Ви.

8-я лошадь стояла 6-й на линии и шла как 9.

Я забрал выигрыш с предыдущего заезда, поставил 10 на победителя, на 8-ю лошадь. Если ставишь слишком уж по-крупному, твоя лошадь проиграет. Или сам передумаешь и слезешь со своей лошади. А десять на победителя – славная удобная ставка.

Фаворит выглядел хорошо. Он вышел из ворот первым, прижался к ограде и оторвался на два корпуса. 8-я бежала широко, предпоследней, постепенно тоже приближаясь к ограде. В начале отрезка фаворит по-прежнему смотрелся неплохо. Паренек взялся за 8-ю лошадь, которая теперь шла пятой, широко, дал ей попробовать хлыста. Тут фаворит замельчил шаг. Сделал первую четверть за 22 и 4/5, но и на середине отрезка фора в два корпуса у него по-прежнему оставалась. И тут 8-я лошадь просто пронеслась мимо, с ветерком – и выиграла два с половиной корпуса. Я посмотрел на табло. Там по-прежнему значилось 9 к 1.

Мы вернулись в бар. Ви по-настоящему возлегла на меня всем телом.

Я выиграл три из последних пяти заездов. В те годы заездов было всего восемь вместо девяти. Как бы то ни было, и восьми на один день хватит. Я купил парочку сигар, и мы сели ко мне в машину. Ви приехала сюда на автобусе. Я остановился за квинтой, потом мы поехали ко мне.

Ви огляделась.

- И что же такой парень делает в таком месте?
- Об этом меня все девки спрашивают.
- Крысиная дыра у тебя тут.
- Не дает зазнаться.
- Поехали ко мне.
- Поехали.

Мы влезли в машину, и Ви сказала мне, где живет. Мы остановились купить пару больших бифштексов, овощей, фигни для салата, картошки, хлеба и еще выпить.

В вестибюле ее многоквартирного дома висела табличка:

**ГРОМКИЙ ШУМ ИЛИ БЕСПОКОЙСТВО ЛЮБОГО РОДА
ВОСПРЕЩАЮТСЯ.**

ТЕЛЕВИЗОРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЫКЛЮЧЕНЫ В 22.00.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ РАБОЧИЕ ЛЮДИ.

Большая табличка, красной краской.

- Мне нравится про телевизоры, – сказал я.

Мы поднялись на лифте. У нее действительно была славная квартирка. Я внес пакеты в кухню, нашел два стакана, разлил на двоих.

- Вытаскивай барахло. Я сейчас вернусь.

Я вытащил барахло, разложил его на раковине. Выпил еще. Вернулась Ви. Вся прикинутая. Сережки, высокие каблуки, коротенькая юбка. Нормально выглядит. Коренастая. Но хорошая задница и бедра, груди. Крутая кобылка.

– Здрасте, – сказал я, – я – приятель Ви. Она сказала, что сейчас вернется. Выпить хотите?

Она рассмеялась, и тут я сграбастал все это большое тело и вправил ей поцелуй. Ее губы холодны были, как алмазы, но на вкус хорошие.

- Я проголодалась, – сказала она. – Давай приготовлю!

– Я тоже проголодался. Я съем тебя!

Она засмеялась. Я коротко поцеловал ее, прихватив за жопу. Потом вышел в переднюю комнату со стаканом в руке, сел, вытянул ноги, вздохнул.

Я мог бы здесь оставаться, подумал я, деньги зарабатывать на скачках, а она будет нянчиться со мной в плохие минуты, втирать мне масло в мослы, готовить для меня, разговаривать со мной, ложиться со мною в постель. Конечно, ссоры будут всегда. Такова природа Женщины. Им нравится взаимный обмен грязным бельем, чуточку ора, немного драматизма. Затем – обмен заверениями. У меня обмен заверениями получается неважно.

Я начал улетать. В уме я уже переехал.

У Ви все кипело. Она вышла со своим стаканом, села мне на колени, поцеловала, вложив язык мне в рот. Мой хуй напрягся и уперся ей в твердую задницу. Я сжал ее в горсти. Даже стиснул.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказала она.

– Я знаю, что хочешь, но давай подождем с часик после ужина.

– Ой, я не про это.

Я дотянулся и дал ей языка. Ви слезла с колен.

– Нет, я хочу показать тебе фотографию моей дочери. Она в Детройте с моей мамой. Но приедет сюда осенью в школу.

– Сколько ей?

– Шесть.

– А отец?

– Я развелась с Роем. Сукин сын никуда не годился. Только кирял да играл на скачках.

– О?

Она вынесла фотографию, вложила мне в руку. Я попытался что-нибудь там различить. Фон был темным.

– Слушай, Ви, она очень черная! Черт, у тебя что, соображения не хватило сфотографировать ее на светлом фоне?

– Это у нее от отца. Черный доминирует.

– Ага, оно и видно.

– Это снимала моя мама.

– Я уверен, что у тебя хорошая дочь.

– Да, она правда очень хорошая.

Ви поставила фотографию на место и ушла в кухню.

Вечное фото! Женщины с их фотографиями. Одно и то же, снова и снова. Ви стояла в дверях кухни.

– Не пей слишком много! Ты знаешь, что нам предстоит!

– Не волнуйся, малышка, у меня для тебя кое-что есть. А пока принеси-ка мне выпить! У меня был трудный день. Половину скотча, половину воды.

– Сам себе наливай, крутой нашелся. Я вертанулся в кресле, включил телик.

– Если хочешь еще один хороший день на скачках, женщина, лучше принеси мистеру Крутому выпить. И немедленно!

Ви наконец поставила на мою лошадь в последнем заезде. Ставка была 5/1 на лошадь, которая не показывала приличных результатов уже два года. Я поставил на нее просто потому, что шло 5/1, когда надо было 20. Лошадь выиграла 6 корпусов, без напряга. Они эту крошку нашпиговали от сраки до ноздрей.

Я поднял глаза – из-за плеча у меня тянулась рука со стаканом.

– Спасибо, малышка.

– Да, мой повелитель, – рассмеялась она.

13

В постели передо мной что-то маячило, но сделать с ним я ничего не мог. Лишь пыхтел, пыхтел и пыхтел. Ви была очень терпелива. Я все старался и колбасил, но выпито оказалось слишком много.

– Прости, малышка, – сказал я. Потом скатился. И уснул.

Затем меня что-то разбудило. Ви. Она меня раскочегарила и теперь скакала сверху.

– Давай, малышка, давай! – сказал я.

Время от времени я выгибал дугой спину. Ви смотрела на меня сверху маленькими жадными глазками. Меня насиловала верховная квартиронская чародейка! На какой-то миг это меня возбудило.

Затем я ей сказал:

– Черт. Слезай, малышка. У меня был долгий тяжелый день. Настанет время и получше.

Она сползла. Елда опала, как скоростной лифт.

14

Утром я слышал, как она ходит. Она все ходила, ходила и ходила.

Примерно 10.30. Мне было худо. Я не хотел сталкиваться с ней. Еще пятнадцать минут. Потом свалю.

Она потрясла меня:

– Слушай, я хочу, чтобы ты ушел, пока не заявилась моя подруга!

– И что? И ее оттопырю.

– Ага, – засмеялась она, – ну да.

Я встал. Закашлялся, подавился. Медленно влез в одежду.

– От тебя чувствуешь себя тряпкой, – сказал я. – Не может быть, что я такой плохой! Должно же во мне быть хоть что-то хорошее.

Я наконец оделся. Сходил в ванную и плеснул в лицо воды, причесался. Если б и лицо тоже можно было причесать, подумал я, да вот никак.

Я вышел.

– Ви.

– Да?

– Не злись слишком сильно. Дело не в тебе. Дело в кире. Так уже было раньше.

– Ладно, тогда тебе не следует столько пить. Ни одной женщине не нравится, если ее после бутылки ставят.

– Чего ж ты на меня тогда ставила?

– Ох, прекрати!

– Послушай, тебе деньги нужны, малышка?

Я потянулся за бумажником и извлек двадцатку. Протянул ей.

– Боже, какой ты милый в самом деле! Рукой она провела мне по щеке, нежно поцеловала в уголок рта.

– Веди машину осторожнее.

– Конечно, малышка.

Я вел машину осторожнее – до самого ипподрома.

15

Меня притащили в кабинет советника в одну из задних комнаток второго этажа.

– Ну-ка, посмотрим, как ты выглядишь, Чинаски. Он оглядел меня.

– Ой! Ты плохо выглядишь. Я лучше таблетку приму.

И точно – открыл пузырек и проглотил таблетку.

– Ладно, мистер Чинаски, нам бы хотелось знать, где вы были последние два дня?

– В трауре.

– В трауре? В трауре по чему?

– Похороны. Старый друг. Один день – упаковать труп. Другой – помянуть.

– Но вы не позвонили, мистер Чинаски.

– Н-да.

– А я хочу вам кое-что сказать, Чинаски, не для протокола.

– Валяйте.

– Когда вы не звоните, знаете, что вы этим говорите?

– Нет.

– Мистер Чинаски, вы говорите: «На хуй этот почтамт!»

– Правда?

– И, мистер Чинаски, вы знаете, что это значит?

– Нет, что это значит?

– Это значит, мистер Чинаски, что почтамт пошлет на хуй вас!

Тут он откинулся назад и посмотрел на меня.

– Мистер Фезерс, – сказал я ему, – вы можете идти к черту.

– Не залупайся, Генри. Я могу устроить тебе веселую жизнь.

– Просьба обращаться на вы и называть меня полным именем, сэр. Я прошу элементарного уважения.

– Вы просите у меня уважения, но...

– Правильно. Мы знаем, где вы оставляете машину, мистер Фезерс.

– Что? Это угроза?

– Черные меня здесь любят, Фезерс. Я их одурачил.

– Черные вас любят?

– Они дают мне попить. Я даже ебу их женщин. Ну, пытаюсь.

– Хорошо. Это выходит из-под контроля. Просьба вернуться на свое рабочее место.

Он протянул мне повестку. Забеспокоился, бедняга. Не одурачивал я черных. Никого я не одурачивал, кроме Фезерса. На его месте любой бы забеспокоился. Одного надзирателя столкнули с лестницы. Другому располосовали задницу. Третьего ткнули ножом в живот, пока он ждал зеленого сигнала светофора, чтобы перейти улицу в 3 часа ночи. Перед самым центральным участком. Мы его больше не видели.

Фезерс вскоре после нашего разговора перевелся из центрального почтамта. Точно не знаю куда. Но подальше.

16

Однажды утром, часов в 10, зазвонил телефон:

– Мистер Чинаски?

Я узнал голос и начал обласкивать себя.

– Умммм, – ответил я.

Это была мисс Грейвз, сука та.

– Вы спали?

– Да, да, мисс Грейвз, но продолжайте. Все в порядке, все в порядке.

– Что ж, вы получили допуск.

– Уммм, уммм.

– Следовательно, мы уведомили плановый класс.

– Уммхмм.

– И вам надлежит сдать свой гэ-эр-один через две недели, начиная с сегодняшнего дня.

– Что? Погодите минуточку...

– Это все, мистер Чинаски. Приятного вам дня. Она повесила трубку.

Ладно, я взял план и стал связывать все сексом и возрастом. Тут этот парень живет в этом доме с тремя бабами. Одну он хлещет ремнем (ее имя – название улицы, а возраст – номер сектора); другую вылизывает (то же), а третью шворит по старинке (то же). А тут – все эти пицарасы, и одному из них (его зовут Манфред-Авеню) 33 года... и т. д., и т. п.

Я уверен, меня бы до стеклянной клетки просто не допустили, если бы знали, о чем я думал, глядя на эти карточки. Все они были мне как старые друзья.

Все равно, однако, некоторые из моих оргий перемешались. В первый раз я выкинул 94.

Через десять дней, когда вернулся, я уже твердо знал, кто из них что кому делает.

Я раскидал все 100 процентов за пять минут.

И получил официальное письмо с поздравлениями от Городского Почтмейстера.

Вскоре после этого меня ввели в штат, что давало мне восемь часов ночной смены, а это гораздо лучше двенадцати, и оплаченный отпуск. Из 150 или 200 человек, что пришли сюда в первый раз, нас осталось только двое.

Потом я познакомился на почте с Дэвидом Джленко. Молодой, белый, чуть за двадцать. Я совершил ошибку и заговорил с ним – что-то насчет классической музыки. Случилось так, что я торчал на классической музыке, поскольку это единственное, что я мог слушать, когда пил пиво в постели рано утром. Если ее слушать каждое утро, что-нибудь да запомнишь. А когда Джойс развелась со мной, я по ошибке упаковал два тома «Жизнеописаний классических и современных композиторов» в один из своих чемоданов. Жизнь большинства этих людей была такой мукой, что я читал о них с удовольствием и думал: что ж, я тоже в аду, а музыку сочинять даже не умею.

Но я распустил язык. Джленко с каким-то еще мужиком спорили, а я уладил их спор, сообщив дату рождения Бетховена, когда он написал Третью симфонию, а также обобщенное (хоть и смутное) представление о том, что о Третьей говорили критики.

Для Джленко это было слишком. Он немедленно принял меня за ученого человека. Усевшись на табуретку рядом со мной, он начал стонать и кряхтеть, одну долгую ночь за другой, о страдании, захороненном в глубине его терзаемой и обозленной души. У него был ужасно громкий голос, и он хотел, чтоб его слышали все. Я раскидывал письма, я слушал, слушал и слушал, думая: что же мне теперь делать? Как заставить этого несчастного безумного ублюдка заткнуться?

Каждую ночь я шел домой, и меня подташнивало и кружилась голова. Он убивал меня звуком своего голоса.

Я начинал в 18.18, а Дейв Дженко приходил на работу только к 22.36 – могло быть и хуже. Уходя в 22.06 на тридцатиминутный обеденный перерыв, я обычно возвращался к тому времени, как он уже приходил. Заходил он и сразу начинал искать табурет рядом с моим. Дженко изображал себя великим мыслителем, а также разыгрывал великого любовника. По его словам, прекрасные молодые женщины ловили его в вестибюлях, преследовали на улицах. Не давали ему роздыху, бедняге. Но я ни разу не видел, чтобы он заговаривал с женщинами на работе – да и они с ним не общались. И вот он входил:

– ЭЙ, ХЭНК! ЧУВАК, НУ И ОТСОСАЛИ МНЕ СЕГОДНЯ В НАТУРЕ!

Он не говорил – он орал. Он орал всю ночь напролет.

– ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ МОЙ, ОНА МЕНЯ ЧУТЬ НЕ СЪЕЛА! ДА ТАКАЯ МОЛОДАЯ! НО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОФИ!

Я зажигал сигарету.

Затем вынужден был выслушать, как он ее встретил:

– ХЛЕБА НАДО БЫЛО КУПИТЬ, ПОНЯЛ! Затем – до последней подробности – что она сказала, что он ответил, что они делали, и т. д.

В то время вышел закон, чтобы почтамт платил подменным сортировщикам полторы ставки. Поэтому все сверхурочные почтамт перекинул на штатных работников.

За восемь или десять минут до конца моей обычной смены в 2.48 включался интерком:

– Прошу внимания! Всем штатным сортировщикам, прибывшим на работу в 18.18, требуется задержаться на час сверхурочно!

Дженко улыбался, гнулся вперед и вливал в меня еще своего яда.

Затем, за восемь или десять минут до окончания моего девятого часа, интерком включался снова:

– Прошу внимания! Всем штатным сортировщикам, прибывшим на работу в 18.18, требуется задержаться на два часа сверхурочно!

Затем, за восемь минут до моего 10-го часа:

– Прошу внимания! Всем штатным сортировщикам, прибывшим на работу в 18.18, требуется задержаться на три часа сверхурочно!

А тем временем Дженко не закрывал рта:

– СИЖУ Я В ЭТОЙ АПТЕКЕ, ПОНИМАЕШЬ? ВХОДЯТ ДВЕ

КЛАССНЫЕ ДЕВКИ. САДЯТСЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОТ МЕНЯ...

Мальчишка меня добивал, но я не мог найти выхода. Я вспоминал остальные места, где работал. Везде ко мне прибивался какой-нибудь псих. Я им нравился.

Затем Дженко вывалил на меня свой роман. Печатать он не умел, поэтому дрянь эту напечатала ему профессиональная машинистка. Роман был переплетен в причудливую черную кожаную тетрадь. Название очень романтичное.

– СКАЖЕШЬ ПОТОМ, ЧТО ТЫ ОБ ЭТОМ ДУМАЕШЬ, – сказал он.

– Ага, – ответил я.

Я взял роман домой, открыл пиво, залез в постель и приступил.

Начиналось хорошо. О том, как Дженко жил по всяkim комнаташкам и голодал, пытаясь найти работу. У него не получалось с агентствами по найму. И тут встретил в баре парня – тот показался ему весьма ученым типом, – но этот друг постоянно занимал у него деньги и так никогда и не отдал.

Честно пишет.

Может, я недооценил этого человека, подумал я.

Я все надеялся на него, пока читал. А потом весь его роман рвалился. Почему-то стоило ему начать писать о почтамте, как вся эта штука утратила реальность.

Роман становился все хуже и хуже. Закончилось все тем, как он пришел в оперу. Антракт. Он выходит из зала, чтобы не видеть неотесанную и глупую толпу. Тут я был за него. Когда он огибал столб в фойе, все и случилось. Очень быстро. Он столкнулся с культурной, изысканной, прекрасной дамочкой. Чуть не сшиб ее с ног.

Диалог звучал примерно так:

– Ох, простите, бога ради!

– Все в порядке...

– Я не хотел... понимаете... извините!..

– О, уверяю вас, все в порядке!

– Но понимаете, в смысле, я вас не видел... я не нарочно...

– Все в порядке. Все в полном порядке... Диалог по поводу столкновения продолжался полторы страницы.

Бедный мальчионка был поистине безумен.

Оказалось, что эта баба, хоть и бродила вокруг столбов в одиночку, ну, на самом деле она замужем за этим врачом, но эскулап не врубается в оперу и даже, собственно говоря, плевать хотел на такие простейшие вещи, как «Болеро» Равеля. Или даже «Танец с треуголками» де Фальи.^[7] Тут я был на стороне доктора.

С момента столкновения этих двух подлинно чувствительных душ что-то начало развиваться. Они встречались на концертах, а после наскоряк перепихивались. (Это скорее подразумевалось, нежели утверждалось, – оба были слишком тонки для того, чтобы просто ебаться.)

Короче, роман закончился. Несчастное прекрасное существо любило

своего мужа, и нашего героя (Дженко) оно тоже любило. Оно не знало, что делать, и поэтому, разумеется, покончило с собой. Оставил обоих – и врача, и Дженко – стоять поодиночке у себя ванных.

Я сказал парню:

- Начинается хорошо. Но тебе нужно выкинуть этот диалог про столкновение за столбом. Он очень плох...
- НЕТ! ВСЕ ОСТАЕТСЯ КАК ЕСТЬ!

Шли месяцы, и роман все время возвращался ко мне.

– ГОСПОДИ БОЖЕ! – говорил Дженко. – Я ДАЖЕ НЕ МОГУ ПОЕХАТЬ В НЬЮ-ЙОРК ПОЖАТЬ РУКИ ИЗДАТЕЛЯМ!

– Слушай, парень, может, бросишь тупорыловку? Запрись в комнатенке и пиши. Работай.

– ЭТО ТАКОЙ, КАК ТЫ, МОЖЕТ СДЕЛАТЬ, – говорил он, – ПОТОМУ ЧТО ТЫ ПОХОЖ НА АЛКАША. ТЕБЯ БЕРУТ, ПОСКОЛЬКУ СЧИТАЮТ, ЧТО ТЫ НИГДЕ БОЛЬШЕ НЕ НАЙДЕШЬ РАБОТУ, И ПОЭТОМУ ОСТАНЕШЬСЯ. А МЕНЯ НЕ БЕРУТ, ПОТОМУ ЧТО СМОТРЯТ НА МЕНЯ, ВИДЯТ, КАКОЙ Я ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ, И ДУМАЮТ: ну, ТАКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК У НАС НЕ ЗАДЕРЖИТСЯ, НЕТ СМЫСЛА И НАНИМАТЬ.

– И все равно я считаю: запрись и пиши.

– НО МНЕ НУЖНА УВЕРЕННОСТЬ!

– Хорошо, что некоторые другие так не думали. Хорошо, что так не думал Ван Гог.

– ВАН ГОГУ БРАТ ДАВАЛ БЕСПЛАТНО КРАСКИ!^[8] – ответил мне парнишка.

Часть 4

1

Потом я разработал на скачках новую систему. Я снимал там по 3000 долларов за полтора месяца, а ездил всего два-три раза в неделю. Я начал мечтать. Я уже видел маленький домик у моря. Видел себя в хорошей одежде, спокойного, встаю по утрам, сажусь в свою импортную машину, неторопливо и расслабленно еду на бега. Видел праздные обеды с бифштексами, предваряемые и завершающие хорошими охлажденными напитками в разноцветных бокалах. Большие чаевые. Сигара. И по мере надобности – женщины. Очень легко впасть в такие мысли, если из кассового окошка тебе протягивают такие большие купюры. Когда за один забег на шесть фар лонгов, скажем, за минуту и девять секунд зарабатываешь столько же, сколько за месяц.

И вот я стоял в кабинете начальника смены. Тот сидел за столом. У меня была сигара во рту, а изо рта пахло виски. Я чувствовал себя при деньгах. Я выглядел при деньгах.

– Мистер Уинтерс, – сказал я, – почтамт относился ко мне хорошо. Но у меня возникли деловые интересы на стороне, о которых просто-напросто надо позаботиться. Если вы не можете дать мне отпуск, я вынужден буду уволиться.

– Разве я уже не предоставлял вам отпуска в этом году, Чинаски?

– Нет, мистер Уинтерс, вы отклонили мое прошение на отпуск. На этот раз не может быть никаких отказов. Иначе я уволюсь.

– Хорошо, заполняйте бланк, я подпишу. Но я могу дать вам лишь девяносто рабочих дней.

– Я их возьму, – ответил я, выдыхая длинный шлейф голубого дыма своей дорогой сигары.

2

Ипподром переехал вниз по побережью на сотню миль или около того. Я продолжал платить за квартиру в городе, садился в машину и ехал. Раз или два в неделю возвращался в городскую квартиру, смотрел почту, может, оставался переночевать, затем ехал обратно.

То была хорошая жизнь, и я начал выигрывать. Каждый вечер после последнего заезда я выпивал парочку легких в баре, давал хорошие чаевые бармену. Похоже на новую жизнь. Я не мог облажаться.

Однажды я даже не стал смотреть последний заезд. Пшел прямо в бар.

Пятьдесят долларов на победителя было моей стандартной ставкой. После того как некоторое время ставишь 50 на победителя, такое чувство, будто ставишь пять или 10.

— Скотч с водой, — сказал я бармену. — Этот я, наверное, послушаю по радио.

— У вас кто?

— Синий Чулок, — сообщил я, — пятьдесят на победителя.

— Слишком большой вес.

— Вы что, смеетесь? Хорошая лошадь может упаковать сто двадцать два фунта в продажном заезде на шесть тысяч долларов. А это означает, согласно условиям, что она сделала то, чего не смогла сделать в этом заезде ни одна лошадь.

Конечно, причина, по которой яставил на Синий Чулок, была не в этом. Я всегда их дезинформировал. На доске тотализатора я не хотел больше никого.

В то время у них еще не было внутреннего телевизора. Можно было только слушать, как вызывают ставки. Я опережал на 380 долларов. Проигрыш в последнем заезде принес бы мне прибыль в 330 баксов. Хорошо сегодня поработал.

Мы слушали. Комментатор объявлял каждую лошадь в заезде, кроме Синего Чулка.

Должно быть, моя лошадь упала, решил я.

Они вышли на отрезок, приближались к финишу. Этот ипподром был известен своим коротким финальным отрезком.

И тут, перед самым концом заезда, комментатор завопил:

— И ВОТ ПО ВНЕШНЕМУ КРАЮ ВПЕРЕД ВЫРЫВАЕТСЯ СИНИЙ

ЧУЛОК! СИНИЙ ЧУЛОК ОБХОДИТ! ФИНИШИРУЕТ... СИНИЙ ЧУЛОК!

– Прошу прощения, – сказал я бармену, – я сейчас вернусь. Смешайте мне скотч с водой, двойной.

– Слушаюсь, сэр! – ответил он.

Я вышел на задворки, где у них стоял небольшой тотализатор рядом с прогулочным кругом. Синий Чулок шел 9/2. Что ж, не восемь или 10 к одному. Но играл же на победителя, а не на цену. Заберу 250 долларов плюс мелочь. Я вернулся в бар.

– А на завтра вам кто нравится, сэр? – спросил бармен.

– До завтра еще далеко, – ответил я.

Я допил, дал ему доллар на чай и вышел.

3

Каждый вечер происходило примерно одно и то же. Я ездил по побережью, ища, где бы пообедать. Мне нужно было дорогое место, но не слишком людное. У меня на такие места выработался нюх. Определяешь навскидку, снаружи. Не всегда удавалось получить столик с видом на океан, если не хотел ждать. Но океан и луну снаружи все равно видно, и можно поддаться романтике. Позволить себе наслаждаться жизнью. Я всегда просил небольшой салат и большой бифштекс. Официантки вкусно улыбались и стояли очень близко. Я далеко ушел от того парня, что работал на скотобойнях, мотался по всей стране с бандой железнодорожных рабочих, делал на фабрике собачьи галеты, спал на скамейках в парках, впахивал за гроши в дюжине городов всего континента.

После обеда я искал мотель. Тут тоже приходилось поездить. Сначала я заглядывал куда-нибудь выпить виски и пива. Я избегал мест с телевизорами. Нужны только чистые простыни, горячий душ, роскошь. Волшебная жизнь. И я от нее не уставал.

Однажды я сидел в баре между заездами и увидел эту женщину. Господь или кто-то другой все время творит женщин и выбрасывает их на улицу, и у них то задница слишком большая, то сиськи слишком маленькие, а эта вообще ненормальная, а та просто психованная, эта свихнулась на религии, а та гадает на заварке, эта пердит, себя не контролируя, а у той не нос, а шнобель, у третьей ноги костлявые...

Но бывает так, что подходит к тебе женщина, в полном цвету, просто рвется наружу из платья... существо, созданное для секса, проклятие, конец всему. Я поднял голову – она сидела за дальним концом стойки. Уже набралась, и бармен не хотел ее больше обслуживать, она подняла крик, вызвали фараона с ипподрома, тот взял ее за руку, повел за собой, и они о чем-то заговорили.

Я допил и пошел за ними.

– Офицер! Офицер!

Тот остановился и посмотрел на меня.

– Моя жена что-то не так сделала? – спросил я.

– Мы полагаем, сэр, что она в состоянии алкогольного опьянения. Я собирался проводить ее к воротам.

– К стартовым воротам? Он рассмеялся:

– Нет, сэр. К выходу.

– Я приму ее у вас здесь, офицер.

– Хорошо, сэр. Но смотрите, чтоб она больше не пила.

Я не ответил. Я взял ее под руку и завел обратно.

– Слава богу, вы спасли мне жизнь, – сказала она.

Ее ляжка стукалась о мою.

– Нормально. Меня зовут Хэнк.

– Я Мэри-Лу, – представилась она.

– Мэри-Лу, – сказал я. – Я тебя люблю. Она рассмеялась.

– Кстати, ты ведь не прячешься за столбами в оперном театре, правда?

– Я ни за чем не прячусь, – ответила она, выпячивая груди.

– Еще выпить хочешь?

– Конечно, только мне больше не нальют.

– На этом ипподроме не один бар, Мэри-Лу. Давай сбегаем наверх. И веди себя тихо. Стой сзади, я принесу тебе стакан. Что ты пьешь?

– Что угодно, – ответила она.

– Скотч с водой сойдет?

– Конечно.

Остаток программы того дня мы пили. Она принесла мне удачу. Я выиграл два из последних трех.

– Машина с тобой? – спросил я.

– Я приехала с каким-то придурком, – ответила она. – Забудь про него.

– Если ты это можешь, то и я смогу, – сказал я.

Мы свернулись с нею в машине, и ее язык замелькал у меня во рту, словно крохотная заблудившаяся змейка. Потом мы развернулись, и я поехал по побережью. Счастливая ночь стояла. Я взял столик с видом на море, мы заказали выпить и стали ждать бифштексов. Все на Мэри-Лу таращились. Я склонился и зажег ей сигарету, думая: вот эта будет хороша. Все знали, о чем я думал, и Мэри-Лу это знала, и я улыбнулся ей над пламенем.

– Океан, – сказал я, – посмотри вон туда, бьется, ползает взад-вперед. А подо всем этим – рыба, бедная рыба дерется друг с дружкой, пожирает друг дружку. Мы – как те рыбы, только мы наверху. Одно неверное движение, и тебе конец. Приятно быть чемпионом. Приятно соображать, что делаешь.

Я вытащил сигару и закурил.

– Еще выпьешь, Мэри-Лу?

– Давай, Хэнк.

5

Есть такое место. Тянется вдоль моря, его выстроили над морем. Старенькое, но отмечено классом. Мы взяли комнату на первом этаже. Слышно, как внизу шевелится океан, слышно волны, пахнет океаном, чувствуешь, как накатывает и откатывает прилив, накатывает и откатывает.

Я с нею не спешил, пока мы выпивали и разговаривали. Затем подошел к тахте и сел рядом. Мы что-то сотворили – смеясь, болтая и слушая океан. Я разделся, но заставил ее остаться в одежде. Потом отнес ее на кровать и, ползая сверху, наконец вытащил ее из платья и проник внутрь. Вставить было трудно. Потом она поддалась.

Тот раз был одним из лучших. Я слышал воду, слышал, как накатывает и откатывает прилив. Как будто кончаешь вместе со всем океаном. Казалось, будто снова и снова. Затем я скатился.

– Ох, господи боже, – сказал я, – ох, господи боже мой!

Уж и не знаю, как господи боже вечно в такое встревает.

6

На следующий день мы забрали кое-что из ее пожитков в мотеле. Внутри сидел мелкий темный парень с бородавкой на носу. Выглядел он опасным.

- Ты идешь с ним? – спросил он у Мэри-Лу.
- Да.
- Ладно. Удачи. – Он закурил.
- Спасибо, Гектор. Гектор? Что это еще за имя?
- Пива хочешь? – спросил он у меня.
- Конечно.

Гектор сидел на краю кровати. Сходил на кухню и достал три пива. Хорошее пиво, импортное, из Германии. Он открыл бутылку для Мэри-Лу, налил немного в стакан. Потом спросил меня:

- Стакан?
- Нет, спасибо.

Я встал и перехватил у него бутылку. Мы сидели и молча пили пиво. Затем он спросил:

- Ты достаточно мужик, чтобы ее у меня забирать?
- Черт, не знаю. Это ее выбор. Если она хочет остаться с тобой, она останется. Почему у нее самой не спросишь?
- Мэри-Лу, ты останешься со мной?
- Нет, – ответила она, – я еду с ним.

Она показала на меня. Я чувствовал себя важным. Я уступил столько женщин стольким чужим парням, что хорошо мне было уже от того, что все оборачивается другим концом. Я зажег сигару. Затем поиском глазами пепельницу. А, вот она где, на комоде.

В тот момент мне случилось посмотреть в зеркало – проверить, насколько я похмельный, – и я увидел, как Гектор бросается на меня, точно дротик к мишени. У меня в руке по-прежнему была пивная бутылка. Я развернулся, и он вписался прямиком в нее. Я поймал его в челюсть. Весь его рот превратился в кровь и выбитые зубы. Гектор упал на колени, с криком зажимая пасть обеими руками. Я увидел у него в руке стилет и выбил его ногой. Поднял, оглядел. Девять дюймов. Я стукнул по кнопке, и лезвие прыгнуло в рукоятку. Я положил стилет в карман.

Затем подошел к плачущему Гектору и дал ему пинка под зад. Он растянулся на полу, не переставая рыдать. Я шагнул через него и глотнул из

его бутылки.

Потом подошел и заехал Мэри-Лу. Та завопила.

– Пизда! Ты ведь это подстроила, правда? Ты ведь хотела, чтоб эта макака меня ухайдакала за паршивые четыре-пять сотен в кошельке!

– Нет, нет! – закричала она. Она плакала. Они оба плакали.

Я еще раз ей съездил.

– Вот так ты это делаешь, пизда? Убиваешь мужиков за пару сотен?

– Нет, нет, я ЛЮБЛЮ тебя, Хэнк, я ЛЮБЛЮ тебя!

Я схватил это ее синее платье за воротник и рванул сбоку до самой талии. Мэри-Лу не носила лифчика. Этой суке он был просто не нужен.

Я вышел оттуда, выбрался наружу и поехал к ипподрому. Две или три недели после этого я то и дело озирался. Нервы. Ничего не случилось. Я никогда больше не видел на бегах Мэри-Лу. И Гектора тоже.

После этого деньги как-то растаяли, и вскоре я перестал ездить на бега и сидел в квартире, дожинаясь, когда истекут мои 90 дней отпуска. Нервы были на пределе от всего выпитого и от напряга. Не нова история о том, как бабы налетают на мужика. Только подумал, что можно передохнуть, глядь – еще одна. Через несколько дней после возвращения на работу появилась следующая. Фэй. Седая, носила только черное. Говорила, что протестует против войны. Если хочет, пусть протестует, мне-то что. Она была в некотором роде писательницей и ходила в пару литературных мастерских. У нее водились идеи по поводу Спасения Мира. Если хочет спасти его для меня, я тоже не возражаю. Она жила на алименты от бывшего мужа – у них было трое детей, – и мать время от времени тоже присыпала ей деньги. За всю жизнь Фэй работала где-то один-два раза, не больше. А тем временем Дженко загрузился новой кучей дерьяма. Из-за него я каждое утро отправлялся домой с головной болью. Меня в то время постоянно останавливалася полиция. Казалось, стоило посмотреть в заднее зеркальце, как там возникали красные мигалки. Патрульная машина или мотоцикл.

Однажды ночью я вернулся домой очень поздно. Я был по-настоящему сломлен. Достать ключ и вставить в замок – только на это и хватило сил. Я зашел в спальню: Фэй лежала в постели, читала «Нью-Йоркер» и ела шоколадные конфеты. Она даже не сказала «привет».

Я вышел в кухню и поиском чего-нибудь поесть. В холодильнике голяк. Я решил налить себе воды. Подошел к раковине. Она была забита мусором. Фэй нравилось собирать пустые банки с крышками. Половину раковины забивала грязная посуда, а сверху вместе с бумажными тарелками плавали эти самые банки с крышками.

Я вернулся в спальню в тот момент, когда Фэй отправляла в рот очередную конфету.

– Послушай, Фэй, – сказал я, – я знаю, что ты хочешь спасти мир. Но не могла бы ты начать с кухни?

– Кухня – это не важно, – ответила она.

Трудно давать по физиономии седой женщине, поэтому я просто зашел в ванную и пустил воду. Обжигающая ванна может охладить нервы. Когда она наполнилась, я испугался залезать. Мое больное тело к тому времени настолько окостенело, что я боялся утонуть.

Я вышел в переднюю комнату и через силу умудрился стащить с себя

рубашку, штаны, ботинки, носки. Зашел в спальню и влез в постель рядом с Фэй. Я не мог найти себе места. Каждое движение мне чего-то стоило.

Ты бываешь один, Чинаски, подумал я, лишь когда едешь на работу или с работы.

Наконец я улегся на живот. Все болело. Скоро назад на почту. Если удастся уснуть, будет легче. То и дело я слышал шелест страницы, чвак поедаемой конфеты. То был вечер одной из ее писательских мастерских. Если б только она еще свет выключила.

– Как мастерская прошла? – спросил я с живота.

– Меня беспокоит Робби.

– О, – сказал я, – что случилось?

Робби был парнем лет под 40, всю жизнь прожил с мамой. Он писал, как мне сказали, ужасно смешные рассказы о католической церкви – и больше ничего. Робби в натуре отрывался на католиках. Журналы были просто не готовы к Робби, хотя кто-то в Канаде его как-то напечатал в журнале. Я видел Робби в один из своих выходных вечеров. Я отвез Фэй к тому особняку, где они читали друг другу все это барахло.

– О! Вон Робби! – воскликнула Фэй. – Он пишет ужасно смешные рассказы о католической церкви!

Она показала его мне. Робби стоял к нам спиной. Жопа у него была широкой, большой и мягкой; она свисала ему в брючки. Неужели не замечают, подумал я.

– Не хочешь зайти? – спросила Фэй.

– Может, на следующей неделе...

Фэй положила в рот еще одну шоколадку.

– Робби встревожен. Он потерял работу экспедитора на грузовике. Он говорит, что не может писать без работы. Ему нужно ощущение надежности. Он говорит, что не сможет писать, пока не найдет другую работу.

– Ох черт, – сказал я, – я могу найти ему другую работу.

– Где? Как?

– На почте людей берут налево и направо. И платят неплохо.

– НА ПОЧТЕ! РОББИ СЛИШКОМ РАНИМ, ЧТОБЫ РАБОТАТЬ НА ПОЧТЕ!

– Извини, – сказал я. – Я думал, стоит попробовать. Спокойной ночи.

Фэй не ответила. Она рассердилась.

Пятницы и субботы у меня были выходными, поэтому по воскресеньям приходилось круче всего. Плюс тот факт, что по воскресеньям меня заставляли приходить на работу в 15.30 вместо обычных 18.18.

В то воскресенье я пришел, и меня сразу поставили в секцию рекламы, как обычно и бывает по воскресеньям, а это означало по меньшей мере восемь часов на ногах.

Помимо болей я начал страдать припадками дурноты. Все кружилось, я был близок к обмороку, потом брал себя в руки.

То было жестокое воскресенье. Пришли какие-то подруги Фэй, сели на кушетку и зачирикали, какие они на самом деле великие писательницы, действительно лучшие во всей стране. А не печатают их всего лишь навсего потому, что они не – как они сами говорили – посылают свои вещи.

Я посмотрел на них. Если они писали так же, как выглядели, как пили кофе, хихикали, макали пончики в сахарную пудру, не имело значения, посылают они свои вещи или засовывают себе в жопу.

В то воскресенье я сортировал журналы. Мне нужен был кофе, два кофе, что-нибудь поесть. Но все бугры повылазили наружу и стояли впереди. Я подорвал через задний ход. Надо было срезать путь. Кафетерий находился на втором этаже. Я работал на четвертом. Возле мужского сортира была дверь. Я посмотрел на табличку.

ОСТОРОЖНО!

НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЭТОЙ ЛЕСТНИЦЕЙ!

Прикол такой. Я же был мудрее этих засранцев. Они просто повесили табличку, чтобы такие умные парни, как Чинаски, не ходили в кафетерий. Я открыл дверь и стал спускаться. Дверь за мной захлопнулась. Я спустился на второй этаж. Повернул ручку. Что за хуйня! Дверь не открывалась! Она была заперта. Я снова поднялся. Мимо двери третьего этажа. Ее я пробовать не стал. Я знал, что она заперта. Как и на первом этаже. К тому времени я уже довольно хорошо усвоил, что такое почтамт. Коль уж тут расставляли ловушку – делали это тщательно. У меня оставался

единственный незначительный, но шанс. Я был на четвертом этаже. Дернул ручку. Заперто.

По крайней мере, дверь – у мужского сортира. Тут постоянно кто-то ходит туда-сюда. Я ждал. Десять минут. Пятнадцать минут. Двадцать минут! Неужели НИКТО не хочет посрать, поссать или просто посачковать? Двадцать пять минут. Тут я увидел лицо. Я побарабанил по стеклу.

– Эй, приятель! ЭЙ, ПРИЯТЕЛЬ!

Он меня не слышал или делал вид, что не слышит. Промаршировал в сральник. Пять минут. Потом появилась еще одна рожа.

Я постучал сильнее:

– ЭЙ, ПРИЯТЕЛЬ! ЭЙ, ТЫ, ХУЕСОС!

Наверное, он услышал. Посмотрел на меня сквозь армированное стекло. Я сказал:

– ОТКРОЙ ДВЕРЬ! ТЫ ЧТО, НЕ ВИДИШЬ, ЧТО Я ТУТ? Я ЗАПЕРТ, ДУРЕНЬ! ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

Он открыл дверь. Я вошел. Парень был в трансе. Я пожал ему локоть.

– Спасибо, парнишка.

Я вернулся к ящику с журналами. Тут мимо прошел бугор. Остановился и посмотрел на меня. Я притормозил.

– Как у вас дела, мистер Чинаски?

Ярыкнул на него, замахал журналом, как будто сейчас окончательно слечу с катушек, что-то пробурчал под нос, и бугор отвалил.

9

Фэй была беременна. Но это ее не изменило – и на почтамт тоже никак не повлияло.

Всю работу выполняли те же самые сортировщики, а разнорабочие стояли вокруг и тряслись о спорте. Здоровые черные пижоны, накачанные, как профессиональные борцы. Как только на службу поступал новенький, его швыряли в команду разнорабочих. Это не давало им убивать надзирателей. Если у разнорабочих был надзиратель, его никто не видел. Команда привозила фургоны почты, поступавшие грузовым лифтом. Работы на пять минут в час. Иногда они пересчитывали почту или делали вид. Выглядели очень спокойными и интеллектуальными, ведя свои подсчеты с длинным карандашом за ухом. Но большую часть времени они яростно тряслись о спорте. Все они были специалистами – читали одних и тех же спортивных комментаторов.

– Ладно, чувак, кто для тебя самый крутой игрок всех времен в дальней части поля?

– Ну, Уилли Мейс, Тед Уильяме, Кобб.

– Что? Что?

– Именно так, бэби!

– А как же Бейб? Что с Бейбом сделаешь?

– Ладно, ладно, кто для тебя аутфилдер всех звезд?

– Всех времен, не звезд.

– Ладно, ладно, ты понял, что я имею в виду, бэби, ты меня понял!

– Ну, я бы взял Майса, Рута и Димаджа!

– Вы оба с дуба рухнули, парни! А как же Хэнк Аарон, бэби? Как же Хэнк?^[9]

Как-то раз всех разнорабочих поставили на заявки. Заявки в основном заполнялись по старшинству. Команда разнорабочих подходила и вырывала заявки из книг заказов. А потом им было нечего делать. Никто не жаловался. До стоянки ночью идти далеко и темно.

У меня начались припадки дурноты. Я чувствовал, как они подходят. Ящик передо мною начинал вращаться. Припадки длились с минуту. Я ничего не понимал. Каждое письмо становилось тяжелее и тяжелее. Сортировщики серели и мертвели на вид. Я начинал соскальзывать с табурета. Ноги меня едва держали. Работа убивала.

Я сходил к врачу, пожаловался. Он смерил мне давление.

– Да нет, давление у вас нормальное. Затем приложил стетоскоп и взвесил меня.

– Я ничего плохого не нахожу.

Затем он взял у меня особый анализ крови. Он брал кровь у меня из руки трижды через разные промежутки времени, каждый дольше предыдущего.

– Не угодно ли подождать в соседней комнате?

– Нет-нет. Я выйду прогуляюсь и вернусь.

– Ладно, только возвращайтесь вовремя.

Я вернулся как раз ко второму анализу. Потом еще дольше пришлось ждать третьего, 20 или 25 минут. Я гулял по улице. Ничего особенного не происходило. Зашел в аптеку, почитал журнал. Отложил его, посмотрел на часы и вышел наружу. И тут увидел эту женщину – она сидела на автобусной остановке. Одна из редких. Показывала много ноги. Я не мог отвести глаз. Я перешел через дорогу и остановился ярдах в 20 от нее.

Потом она встала. Я просто должен был пойти за ней. Меня эта большая задница манила. Как под гипнозом. Она зашла на почту, и я вошел следом. Она встала в длинную очередь, и я встал за ней. Купила две открытки. Я купил 12 авиаоткрыток и марок на два доллара.

Когда я вышел, она садилась в автобус. Я бросил прощальный взгляд на эти аппетитные ноги и задницу, забирающиеся на подножку, и автобус увез ее прочь.

Врач ждал.

– Что случилось? Вы опоздали на пять минут!

– Не знаю. Часы, наверное, отстали.

– ЭТО НУЖНО ДЕЛАТЬ ТОЧНО!

– Валяйте. Берите кровь, чего там. Он воткнул в меня иголку...

Через пару дней анализы показали, что со мной все в порядке. Уж не знаю, пять минут сыграли тут свою роль или что. Но припадки стали еще

хуже. Я начал уходить после четырех часов работы, не заполняя никаких формулляров.

Приходил около одиннадцати вечера, а там Фэй. Бедная беременная Фэй.

– Что случилось?

– Больше не смог, – отвечал я. – Слишком ранимый...

Парни с участка Дорси не знали моих проблем.

Я входил каждый вечер через задний ход, прятал свитер в подносе и проходил за своей карточкой.

– Братья и сестры! – говорил я.

– Брат, Хэнк!

– Привет, Братец Хэнк!

У нас с ними шла игра, игра в черно-белых, и она им нравилась. Бойер подходил, трогал меня за руку и говорил:

– Мужик, если б у меня такая раскраска была, как у тебя, я б стал миллионером!

– Еще бы, Бойер. Белая кожа – больше ничего и не надо.

Следом к нам подходил маленький кругленький Хэдли.

– Работал на пароходе черный кок. Единственный черный на борту. Пек пудинг из тапиоки два или три раза в неделю, а потом в него дрочил. А белые парни от его пудинга из тапиоки аж торчали, хехехехе! Спрашивали, как он его делает, а он отвечал, что у него свой особый рецепт есть, хехехехехехе!

Мы все смеялись. Уж и не знаю, сколько раз мне пришлось выслушать историю про пудинг из тапиоки...

– Эй, нищеброд белый! Эй, мальчиконка!

– Слыши, чувак, если б я назвал тебя «мальчиконкой», ты б за шабер схватился. Поэтому не мальчиконкой мне больше.

– Слыши, белый, что скажешь, если мы в эту субботу вечером куданибудь вместе намылимся? У меня прикольная белая бикса как раз есть, блондиночка.

– А у меня – прикольная черная бикса. И ты знаешь, какого цвета у нее волосы.

– Вы, парни, наших теток столетиями ебете. Теперь мы вас нагоняем. Ты не станешь возражать, если я свой черный шкворень в твою белую биксу засуну?

– Если хочет, пусть хоть весь забирает.

– Вы потырили землю у индейцев.

– Лично я и потырил, ага.

– Ты меня к себе домой не пригласишь. А если пригласишь, то

попросишь зайти с черного хода, чтоб никто мою шкуру не видел...

— А я оставлю маленькую лампочку гореть. Скучно, только выхода не было.

У Фэй с беременностью все шло нормально. Для старушки она держалась ничего. Мы сидели дома и ждали. Наконец время пришло.

– Долго не будет, – сказала она. – Мне не хочется приезжать туда слишком рано.

Я вышел и проверил машину. Вернулся.

– Уууу, ох, – сказала она. – Нет, погоди.

Может, она и впрямь могла спасти мир. Я гордился ее спокойствием. Я простил ей немытые тарелки, «Нью-Йоркер», писательские мастерские. Старушка – просто-напросто еще одно одинокое существо в мире, которому на нее начхать.

– Поехали, наверно, – сказал я.

– Нет, – ответила Фэй, – я не хочу, чтобы ты ждал слишком долго. Я знаю, тебе в последнее время нездоровится.

– Да ну меня к черту. Поехали.

– Нет, прошу тебя, Хэнк. Она сидела просто так.

– Чем тебе помочь? – спросил я.

– Ничем.

Она просидела так 10 минут. Я сходил на кухню за стаканом воды. А когда вышел, она спросила:

– Ты готов ехать?

– Конечно.

– Знаешь, где больница?

– Естественно.

Я помог ей сесть в машину. За неделю до этого я гонял туда дважды для практики. Но когда мы доехали, я понятия не имел, где они тут паркуются. Фэй показала дорожку.

– Поезжай туда. Оставь машину там. Зайдем оттуда.

– Слушаюсь, мэм, – ответил я...

Она лежала в постели, в задней палате, выходившей на улицу. Ее лицо кривилось.

– Возьми меня за руку, – попросила она. Я взял.

– Это правда случится? – спросил я.

– Да.

– Ты говоришь так, будто это легко, – сказал я.

– Ты такой хороший. От этого легче.

– Я бы хотел быть хорошим. Все из-за этого клятого почтамта…

– Я знаю. Я знаю.

Мы смотрели в окно на задворки. Я сказал:

– Посмотри на людей внизу. Они и не знают, что тут у нас происходит. Идут себе по тротуару. И все-таки смешно… они сами когда-то родились, все до единого.

– Да, смешно.

По руке я чувствовал, как шевелится ее тело.

– Держи крепче, – сказала она.

– Да.

– Не хочу, чтобы ты уходил.

– Где врач? Где все? Какого дьявола!

– Придут.

И тут как раз вошла медсестра. Больница у них католическая, и медсестра была очень привлекательная – темная, испанка или португалка.

– Вы… должны идти… сейчас, – выговорила она.

Я показал Фэй пальцы накрест и криво ухмыльнулся. По-моему, она не заметила. Я поехал на лифте вниз.

Подошел мой немецкий врач. Тот, что брал у меня кровь на анализ.

– Поздравляю, – сказал он, пожимая мне руку, – девочка. Девять фунтов, три унции.

– А как мать?

– С матерью все будет в порядке. Обошлось без хлопот.

– Когда я смогу их увидеть?

– Вам сообщат. Сидите здесь, вас позовут.

И он ушел.

Я заглянул через стекло. Медсестра показала на моего ребенка. Лицо у младенца было очень красным, он орал громче остальных детей. Комната была полна вопящих младенцев. Столько рождений! Сестра как бы даже гордилась моей малюткой. По крайней мере, я надеялся, что малютка – моя. Медсестра подняла девочку повыше, чтобы я смог ее разглядеть. Я улыбнулся через стекло, толком не зная, как себя вести. Девочка просто на меня орала. Бедняжка, подумал я, бедная проклятая малютка. Я тогда еще не знал, что однажды она станет красавицей, в точности похожей на меня, хахаха.

Я жестом попросил медсестру положить ребенка на место, затем помахал на прощанье им обеим. Славная сестра. Хорошие ноги, хорошие бедра. Груди ничего.

У Фэй в левом уголке рта было пятнышко крови, и я взял влажную тряпицу и вытер. Женщинам предназначено страдать; не удивительно, что они просят постоянных изъявлений любви.

– Отдали бы они мне моего ребеночка, – сказала Фэй, – неправильно так нас разлучать.

– Я знаю. Но, наверно, есть какая-то медицинская причина.

– Да, но все равно, наверное, неправильно.

– Неправильно. Но ребенок выглядел прекрасно. Я сделаю все, что смогу, чтобы они передали ее сюда как можно скорее. Там, наверное, штук сорок младенцев. Они всех матерей заставляют ждать. Чтоб силы, видать, восстановили. Наша малышка выглядела очень сильной, уверяю тебя. Пожалуйста, не волнуйся.

– Я буду так счастлива с малышкой.

– Я знаю, я знаю. Недолго уже.

– Сэр, – ко мне подошла толстая сестра-мексиканка, – мне придется попросить вас уйти.

– Но я – отец.

– Мы знаем. Но вашей жене нужно отдохнуть.

Я сжал Фэй руку, поцеловал ее в лоб. Она закрыла глаза и, наверное, уснула. Немолодая женщина. Может, мир она и не спасла, но сильно его улучшила. Запишите это на счет Фэй.

Марина-Луиза – так Фэй назвала ребенка. Вот она, значит, какая – Марина-Луиза Чинаски. В колыбельке у окна. Разглядывает листву на деревьях и яркие разводы, вихрящиеся на потолке. Затем плачет. Погулять с малышкой, поговорить с малышкой. Девчушке хотелось маминой груди, но мама не всегда была готова, а у меня маминых грудей нет. Зато работа – она по-прежнему на месте. И еще эти беспорядки. Одна десятая города в огне... [\[10\]](#)

В лифте наверх я оказался единственным белым. Странно. Они разговаривали о беспорядках, не глядя на меня.

– Боже, – произнес черный как уголь парень, – это что-то. Все шибаются по улицам, в дымину, с пузырями вискача. Мимо фараоны ездят, но из машин не высовываются, чтобы пьянь не нервировать. При свете дня. Люди бродят с теликами, с пылесосами, все такое. Это и впрямь что-то...

– Н-да, чувак.

– Те точки, где хозяева – черные, плакаты вывешивают: «БРАТЬЯ ПО КРОВИ». Там, где владельцы белые, – тоже. Но народ не одурачишь. Они знают, что беломазым принадлежит...

– М-да, браток.

Тут лифт остановился на четвертом этаже, и мы вышли все вместе. Я чувствовал, что сейчас мне лучше воздержаться от комментариев.

Прошло совсем немного времени, по интеркому зазвучал голос городского почтмейстера:

– Внимание! Юго-восточный район перекрыт баррикадами. Пропускать будут только тех, у кого соответствующее удостоверение личности. С девятнадцати часов вводится комендантский час. После девятнадцати часов проход запрещен всем. Баррикада простирается от Индиана-стрит до Гувер-стрит и от бульвара Вашингтон до сто тридцать пятой плазы. Все проживающие в этом районе на сегодня освобождаются от работы.

Я встал и потянулся за своей карточкой.

– Эй! Ты куда собрался? – окликнул меня надзиратель.

– Вы слышали объявление?

– Да, но ты не...

Я сунул левую руку в карман.

– Что я НЕ? Что я НЕ? Он посмотрел на меня.

– Что ты в этом понимаешь, БЕЛОМАЗЫЙ? – спросил я.

Я взял свою табельную карточку, подошел и пробил ее на выход.

Беспорядки закончились, ребенок успокоился, а я нашел способ избегать Дженко. Но припадки дурноты упорствовали. Врач выписал мне рецепт на бело-зеленые капсулы либриума, и они немножко помогали.

Однажды вечером я поднялся попить. Затем вернулся, проработал еще 30 минут, затем ушел на обычный 10-минутный перерыв.

Стоило мне снова усесться, как подскочил надзиратель Чемберс, квартирон:

– Чинаски! Ты наконец спали лея! Тебя не было сорок минут!

Как-то ночью Чемберс брякнулся на пол в припадке, с пеной изо рта и конвульсиями. Его унесли на носилках. На следующий вечер он вернулся, при галстуке, в новой рубашке, как ни в чем не бывало. Теперь он разыгрывал со мной старый гамбит питьевого фонтанчика.

– Слушай, Чемберс, попробуй быть разумным. Я отошел воды глотнуть, сел снова, проработал тридцать минут, потом ушел на перерыв. Меня не было десять минут.

– Ты спалился, Чинаски! Тебя не было сорок минут! У меня есть семь свидетелей!

– Семь свидетелей?

– Да, семь!

– Говорю тебе, десять минут.

– Нет, мы тебя засекли, Чинаски! На этот раз ты нам попался!

И тут я неожиданно устал. Мне больше не хотелось на него смотреть:

– Тогда ладно. Меня не было сорок минут. Будь по-твоему. Пиши.

Чемберс убежал.

Я распихал несколько писем, затем подошел общий нарядчик. Худой белый мужик с клочьями седых волос, свисавшими на уши. Я взглянул на него, отвернулся и разложил еще несколько писем.

– Мистер Чинаски, я уверен, что вы понимаете правила и распорядки почтамта. Каждому сортировщику полагается два десятиминутных перерыва – один до обеда, один после. Привилегия перерыва дается администрацией: десять минут. Десять минут – это...

– ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ! – Я швырнул письма на пол. – Я тут сознался в сорокаминутной отлучке только для того, чтоб вас порадовать, чтоб вы слезли с моей задницы. А вы все прете и прете! Я беру свои слова обратно! Меня не было только десять минут! Я хочу видеть ваших

свидетелей! Тащите их сюда!

Два дня спустя я был на бегах. Поднимаю голову и вижу все эти зубы, эту широченную улыбку, глаза сияют, само дружелюбие. Что же это там такое – зубастое? Я взгляделся пристальнее. Чемберс – лыбится мне, стоя в очереди за кофе. У меня в руке было пиво. Я подошел к мусорной урне и, глядя на Чемберса, сплюнул. И отошел. Чемберс никогда больше меня не доставал.

Малышка начала ползать, открывать мир. Марина спала по ночам в одной постели с нами. Фэй, Марина, кошка и я. Кошка тоже спала на кровати. Смотри-ка, думал я, я кормлю три рта. Как странно. Я сидел рядом и смотрел, как они спят.

Две ночи подряд я возвращался домой по утрам, ни свет ни заря, и Фэй сидела в постели, читала разделы объявлений.

– Все эти комнаты – чертовски дорогие, – сказала она.

– Еще бы, – ответил я.

Следующий вопрос, который я задал, пока она читала газету:

– Ты съезжаешь?

– Да.

– Хорошо. Завтра помогу тебе найти квартиру. Повожу тебя по округе.

Я согласился платить ей каждый месяц некую сумму. Она сказала:

– Ладно.

Фэй досталась девочка. Мне – кошка.

Мы нашли для Фэй место в восьми или 10 кварталах от меня. Я помог ей вселиться, попрощался с девочкой и поехал обратно.

Я ездил повидаться с Мариной два, три или четыре раза в неделю. Я знал: ровно столько, сколько я смогу видеть девочку, со мной ничего плохого не случится.

Фэй по-прежнему носила черное в знак протеста против войны. Она посещала местные демонстрации за мир, забастовки любви, ходила на поэтические чтения, в мастерские, на митинги коммунистической партии и сидела в кофейне для хиппи. Ребенка она брала с собой. Если она никуда не ходила, то просто сидела в кресле, курила одну сигарету за другой и читала. На своей черной блузке она носила значки протеста. Но когда я приезжал повидаться, она обычно куда-то отваливалась с девочкой.

Однажды, правда, я застал их дома. Фэй ела подсолнечные семечки с йогуртом. Хлеб она тоже себе пекла сама, только он не очень хорошо поднимался.

– Я познакомилась с Энди, он водит грузовик, – сообщила она мне. – Еще он пишет маслом. Это одна из его картин. – И Фэй показала на стену.

Я играл с девочкой. Бросил взгляд на картину. Ничего не сказал.

– У него большой хуй, – продолжала Фэй. – Как-то вечером он заехал и

спросил у меня: «Как тебе понравится ебаться с большим хуем?» – и я ему ответила: «Я бы предпочла ебаться с любовью!»

– Судя по всему, он человек светский, – сказал я.

Я еще немного поиграл с девочкой, потом уехал. Мне светил плановый экзамен.

Вскоре после этого я получил от Фэй письмо. Она и ребенок теперь жили в коммуне хиппи в Нью-Мексико. Славное местечко, писала она. Марина хоть сможет тут дышать.

В письмо она вложила маленький рисунок, который девочка для меня нарисовала.

Часть 5

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ
КАСАТЕЛЬНО: Предупреждение
КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящим Департаментом была получена информация, указывающая на то, что Вы были задержаны Департаментом Полиции Лос-Анджелеса 12 марта 1969 года по обвинению в пьянстве.

В связи с вышеизложенным Ваше внимание обращается на Раздел 744.12 Почтовой Инструкции, гласящий:

«Почтовые работники служат общественным интересам, и их поведение во многих случаях должно подвергаться большим ограничениям и соответствовать более высоким стандартам, нежели поведение некоторых других частных служащих. От работников почты требуется как в рабочее, так и во внеслужебное время вести себя таким образом, который благоприятно отражал бы работу Почтовой Службы. Хотя в политику Департамента Почт не входит вмешательство в частную жизнь своих служащих, вышеуказанная политика требует, чтобы почтовый персонал был честен, надежен, заслуживал доверия, обладал хорошей репутацией».

Несмотря на то, что Ваш арест был произведен по сравнительно незначительному обвинению, он составляет свидетельство о Вашей неспособности вести себя как подобает и таким образом, который благоприятно отражал бы работу Почтовой Службы. Настоящим Вам вынесено предупреждение, что повторение подобного правонарушения или иное столкновение с полицейскими властями не оставит настоящему Департаменту иного выхода, кроме рассмотрения применения к Вам мер дисциплинарного воздействия.

При желании Вы можете предоставить письменное объяснение по поводу случившегося.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ

КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Предлагаемых Встречных
Мерах Воздействия

КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящее служит предварительным уведомлением о том, что в отношении Вас предполагается применить меру отстранения от работы сроком на три (3) дня без сохранения заработной платы или иную соответствующую меру дисциплинарного воздействия. Предлагаемые меры принимаются с целью повышения эффективности службы и будут приняты не позднее 35 календарных дней с момента получения Вами настоящего письма.

Обвинение против Вас и причины, подкрепляющие это обвинение, заключаются в нижеследующем:

ОБВИНЕНИЕ № 1

Вы обвиняется в отсутствии на работе без уважительной причины 13 мая 1969 г., 14 мая 1969 г. и 15 мая 1969 г.

В дополнение к вышеизложенному нижеследующая деталь Вашего послужного списка будет расцениваться как решающая в определении длительности применения мер дисциплинарного воздействия в том случае, если настоящее обвинение останется в силе:

1 апреля 1969 г. Вам было вручено Предупреждение в связи с отсутствием на работе без уважительной причины.

Вы имеете право ответить на выдвинутые против Вас обвинения как лично, так и письменно, или же и лично, и письменно, явившись в сопровождении представителя трудового коллектива по Вашему выбору. Ваш ответ должен быть подан в течение десяти (10) календарных дней по получении настоящего письма. Вы также можете подать письменные свидетельства, подтверждающие Ваши ответы. Любой ответ в письменном виде

должен быть адресован Почтмейстеру, Лос-Анджелес, Калифорния 90052. Если Вам потребуется дополнительное время для подготовки и подачи ответа, оно может быть предоставлено по подаче Вами письменного прошения, обосновывающего необходимость оного.

Если Вы пожелаете ответить на обвинения лично, Вы можете назначить встречу с Эллен Нормелл, Начальником Отдела Найма и Обслуживания, или с К. Т. Шеймусом, Ответственным по Работе со Служащими, позвонив по телефону 289-2222.

По истечении 10-дневного срока, отведенного Вам на ответ, все факты Вашего дела, включая ответ, который Вы можете подать, будут подвергнуты детальному рассмотрению прежде, чем будет вынесено окончательное решение. Решение будет представлено Вам в письменном виде. Если принятное решение будет подразумевать принятие к Вам мер воздействия, данное письмо будет информировать Вас о причине или причинах, лежащих в основе принятия данного решения.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ
КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Решении
КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящим отсыпаем Вас к письму, адресованному Вам и датированному 17 апреля 1969 г., в котором предлагалось применить к Вам меру дисциплинарного воздействия в форме отстранения Вас от работы сроком на три дня или иную меру дисциплинарного воздействия на основании выдвинутого против Вас Обвинения № 1, приводившегося в упомянутом письме. До сего дня ответа на это письмо от Вас не поступало. По тщательном рассмотрении обвинения было принято решение, согласно которому Обвинение № 1, подкрепляемое достаточными свидетельствами, остается в силе и служит основанием для Вашего отстранения от работы. В соответствии с вышеизложенным Вы отстраняйтесь от работы без сохранения заработной платы сроком на три (3) дня.

Первым днем Вашего отстранения считается день 17 ноября 1969 г., последним днем Вашего отстранения считается день 19 ноября 1969 г.

Деталь Вашего служебного списка, изложенная подробным образом в Уведомлении о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия, также подвергалась рассмотрению при принятии решения о наложении на Вас дисциплинарного наказания.

Вы имеете право опротестовать данное решение, подав прошение о пересмотре дела либо в Департамент Почт, либо в Комиссию США по Гражданской Службе, либо сначала в Департамент Почт, затем в Департамент Гражданской Службы, а затем в Комиссию по Гражданской Службе в соответствии с нижеследующим:

Подавая апелляцию сначала в Комиссию по Гражданской Службе, Вы лишаетесь права подавать апелляцию в Департамент Почт. Апелляционная жалоба в Комиссию по Гражданской Службе должна быть подана Региональному Директору, Сан-Франциско, Комиссия США по Гражданской Службе, авеню

Золотые Ворота, дом 450, А/Я 36010, Сан-Франциско, Калифорния 94102. Ваше прошение о пересмотре дела должно (а) быть изложенным в письменном виде, (б) содержать причины опротестования Вами решения об отстранении от работы, подкрепленные теми доказательствами и документами, которые Вы можете предъявить, и (в) быть подано не позднее 15 дней после вхождения в силу решения об отстранении Вас от работы. Комиссия по подаче прошения в должной форме рассмотрит принятые меры лишь в целях определения правильности следования определенным процедурам, если Вы не представите свидетельство, утверждающее, что меры были приняты против Вас по политическим причинам, исключая политические причины, предписанные законом, или являлись результатом дискриминации, вызванной Вашим семейным положением или физическим дефектом. Если Вы подаете прошение о пересмотре дела в Департамент Почт, Вы лишаетесь права апелляции к Комиссии, пока решение по Вашему прошению не будет принято на первом уровне Департамента. После этого Вы получите возможность выбора: Вы можете продолжать обжалование решения о Вашем отстранении от работы на более высоких уровнях Департамента или же подавать прошение о пересмотре дела в Комиссию. Тем не менее, если по прошествии 60 дней со дня подачи Вами прошения о пересмотре дела решение на первом уровне не будет принято, Вам предоставляется возможность прервать ход Вашего прошения в Департаменте, подав апелляцию в Комиссию.

Если Вы подаете апелляционную жалобу в Департамент Почт в течение десяти (10) календарных дней с момента получения настоящего Уведомления о Решении, отстранение Вас от работы не войдет в силу до тех пор, пока Вы не получите Уведомления о Решении по Вашему прошению о пересмотре дела от Регионального Директора Департамента Почт. Далее, если Вы подаете прошение о пересмотре дела в Департамент, Вы имеете право быть сопровождаемым, представляемым и консультируемым любым представителем трудового коллектива по Вашему выбору. Вы и Ваш представитель будете свободны от сдерживания, вмешательства, принуждения, дискриминации или репрессий. Вам и Вашему представителю также будет предоставлено разумное количество рабочего времени для

подготовки к подаче документов.

Апелляция к Департаменту Почт может быть подана в любое время по получении Вами настоящего письма, но не позднее 15 календарных дней по вступлении в силу решения об отстранении Вас от работы. Ваше письмо должно включать в себя прошение о пересмотре Вашего дела либо заявление о том, что вышеозначенный пересмотр нежелателен. Прошение о пересмотре дела должно быть адресовано:

Региональному Директору
Департамент Почт
Говард-стрит, 631
Сан-Франциско, Калифорния
94106

Если Вы подаете прошение о пересмотре дела Региональному Директору либо Комиссии по Гражданской Службе, просьба предоставить мне подписанную копию прошения одновременно с подачей оного Региональному Директору или в Комиссию по Гражданской Службе.

Если у Вас возникнут вопросы, так или иначе связанные с процедурой подачи прошения о пересмотре дела, вы можете связаться с Ричардом Н. Мартом, Помощником по Работе со Служащими и Льготам, в Секции по Работе со Служащими Отдела Кадров, каб. 2205, Федеральное Здание, Норт-Лос-Анджелес-стрит, дом 300, с 8.30 до 16.00 в рабочие дни.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ

КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Предлагаемых Встречных
Мерах Воздействия

КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящим предварительно уведомляем Вас, что выдвинуто предложение удалить Вас из Почтовой Службы или предпринять иные соответствующие меры дисциплинарного воздействия. Предлагаемые меры принимаются с целью повышения эффективности службы и будут приняты не позднее 35 календарных дней с момента получения Вами настоящего письма.

Обвинения, выдвигаемые против Вас, и причины, подтверждающие данные обвинения, заключаются в следующем:

Вы обвиняете в отсутствии на работе без уважительной причины в нижеследующие дни:

- 25 сентября 1969 г. – 4 час.
- 28 сентября 1969 г. – 8 час.
- 29 сентября 1969 г. – 8 час.
- 05 октября 1969 г. – 8 час.
- 06 октября 1969 г. – 4 час.
- 07 октября 1969 г. – 4 час.
- 13 октября 1969 г. – 5 час.
- 15 октября 1969 г. – 4 час.
- 16 октября 1969 г. – 8 час.
- 19 октября 1969 г. – 8 час.
- 23 октября 1969 г. – 4 час.
- 29 октября 1969 г. – 4 час.
- 04 ноября 1969 г. – 8 час.
- 06 ноября 1969 г. – 4 час.
- 12 ноября 1969 г. – 4 час.
- 13 ноября 1969 г. – 8 час.

В дополнение к вышеизложенному нижеследующие детали Вашего служебного списка будут расцениваться как решающие в

определении длительности применения мер дисциплинарного воздействия в том случае, если настоящее обвинение останется в силе:

1 апреля 1969 г. Вам было вручено Предупреждение в связи с отсутствием на работе без уважительной причины.

17 августа 1969 г. Вам было вручено Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия за отсутствие на работе без уважительной причины. В результате данного обвинения Вы были отстранены от работы без сохранения заработной платы на срок трех (3) дней, с 17 ноября 1969 г. по 19 ноября 1969 г.

Вы имеете право ответить на выдвинутые против Вас обвинения как лично, так и письменно, или же и лично, и письменно, явившись в сопровождении представителя трудового коллектива по Вашему выбору. Ваш ответ должен быть подан в течение десяти (10) календарных дней по получении настоящего письма. Вы также можете подать письменные свидетельства, подтверждающие Ваши ответы. Любой ответ в письменном виде должен быть адресован Почтмейстеру, Лос-Анджелес, Калифорния 90052. Если Вам потребуется дополнительное время для подготовки и подачи ответа, оно может быть предоставлено по подаче Вами письменного прошения, обосновывающего необходимость оного.

Если Вы пожелаете ответить на обвинения лично, Вы можете назначить встречу с Эллен Нормелл, Начальником Отдела Найма и Обслуживания, или с К. Т. Шеймусом, Ответственным по Работе со Служащими, позвонив по телефону 289-2222.

По истечении 10-дневного срока, отведенного Вам на ответ, все факты Вашего дела, включая ответ, который Вы можете подать, будут подвергнуты детальному рассмотрению прежде, чем будет вынесено окончательное решение. Решение будет представлено Вам в письменном виде. Если принятное решение будет подразумевать принятие к Вам мер воздействия, данное письмо будет информировать Вас о причине или причинах, лежащих в основе принятия данного решения.

Часть 6

1

Я сидел рядом с молоденькой девчонкой, которая не слишком хорошо знала свой план.

– Куда пойдет Роутфорд, две тысячи девятьсот? – спросила она.

– Попробуй кинуть в тридцать третий, – посоветовал я.

С нею заговорил надзиратель.

– Так, говорите, вы из Канзас-Сити? У меня родители в Канзас-Сити родились.

– Да что вы? – откликнулась девчонка. Затем спросила у меня:

– А Майерс, восемь тысяч четыреста?

– Давай в восемнадцатый.

Она была слегка полновата, но готова. Я пас. На некоторое время с дамами завязал.

Надзиратель стоял подозрительно близко к ней.

– Вы живете далеко от работы?

– Нет.

– А работа вам нравится?

– О да.

Она повернулась ко мне:

– А Олбани, шесть тысяч двести?

– Шестнадцать.

Когда я закончил свой поднос, надзиратель обратился ко мне:

– Чинаски, я засекал вам время по этому подносу. У вас это заняло двадцать восемь минут.

Я промолчал.

– Вы знаете, какова норма для такого подноса?

– Нет, не знаю.

– Сколько вы здесь работаете?

– Одиннадцать лет.

– Вы проработали здесь одиннадцать лет и не знаете нормы?

– Именно.

– Вы сортируете почту так, будто вам это безразлично.

Перед девчонкой до сих пор стоял полный поднос. Начинали мы их вместе.

– К тому же вы разговаривали с дамой, сидящей рядом.

Я зажег сигарету.

– Чинаски, подойдите-ка сюда на минутку.

Он стоял перед жестяными ящиками и что-то мне показывал. Остальные сортировщики заработали очень быстро. Я видел, как неистово замелькали их правые руки. Даже пухлая девчонка теперь распихивала как надо.

– Видите цифры на торце ящика?

– Ну.

– Эти цифры указывают количество штук, которые надо рассортировать в минуту. Двухфутовый поднос должен быть разметан за двадцать три минуты. Вы превысили норму на пять минут. Он ткнул в 23:

– Двадцать три минуты – это норма.

– Эти двадцать три ничего не значат, – ответил я.

– Как это?

– А так, что подошел человек с ведерком краски и написал тут цифру двадцать три.

– Нет, нет, это проверено временем за много лет и не раз перепроверено.

Что толку спорить? Я ничего не ответил.

– Мне придется написать вам взыскание, Чинаски. Вас об этом известят.

Я вернулся на место и сел. Одиннадцать лет! У меня в кармане не прибавилось ни гроша с тех пор, как я вошел сюда. Одиннадцать лет. Хоть каждая ночь была длинна, годы летели быстро. Может, все дело вочных сменах. Или в том, что делал одно и то же снова, снова и снова. По крайней мере, со Стоном я никогда не знал, чего ожидать. Тут же не бывало никаких сюрпризов.

Одиннадцать лет проносились в голове. Я видел, как работа пожирала людей. Они словно таяли. Был такой Джимми Поттс с участка Дорси. Когда я только поступил, Джимми был прекрасно сложен, носил белую майку. Теперь его нет. Он опустил свое сиденье почти до самого пола и вцеплялся в табурет ногами, чтобы не упасть. Так уставал, что даже не стригся, носил одни штаны по три года. Рубашки менял дважды в неделю, а ноги еле переставлял. Его убили. Ему было 55. Семь лет до пенсии.

– Не доживу, – говорил он мне.

Люди либо таяли, либо толстели, становились просто огромными, особенно в заднице и талии. Всё от табурета, от одних и тех же движений, одних и тех же разговоров. И я такой – дурнота, боли в руках, шее, в груди, везде. Я спал целыми днями, набираясь сил перед работой. По выходным вынужден был пить, чтобы забыть обо всем. Пришел я сюда весом 185

фунтов. Теперь же весил все 223. Двигалась во мне только правая рука.

2

Я вошел в кабинет советника. За столом сидел Эдди Бибер. Сортировщики прозвали его Тощий Бобёр. У него была заостренная голова, острый нос, остренький подбородок. Он весь состоял из острых углов. И к тому же сам везде искал их.

– Садитесь, Чинаски.

У Бобра в руке были какие-то бумаги. Он их читал.

– Чинаски, сортировка двадцатиреиминутного подноса заняла у вас двадцать восемь минут.

– Ох, не надо херни. Я устал.

– Что?

– Я сказал, не надо херни! Давайте, я подпишу все, что надо, и пойду обратно. Не желаю я этого слушать.

– Я здесь для того, чтобы проводить с вами разъяснительную работу, Чинаски!

Я вздохнул:

– Ладно, валяйте. Разъясняйте.

– Нам надо выполнять производственные показатели, Чинаски.

– Ага.

– А когда вы отстаете от графика, это означает, что за вас сортировать почту придется кому-то другому. А это означает переработки.

– Вы имеете в виду, что это я виноват в тех трех с половиной часах переработки, которые назначают чуть ли не каждую ночь?

– Послушайте, двадцатиреиминутный поднос занял у вас двадцать восемь минут. Вот и все дела.

– Вам виднее. В каждом подносе – два фута. На некоторых – в три, даже в четыре раза больше писем, чем на других. Сортировщики хватают так называемые жирные подносы. Мне до лампочки. Кому-то надо крутиться с тяжелой почтой. Вам же одно подавай: каждый поднос – длиной два фута, и его нужно рассовать за двадцать три минуты. Но мы же не подносы по ящикам рассовываем, мы рассовываем письма.

– Нет-нет, эти показатели проверены временем!

– Может, и проверены. Сомневаюсь. Но если вы засекаете человеку время, не судите по одному подносу. Даже Бейб Рут иногда лжется. Судите человека по 10 подносам или по всейочной смене. Вы же пользуетесь этим, чтобы прикапываться к тем, на кого у вас зуб.

— Ладно, высказались, Чинаски. А теперь я скажу ВАМ: вы рассортировали поднос за двадцать восемь минут. С этого и начнем. ИТАК, если вас поймают еще с одним медленным подносом, вам придется пройти ПОВЫШЕННЫЙ КУРС РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ!

— Хорошо, только можно один вопрос?

— Задавайте.

— Предположим, мне попадается легкий поднос. Иногда они мне достаются. Иногда я заканчиваю поднос за пять или за восемь минут. Ну, скажем, рассортировал я поднос за восемь минут. Если верить проверенной временем норме, я сэкономил почтамту пятнадцать минут. Так могу ли я взять эти пятнадцать минут, спуститься в кафетерий, съесть пирога с мороженым, посмотреть телевизор и вернуться?

— Нет! ВАМ НАДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННО СХВАТИТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ПОДНОС И ПРОДОЛЖАТЬ СОРТИРОВКУ ПОЧТЫ!

Я подписал бумагу, извещавшую, что со мною проведена разъяснительная работа. Затем Тощий Бобёр подписал мою увольнительную, отметил время и отправил меня обратно на табуретку рассовывать письма дальше.

3

Но кое-что по-прежнему еще происходило. Один парень спалился на той же самой лестнице, где застрял я. Спалился он там с головой, засунутой под юбку какой-то девахе. Затем одна из девиц, работавших в кафетерии, пожаловалась, что ей не заплатили обещанного за сеанс орального соития, предоставленного ею одному общему нарядчику и троим сортировщикам. Девицу и троих сортировщиков выперли, а общего нарядчика разжаловали в рядовые надзиратели.

Затем я поджег почтamt.

Меня отправили сортировать бумаги третьего класса, а я курил сигару, перекладывая пачки почты с ручной тележки, и тут подошел какой-то парень и сказал:

– ЭЙ, У ТЕБЯ ПОЧТА ГОРИТ!

Я огляделся. Точно. Язычок пламени поднимался, словно танцующая змейка. Очевидно, чуть раньше туда попал комок горящего пепла с сигары.

– Ох, блядь!

Пламя быстро росло. Я схватил каталог и наотмашь, плоскостью, выбил из огня все дермо. Полетели искры. Стало жарко. Как только я погасил одну стопку, занялась другая.

Я услышал голос:

– Эй! Огнем пахнет!

– ТУТ НЕ ОГНЕМ ПАХНЕТ, ИДИОТ! – заорал я. – ТУТ ПАХНЕТ ДЫМОМ!

– Наверное, пора ноги делать!

– Так и пошел тогда к черту! – завопил я. – ПОШЕЛ ВОН!

Пламя обжигало мне руки. Я должен был спасти почту Соединенных Штатов – эту макулатуру третьего класса!

Наконец я взял его под контроль. Ногой столкнул всю кипу бумаги на пол и затоптал остатки тлевшего пепла.

Подошел надзиратель, хотел что-то мне сказать. Я стоял с обгоревшим каталогом в руке и ждал. Надзиратель посмотрел на меня и отошел.

Затем я продолжил сортировать по ящикам третьеклассный мусор. Все сгоревшее откладывал в сторону.

Сигара моя потухла. Я не стал ее раскуривать.

Руки начало саднить, и я сходил к питьевому фонтанчику, сунул их под воду. Не помогло.

Нашел надзирателя и попросил у него увольнительную в медпункт.

Медсестра была та же самая, что, бывало, приходила к моим дверям и спрашивала:

– Ну, в чем дело, мистер Чинаски?

Когда я вошел в медпункт, она спросила то же самое.

– Помните меня, а? – спросил я.

– О да, у вас очень неприятные ночи бывали.

– Ну да, – ответил я.

– У вас в квартире до сих пор женщины? – спросила она.

– Ага. А у вас – до сих пор мужчины?

– Ладно, мистер Чинаски, что с вами случилось?

– Руки обжег.

– Подойдите сюда. Как вы обожгли руки?

– Какая разница? Обжег и все.

Она мне их чем-то промакивала. Одна ее грудь проехалась по мне.

– Как это произошло, Генри?

– Сигарой. Стоял рядом с тележкой третьего класса. Должно быть, туда пепел упал. Вспыхнуло.

Грудь снова уперлась в меня.

– Не дергайте руками, пожалуйста!

Тут она возложила на меня весь свой фланг, пока мазала руки какой-то мазью. Я сидел на табуретке.

– В чем дело, Генри? Что вы так нервничаете?

– Ну... знаете же, как бывает, Марта.

– Меня зовут не Марта. Меня зовут Хелен.

– Давайте поженимся, Хелен.

– Что?

– Я имею в виду – когда я смогу снова пользоваться руками?

– Хоть сейчас, если вам так хочется.

– Что?

– Я имею в виду, на рабочем месте. Она обернула их марлей.

– Мне уже лучше, – сказал я.

– Почту жечь нельзя.

– Это макулатура.

– Вся почта важна.

– Учту, Хелен.

Она подошла к своему столу, я – за ней. Она заполнила мне увольнительную. В своем беленьком чепчике она выглядела очень мило. Надо будет придумать, как сюда вернуться.

Она заметила, как я разглядываю ее тело.

– Ладно, мистер Чинаски, мне кажется, вам пора.

– Ох, да... Ну ладно, спасибо за все.

– Это моя работа.

– Еще бы.

Неделю спустя повсюду висели таблички: НА ЭТОМ УЧАСТКЕ НЕ КУРИТЬ. Сортировщикам курить запрещалось, если они не пользовались пепельницами. С кем-то заключили контракт на производство этих самых пепельниц. Смотрелись они славно. Причем гласили: СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. Сортировщики их по большей части сперли.

НЕ КУРИТЬ.

Я, Генри Чинаски, в одиночку реформировал всю почтовую систему.

4

Потом пришли какие-то люди и повыдирали питьевые фонтанчики через один.

– Эй, глядите, какого хера они делают? – спросил я.

Это, похоже, никого не интересовало. Я работал в плоской секции третьего класса. Встал и подошел к другому сортировщику.

– Слушай! – сказал я. – Они забирают у нас воду!

Тот бросил взгляд на поилку и снова принялся за сортировку макулатуры.

Я попробовал других. Те проявили то же самое отсутствие интереса. Я ничего не понимал.

Тогда я попросил, чтобы в этот район вызвали моего профсоюзного представителя.

После долгой задержки он возник – Паркер Андерсон. Раньше Паркер спал в старом подержанном автомобиле, а освежался, брился и срал на заправках, которые не запирали свои уборные. Пытался стать жуликом, но ничего не вышло. И вот он пришел на центральный почтамт, вступил в профсоюз и начал ходить на все собрания, где быстро стал приставом. Вскоре он уже был представителем профсоюза, а затем его избрали вице-президентом.

– В чем дело, Хэнк? Я-то знаю, что ты с этими буграми и без меня справишься!

– Ты меня не подмасливай, крошка. Я уже двенадцать лет профсоюзные взносы плачу и еще ни черта не просил.

– Ладно, что тут не так?

– Питьевые фонтанчики.

– Питьевые фонтанчики не так?

– Нет, черт возьми, с питьевыми фонтанчиками все так. А вот то, что с ними делают... Смотри.

– Смотреть? Куда?

– Вон туда!

– Я ничего не вижу.

– Вот именно. В этом – суть моей кляузы. Там раньше был питьевой фонтанчик.

– Значит, его убрали. Что с того?

– Слушай, Паркер, я бы возражал, если бы убрали один. Но они через

одну выдирают поилки по всему зданию. Если мы их не остановим, они и сортиры через один закроют... А что дальше – я и представить себе не могу...

– Хорошо, – ответил Паркер, – чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты оторвал задницу и выяснил, зачем убирают фонтанчики.

– Хорошо, до завтра.

– И постараися хорошенько. Профсоюзные взносы за двенадцать лет – это триста двенадцать долларов.

На следующий день Паркера мне пришлось разыскивать. Ответа у него не было. И на следующий день, и потом. Я сообщил Паркеру, что устал ждать. Я дал ему еще один день.

Назавтра он подошел ко мне в перерыве на кофе.

– Все, Чинаски, я выяснил.

– Ну?

– В тысяча девятьсот двенадцатом году, когда построили это здание...

– В тысяча девятьсот двенадцатом? Так это же почти полвека назад!

Немудрено, что дом – вылитый кайзеровский бордель!

– Ладно, хватит. Итак, в тысяча девятьсот двенадцатом году, когда его построили, в контракте было указано определенное количество питьевых фонтанчиков. При проверке же почтamt обнаружил, что их установили в два раза больше, чем полагалось по первоначальному контракту.

– Так, ладно, – сказал я, – а какой вред может быть от того, что их в два раза больше? Служащие ведь не пьют больше воды.

– Правильно. Но питьевые фонтанчики случайно немного выпирают. И мешают проходу.

– И?

– Хорошо. Предположим, служащий, у которого есть ловкий адвокат, стукнется о питьевой фонтанчик? Скажем, его прижмет к фонтанчику тележкой с тяжелыми мешками журналов?

– Теперь понимаю. Фонтанчика там быть не должно. Почтamt оштрафуют за халатность.

– Точно!

– Хорошо. Спасибо, Паркер.

– К вашим услугам.

Если даже он это сочинил, история почти стоила 312 долларов, черт возьми. В «Плейбое» я видел и похуже.

5

Я обнаружил, что единственный способ не отрубиться и не загреметь в ящик – время от времени вставать и ходить гулять.

Фаццио, в то время – надзиратель участка, как-то увидел меня на пути к одной из редких поилок.

– Слушай, Чинаски, каждый раз, когда я тебя вижу, ты прогуливаешься!

– Это ерунда, – ответил я, – каждый раз, когда я тебя вижу, ты тоже прогуливаешься.

– Но это входит в мои обязанности. Гулять – часть моей работы. Я вынужден это делать.

– Послушай, – сказал я, – это входит и в мои обязанности. Я вынужден это делать. Если я посижу на табуретке чуть дольше, я вскочу на этот вот жестяной ящик и начну бегать кругами, насвистывая жопой «Дикси», а «Маменькины детки любят рассыпчатый хлеб» – ротовым отверстием.

– Ладно, Чинаски, забудем.

6

Однажды вечером я огибал угол, прокравшись в кафетерий за пачкой сигарет. А навстречу – знакомая физиономия.

Том Мото! Парень, с которым мы вместе вкалывали при Стоне!

– Мото, ебала ты старая! – сказал я.

– Хэнк! – ответил он. Мы пожали руки.

– Эй, а я о тебе вспоминал! В этом месяце Джонстон на пенсию выходит. Мы тут собирались ему отходную устроить. Знаешь, он же всегда любил рыбу ловить. Мы собираемся взять его на рыбалку на лодке. Может, и ты захочешь поехать и его за борт скинуть, утопить его. У нас хорошее глубокое озеро есть.

– Да нет, блять, я даже смотреть на него не хочу.

– Но ты же приглашен.

Мото ухмылялся от сраки до бровей. Тут я бросил взгляд на его рубашку: значок надзирателя.

– Неужели, Том?

– Хэнк, у меня четверо детей. Я им нужен на хлеб с маслом.

– Ладно, Том, – ответил я. И отошел прочь.

Не знаю, как это с людьми происходит. Я тоже платил алименты, мне нужно было пить, платить за квартиру, покупать ботинки, носки, всю эту хрень. Как и любому другому, мне необходима старая машина, необходимо чем-то питаться, необходимы неощутимые мелочи.

Вроде женщин.

Или дня на скачках.

Когда все на крючке и нет ни просвета, об этом даже не думаешь.

Я оставил машину напротив Федерального здания и стоял ждал зеленого. Потом перешел через дорогу. Пропихнулся сквозь вертушку. Меня тянуло, как кусок железа магнитом. Я ничего не мог с собой поделать.

Я поднялся на второй этаж. Открыл дверь – все они были на месте. Ярыжки Федерального здания. Я заметил одну девушку – бедняжка, всего одна рука. Она будет сидеть здесь вечно. Все равно что быть старым алкашом вроде меня. Что ж, как говорят парни, нужно ведь где-то работать. Вот и принимают все как есть. Мудрость раба.

Подошла молодая черная девчонка. Хорошо одетая и довольная своей окружающей средой. Я был за нее счастлив. Сам бы я рехнулся от такой работы.

– Да? – спросила она.

– Я сортировщик почты, – ответил я, – и хочу уволиться.

Она засунула руку под стойку и вытащила пачку бумаг.

– Все это? Она улыбнулась:

– Вам ведь это под силу, правда?

– Не волнуйтесь, – ответил я, – под силу.

Для того чтобы выбраться оттуда, нужно было заполнять больше бумаг, чем для того, чтобы устроиться.

Первая страница, выданная мне, была размноженным обращением городского почтмейстера.

Начиналась она так:

Мне очень жаль, что вы заканчиваете работу в почтовой службе и... – и т. д., и т. п.

Как может ему быть жаль? Он меня даже не знает.

Затем шел список вопросов.

Находили ли Вы понимание в своих надзирателях? Могли ли Вы обмениваться с ними мнениями?

Да, ответил я.

Не находили ли вы надзирателей каким-либо образом предубежденными против расы, вероисповедания, образования или какого-либо связанного с ними фактора?

Нет, ответил я.

Еще такой был:

Посоветуете ли Вы своим друзьям искать работу в почтовой службе?

Конечно, ответил я.

Если у Вас есть неразрешенные трудовые конфликты или жалобы на почтовую службу, пожалуйста, перечислите их на обратной стороне этого листа.

Жалоб нет, написал я.

Тут моя чернокожая девушка вернулась.

– Закончили уже?

- Закончил.
- Я ни разу не видела, чтобы бумаги заполняли так скоро.
- «Быстро», – сказал я.
- «Быстро»? – переспросила она. – Что вы хотите сказать?
- Я хочу сказать, что мы будем делать дальше?
- Пройдемте, пожалуйста.

Я протиснулся следом за ее жопкой между столов куда-то в самый дальний угол.

- Садитесь, – сказал мужчина.

Он не торопясь прочел мои бумаги. Затем взглянул на меня.

– Могу я спросить, почему вы увольняетесь? Из-за мер дисциплинарного воздействия, примененных к вам?

- Нет.

– В таком случае, какова причина вашего увольнения?

– Продолжение карьеры.

– Продолжение карьеры?

Он пристально смотрел на меня. До моего 50-го дня рождения оставалось меньше восьми месяцев. Я знал, о чем он думает.

– Могу я поинтересоваться, что это будет за «карьера»?

– Что ж, сэр, я вам скажу. Охотничий сезон в дельте – только с декабря по февраль. Я уже потерял месяц.

– Месяц? Но вы проработали здесь одиннадцать лет.

– Ну ладно, потерял одиннадцать лет. За эти три месяца охоты в Рукаве Ля-Фурш я могу сделать от десяти до двадцати кусков.

– И чем же вы занимаетесь?

– Ловушки ставлю! На ондатру, нутрию, норку, выдру... на енота. Нужна мне только пирога. Двадцать процентов выручки отдаю за пользование участком. Мне платят доллар с четвертью за шкурку ондатры, три бакса на норку, четыре – за выхухоля, полтора – за нутрию и двадцать пять – за выдру. Тушки ондатры я продаю – а они примерно в фут длиной – по пять центов на фабрику корма для кошек. За освежеванную нутрию я получаю двадцать пять центов. Кроме этого, я держу порослят, курей и уток. Сомиков ловлю. Это делается просто. Берешь...

– Ничего, мистер Чинаски, этого достаточно.

Он вправил какие-то бумажки себе в машинку и застучал по клавишам.

Я поднял глаза: передо мною стоял Паркер Андерсон, мой профсоюзный деятель, старый добрый Паркер, бравшийся и какавший на заправках, стоял и улыбался мне своим оскалом политика.

– Увольняешься, Хэнк? Я-то знаю, что ты грозился все одиннадцать лет...

– Ага, еду в Южную Луизиану добраяки ловить.

– А у них там ипподром есть?

– Что, смеешься? «Ярмарки» – один из старейших ипподромов в стране!

С Паркером был молоденький белый парнишка – один из племени потерянных невротиков, – с глазами, подернутыми влажными пленками слез. По одной большой слезе в каждом глазу. Они не выкатывались. Это завораживало. Я видел, как женщины сидят и смотрят на меня такими же глазами, прежде чем рассвирепеть и заорать, какой я мерзавец. Очевидно, парнишка попался в одну из множества ловушек и стал Паркеровой шестеркой. В обмен Паркер сбережет ему работу.

Мужчина протянул мне подписать еще одну бумагу, и я оттуда выбрался.

Паркер сказал:

– Удачи, стариk, – когда я проходил мимо.

– Спасибо, детка, – ответил я.

Я совершенно не чувствовал себя иначе. Но знал, что довольно скоро на меня подействует, как на того, кого быстро поднимают из глубин моря, причем подействует с особыми выворотами. Как на проклятых попугайчиков Джойс. После жизни в клетке я осмелился пролезть в дыру и вылетел наружу – словно выстрел в небеса. Небеса?

Я ушел в вывороты. Я бухал и не просыхал сильнее, чем говенний скунс в чистилище. Я даже поднес к глотке мясницкий нож как-то ночью на кухне – а потом подумал: полегче, старичок, твоя маленькая девочка, может, еще захочет сходить с тобой в зоопарк. Мороженое, шимпанзе, тигры, зеленые и красные птицы, и солнце – спускается ей на макушку, солнце спускается и заползает в волосы у тебя на руках, полегче, старичок.

Когда я пришел в себя, я сидел в своей передней комнате, харкал на ковер, гасил бычки о запястья и хохотал. Спятил, как мартовский заяц. Я поднял голову: передо мной сидел студент-медик. Между нами на кофейном столике в уютной толстой банке сидело человеческое сердце. Вокруг него – а в честь прежней владелицы оно было обозначено «Фрэнсис» – стояли полупустые бутылки виски и скотча, толпились пивные банки, пепельницы, всякий мусор. Я извлек оттуда бутылку и глотнул адской смеси пива и пепла. Я не ел две недели. Бесконечный поток людей втекал и вытекал. Произошло семь или восемь диких попоек, когда я постоянно требовал: «Больше пойла! Больше пойла! Больше пойла!» Я улетал к небесам; а они просто болтали – ну, и мацали друг друга.

– Ага, – сказал я студенту-медику, – ну и чего тебе от меня надо?

– Я собираюсь быть вашим личным терапевтом.

– Хорошо, доктор, первое, что мне нужно от вас, – уберите отсюда это блядское сердце!

– Не-а.

– Что?

– Сердце останется тут.

– Слушай, мужик, я даже не знаю, как тебя зовут...

– Уилберт.

– Так, Уилберт, я не знаю, кто ты такой и как сюда попал, но ты заберешь Фрэнсис с собой!

– Нет, она останется у вас.

Затем он взял свой игрушечный мешочек и резиновую манжетку для руки, подавил на грушу, и резинка надулась.

– У вас давление девятнадцатилетнего, – сообщил он мне.

– На хуй. Слушай, разве это по закону – чтоб человеческие сердца вот так валялись?

– Я за ним вернусь. Теперь вдохните!

– Я думал, что меня почтамт с ума сводит. А теперь еще и ты возник.

– Тихо! Вдох!

– Мне нужен хорошенъкий кусок молодой пушнины. Вот что со мной не в порядке.

– У вас позвоночник смещен в четырнадцати местах, Чинаски. Это приводит к напряженности, имбецильности и зачастую – к безумию.

– Херня! – ответил я...

Не помню, как этот господин ушел. Я проснулся на оттоманке в 1.10 дня, смерть после полудня – и стояла жара, солнце прорвалось через мои драные жалюзи и покоилось на банке в центре кофейного столика. Фрэнсис осталась со мной на всю ночь, тушилась в алкогольном рассоле, купалась в слизистой вытяжке дохлой диастолы. Сидела в своей банке.

Она походила на жареного цыпленка. То есть до того, как его поджарили. Вылитая просто.

Я взял ее, поставил в шкаф и накрыл драной рубашкой. Потом сходил в ванную и проблевался. Закончил, сунулся мордой в зеркало. По всей физиономии повылезали длинные черные волосы. Неожиданно пришлось сесть и посрать. Получилось хорошо и жарко.

Позвонили в дверь. Я закончил подтираться, влез в какую-то старую одежонку и подошел к двери.

– Кто там?

Снаружи стояли молодой парень с длинными светлыми волосами, свисавшими на лицо, и черная девчонка – она не переставая ухмылялась как ненормальная.

– Хэнк?

– Ну. Вы кто, парни?

– Она – женщина. Ты разве нас не помнишь? С вечеринки? Мы принесли цветочек.

– Ох, блин, ну заходите.

Они внесли цветок – нечто красно-оранжевое на зеленом стебле. Осмысленнее прочего, если не считать того, что цветочек загублен. Я нашел вазочку, поставил цветок в нее, вынес кувшин вина и поставил его на кофейный столик.

– Ты ее не помнишь? – спросил парнишка. – Ты еще говорил, что хочешь ее выебать.

Та рассмеялась.

– Очень мило, но не сейчас.

– Чинаски, как же ты без почтамта теперь будешь?

– Не знаю. Может, тебя отъебу. Или позволю тебе отъебать себя. Черт, не знаю прямо.

– Ты можешь ночевать у нас на полу в любое время.

– А можно посмотреть, как вы ебетесь?

– Конечно.

Мы выпили. Я уже забыл их имена. Я показал им сердце. Попросил забрать этот ужас с собой. Я не осмеливался выкинуть его – вдруг студенту-медику оно еще понадобится на экзамен, или срок возврата в медицинскую библиотеку подойдет, или еще чего-нибудь.

И вот мы сходили и посмотрели стриптиз, мы пили, верещали и ржали. Не знаю, у кого были деньги, но, думаю, в основном платил парень, что очень мило для разнообразия, а я все веселился и щипал девчонку за задницу и ляжки, целовал ее, но дела никому не было. Пока деньги есть, ты тоже есть.

Они отвезли меня назад, и он с нею ушел. Я ввалился в двери, сказал им до свиданья, включил радио, отыскал полпинты скотча, выпил, посмеиваясь, мне было хорошо, наконец расслабился, свободный, обжигал пальцы короткими сигарными окурками, затем доплелся до постели, до краешка, споткнулся, грохнулся, упал поперек матраса, спал, спал, спал...

Наутро было утро, а я еще был жив.

Может, роман напишу, подумал я.

А потом и написал.

notes

Примечания

1

По Фаренгейту. 37,8 °C. – Здесь и далее прим. переводчика.

2

Малыш Билли (Генри Маккарти, Уильям Х. Бонни, 1859–1881) – легендарный американский бандит, действовавший на юго-западе США. Считается, что в 12 лет он совершил первое убийство. На его счету 21 убийство – по числу прожитых лет, «не считая индейцев и мексиканцев». В 1880 г. был схвачен во время так называемых войн скотовладельцев и приговорен к повешению. Бежал из тюрьмы, убив двух помощников шерифа, но в конце концов был застрелен шерифом округа Линкольн Пэттом Гарретом в Форте-Самнер, Нью-Мексико.

3

Песня Гарольда Адамсона и Виктора Янга из одноименного фильма американских режиссеров Майкла Андерсона и Джона Фэрроу (1956), снятого по роману Жюля Верна.

4

Стихотворение из английского сборника «Песенки Матушки Гусыни» (1760). Перевод Г. Кружкова.

5

Стив Маккуин (1930–1980) – американский актер, снимался преимущественно в вестернах и приключенческих фильмах.

6

Фарлонг – мера длины, используемая обычно на скачках, 201,17 м, восьмая часть мили. Название происходит от стандартной длины борозды на общирном поле.

7

Жозеф Морис Равель (1875–1937) – французский композитор; «Болеро» (1928) – одно из самых известных его произведений. Мануэль де Фалья (1876–1946) – испанский композитор и пианист; «Танец с треуголками» – танцевальная композиция из его балета «Треуголка» (1919).

8

Винсент Ван Гог (1853–1890) – голландский художник. При жизни была продана только одна картина Ван Гога, его содержал брат Тео.

9

Американские бейсболисты: Уилли Говард Мейс-мл. (р. 1931), Теодор Сэмюэл Уильямс (1918–2002), Тайрус Рэймонд («Тай») Кобб (1886–1961), Джордж Герман («Бейб») Рут-мл. (1895–1948), Джозеф Пол Димаджио (1914–1999), Генри Луис Аарон (р. 1934).

10

Скорее всего, речь идет о так называемом бунте в Уоттсе – пятидневных беспорядках в преимущественно черном районе Лос-Анджелеса Уоттс, которые начались 11 августа 1965 г., длились 5 дней и сопровождались мародерством, поджогами и человеческими жертвами.